САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Андреев Глеб Сергеевич

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В АНГЛИЙСКОЙ АНТИУТОПИИ

Научная специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры.

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Л.П.Морина

Санкт-Петербург
2020

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ ... 3
ГЛАВА 1. Утопия и утопические проекты ... 12
1.1. Понятие утопии, особенности утопии ... 12
1.2. Типологии утопий ... 20
1.3. Идеалы английских авторских утопических проектов. ... 25
ГЛАВА 2. Утопия и свобода ... 42
2.1. Границы свободы в утопии ... 42
2.2. Проблема свободы в утопии ... 54
ГЛАВА 3. Антиутопия и свобода ... 68
3.1. Формирование антиутопии ... 68
3.2. Ценностное ядро антиутопии ... 78
3.3. Классические антиутопии: Дж. Оруэлл и О.Хаксли ... 94
ГЛАВА 4. Современная антиутопия ... 105
4.1. Антиутопическая саморефлексия: О.Хаксли и Э.Бёрджесс ... 105
4.2. Постклассические антиутопии: Д.Лессинг и Ф.Д.Джеймс ... 114
4.3. Антиутопии XXI века: Ф. Рив и Д. Митчелл ... 121
4.4. Репрезентация антиутопии в современном кинематографе ... 128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 144
ВЫВОДЫ ... 148
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ... 150

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Антиутопия – один из самых популярных жанров современной англоязычной литературы. Воплощаемая в современной аудиовизуальной культуре в фильмах и сериалах, антиутопия, основа которой все же литературная, имеет широкую распространенность и огромную популярность среди молодого населения современной Европы и США. Исследования этого жанра проводятся с точки зрения изучения эсхатологии и будущего, феноменов тоталитаризма, идеологии и других проблем, ярко освещаемых в антиутопической литературе. Темпоральный аспект – один из наиболее популярных в изучении антиутопии, что довольно закономерно. Антиутопия – это попытка одновременного осмысления трех времен сразу: прошлого (в качестве точки отсчета для сравнения с настоящим), настоящего (интерпретируемого сатирически или иронически) и будущего (представляющего собственно антиутопическую концепцию). Именно отношение к будущему, настоящему и прошлому является одним из критериев выделения антиутопии как жанра и отделения ее от предшествующей утопии.

Понятие свободы одно из самых многозначных в истории мировой философии. В той или иной мере история понятия свободы говорит нам о том, что почти каждый философ или мыслитель давал ему определение. Различная трактовка понятия «свобода» является одним из главных отличий (иногда это является причиной, иногда следствием других рассуждений) в авторских философских концепциях, философских течениях, направлениях мысли и школах. Проблема свободы в современном мире затрагивает жизнь каждого человека, свобода – то, с чем имеет дело теперь каждый человек, даже не подозревая этого или отрицая это. Проблема свободы стала одной из самых актуальных тем для обсуждения по причине глобальных изменений, которые пережил мир в XX веке, и последствия которых до сих пор влияют на все стороны жизни человека.

Свобода представляет собой предмет живого исследования различных наук и областей знания: философии, филологии, экономики, политологии, физики, биологии,

химии и в связи с различными феноменами: порядком, ответственностью, судьбой, внешним принуждением и на разных исторических этапах своего развития и осмысления.

Изучение антиутопии в контексте проблемы свободы обуславливает актуальность данного исследования, поскольку исследование представляет собой попытку осмысления не только причин зарождения и популярности феномена антиутопии через понятие «свобода», но и аксиологическое исследование значения свободы в современной антиутопии.

Также в науке имеется запрос на исследование современного состояния культуры. Попытка проанализировать проблему свободы в контексте английской антиутопии позволяет дать характеристику не только живому феномену культуры – антиутопии - с точки зрения одного из базовых понятий и методов философии (свободного рассуждения), но и проанализировать современное состояние культуры и ее ценностей через призму этого феномена. Тема позволяет затронуть исследования кризиса европейской культуры XX века, проблемы идентичности современного человека, проблемы массового общества и массового потребления, а также исследовать причины формирования этого общества, его ценностей, идеалов и взглядов.

Подробное изучение этих вопросов необходимо для исследования современного состояния культуры, причин, повлиявших на его формирования, изучения произошедших по сравнению с прошлым изменений, формирования иерархии ценностей современного общества.

Степень разработанности темы исследования.

Феномен утопии и утопического сознания изучен в работах Э.Я. Баталова, Л.Мэмфорда, С.С.Сизова, В.А. Чаликовой, Е.Л.Чертковой. Работы Р.Моля, А.Мортона, Л.Мэмфорда, А.Свентоховского, А.Фогта посвящены истории утопических идей и текстов. Исследования М.Александрова, П.И.Новгородцева посвящены изучению утопического идеала. В конце XX века выросло количество работ, посвященных изучению эволюции утопизма в отдельных странах и отдельных исторических периодах, таковы исследования: М.А.Барга, В.А.Гуторова, А.Мортона, П.И.Новгородцева, Л.С. Чиколлини. Анализом утопий в связи с исследованием

литературной фантастики занимались В.П.Волгин, Ю.И.Кагарлицкий, С.Лем. Традицию определения утопии через сравнение ее с мифом развивали: Ж.Сорель, К.Хюбнер, сравнение с идеологией проводили: Э.Я.Баталов, К.Гирц, К.Мангейм, Е.Л. Черткова; с эсхатологией утопию сравнивали Ф.Полак, В.П.Шестаков. Типологию утопий как предмет особого исследования разрабатывали: Ф.Аинса, Э.Я.Баталов, Ф.Е. и Ф.П.Мануэль, А.Мортон, Л.Мэмфорд, А.Свентоховский, Е.Л.Черткова. Составлялись также каталоги утопий, среди наиболее значительных каталоги, составленные: Т.Е.Егоровой, Р.Молем, Л.Т.Сарджентом, В.В.Святловским.

Во второй половине XX века широкое распространение получили антиутопии, или негативные утопии, параллельно с этим появились исследования, связанные с анализом проблем, поднимаемых в антиутопиях и негативных утопиях: Э.Я.Баталова, И.Д.Тузовского, В.А.Чаликовой, Р.С. Черепановой.

Особое место в исследовании утопии занимает журнал, выходящий с 1987 года «Utopian studies», посвященный разработке различных проблем, связанных с исследованиями утопизма как феномена культуры. Журнал «Moreana» Эдинбургского университета с 1963 года занимается исследованиями, связанными с жизнью Т.Мора, а также поддерживает всестороннее изучение (в широком смысле) культуры XVI века.

Квинтэссенцией исследования утопизма и всех его форм стало учреждение в 1988 году несколькими британскими исследователями утопизма Utopian Studies Society - европейской ассоциации междисциплинарных исследований утопизма. Эта ассоциация ежегодно проводит конференцию, объединяющую всех исследователей феномена утопии, со временем включив исследователей и из Северной Америки. В их число входят наиболее авторитетные представители современного исследования утопизма и всех его проявлений, среди них: Р.Бакколини, А.Блэйм, Г.Клэйс, Р.Левитас, Т.Мойлан, Л.Т.Сарджент. Также можно отметить современные исследования Ф.Джеймисона, Т.Ворнвика, П.Э.Фирчоу.

Утопиям, утопическому сознанию и утопическому мышлению посвящено достаточное количество диссертационных исследований в России. Среди наиболее современных это докторские работы И.В.Фроловой «Утопия: сущность и развитие (Опыт социально-философской концептуализации)» (2005), И.М.Эрлихсон «Генезис

идей социальной утопии в английской общественной мысли второй половины XVII - начала XVIII вв.» (2009).

Непосредственно антиутопии посвящены докторские диссертации в области филологии Б.А.Ланина (1993), А.Е.Ануфриева (2002), А.Н.Воробьевой (2009), и все они посвящены в той или иной степени изучению русской антиутопии. Исследованиям западной антиутопии посвящены кандидатские диссертации Л.Ф.Хабибуллиной (1993), Е.Р.Волковой (1995), Г.Д.Сысоева (1996), Е.В.Малышевой (1998), Н.Б.Якушевой (2001), Ю.А.Борисенко (2004), Л.А.Морщихиной (2004), А.В.Кузнецовой (2006), Т.Н.Клименко (2008), И.Д.Тузовского (2009), А.А.Дыдрова (2011).

Цель исследования – изучить проблему свободы в контексте антиутопии как феномена английской культуры, определить место свободы в иерархии ценностей английской антиутопии и проанализировать причины отделения антиутопии от утопии с точки зрения проблемы понимания свободы, ее места в обществе и значения для личности.

Задачи исследования:

1. Выявить и рассмотреть основные подходы к определению термина «утопия», обобщить существующие в научной литературе исследования, посвященные жанру утопии;
2. Систематизировать характеристики утопии как жанра;
3. Рассмотреть различные типологии утопий и основные функции утопий;
4. Выделить внешние и внутренние причины возникновения антиутопии и причины ее значимости для европейской культуры;
5. Проанализировать идеалы и ценности английских классических утопических и антиутопических проектов, выявить их жанровые специфики;
6. Изучить границы и значение свободы в контексте утопии и антиутопии как жанров, выявить роль свободы в английских утопических/антиутопических проектах;
7. Рассмотреть наиболее известные английские антиутопические проекты (С 30-х годов XX века до начала XXI века);

8. Рассмотреть влияние английских антиутопий на современный кинематограф.

Объект исследования – антиутопия как феномен европейской культуры.

Предмет исследования – проблема свободы как одна из центральных проблем английской антиутопии.

Методы исследования.

В основу диссертации положен исторический метод исследования, который позволяет проследить трансформацию утопического дискурса в исторической перспективе и сопоставить эти изменения со сменой вектора с утопического на антиутопический, а также проследить эволюцию антиутопического текста. Кроме того, исторический метод позволяет выделить английскую утопическую традицию из мировой и проанализировать ее формирование, развитие и трансформации с учетом жанровых и контекстных особенностей в исторической перспективе.

Аксиологический подход позволил определить место свободы в иерархии ценностей утопии и антиутопии и отрефлексировать разницу в утопическом и антиутопическом подходах к осмыслению идеалов общества.

Для исследования утопии и антиутопии как феноменов культуры применен системный подход, позволяющий рассмотреть концепции утопистов и антиутопистов как полноценные социальные системы, включающие в себя взгляды, идеалы и ценности общественного устройства.

Компаративистский метод позволил сравнить тексты утопий и антиутопий на основе критерия свободы, а также выполнить сравнительный анализ причин, повлиявших на кризис европейской культуры XX века с причинами, которыми обосновывалась трансформация английской утопии в антиутопию.

Для выявления причин трансформации утопии в антиутопию данное исследование опирается на методы, разработанные в работах Г.Зиммеля, Й.Хёйзинги, Р.Рорти, Ж.Бодрийяра, Э.Фромма в отношении изучения изменения ценности свободы в XX веке в европейской культуре.

Применение игровой концепции культуры Й.Хёйзинги позволило адекватно оценить причины, повлиявшие на появление антиутопии, а также выявить логику трансформации утопии в антиутопию.

Научная новизна диссертационного исследования.

1. Выявлены причины, позволяющие относить утопию и антиутопию к единой философско-культурологической традиции.
2. Проведен комплексный анализ проблемы свободы в английской утопии и антиутопии от 1516 до 2004 года.
3. Предложен подход к осмыслению причин исторического поворота от утопии к антиутопии на основе трансформации понимания роли и значения свободы.
4. Дополнен список причин исторического поворота в рамках английской утопической традиции от утопической к антиутопической форме рассуждения.
5. Определено значение свободы в ценностных иерархиях утопии и антиутопии.
6. Благодаря использованию «фигуры шпильбрехера» (Й.Хёйзинги) выявлена трансформация в жанре антиутопии.
7. Исследование ценностной архитектоники антиутопии позволило осмыслить аксиосферу современного общества.

Положения, выносимые на защиту:

1. Утопический и антиутопический дискурсы относятся к одной философской традиции осмысление наилучшего устройства общества, в отличие от литературного пространства, где утопия и антиутопия представляют собой разные жанры.
2. Свобода является одной из главных ценностей для английской антиутопии, а несвобода, как антиценность, представляет собой главный объект критики антиутопистов.
3. Изменение в понимании значения свободы является одной из причин поворота от утопии к антиутопии, поскольку антиутопия и утопия различным образом оценивают свободу, свобода занимает различные уровни в их иерархиях, а также свобода имеет различное значение для английской утопии и антиутопии.
4. Различные интертекстуальные приемы, такие как диалогическое взаимодействие текстов, множественные цитирования и отсылки являются формообразующими приемами английского утопического дискурса, включающего антиутопию, что доказывает, что историческое наследие

утопического жанра имеет большое значение для английской утопической мысли.

5. Игровая концепция Й.Хёйзинги обладает эвристичностью и методологической эффективностью в отношении исследования феноменов утопии и антиутопии и осмысления причин формирования антиутопии, а также ее значимости в современной культуре.
6. На протяжении истории жанр антиутопии трансформируется: современная антиутопия отказывается от идеи бессмысленности борьбы с системой и характеризуется процессом «романтизации». Антиутопия середины XX века, конца XX века и антиутопия XXI века демонстрируют различные подходы к осмыслению одной из главных тем антиутопии – борьбе личности против системы за свою свободу (шпильбрехерства).
7. Аксиологический анализ антиутопии является репрезентативным для аксиосферы современного общества, поскольку антиутопические мотивы являются доминирующими в современной литературе, кино и искусстве.

Теоретическая значимость исследования.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в выявлении причин трансформации жанра утопии в антиутопию в истории европейской культуры на основе осмысления проблемы свободы в утопии и антиутопии.

Научная значимость состоит также в применении методов исследования игровой концепции культуры Й.Хёйзинги к антиутопическим текстам, что позволило проследить логику трансформации утопии в антиутопию, изменения в самом жанре антиутопии, и, таким образом, подтвердить гипотезу об особой эвристичности теории Й.Хёйзинги для исследования утопии и антиутопии, а также проиллюстрировать игровую концепцию культуры Й.Хёйзинги дополнительными примерами.

Также предпринята попытка обосновать связь трансформации ценности свободы и ее значения для европейской культуры XX века с кризисом европейской культуры XX века для выявления дополнительных причин преобразования утопии в антиутопию.

Практическая значимость исследования.

Полученные в результате исследования выводы могут быть использованы при разработке лекционных курсов по истории культуры, а также аксиологии культуры.

Положения, выдвинутые в работе, могут способствовать изучению европейской и американской утопической и антиутопической традиции, поскольку данное диссертационное исследование рассматривает английскую утопическую традицию.

Данное исследование также может служить теоретической базой для дальнейшего изучения утопических и антиутопических текстов при помощи игрового подхода к изучению культуры.

Исследование, проведенное в данной работе, может быть интересно специалистам различных наук, занимающимся изучением феноменов утопии и антиутопии.

Апробация результатов исследования. Основные выводы диссертационного исследования были представлены в 6 публикациях, из них 3 статьи в рецензируемых научных журналах, изданиях, рекомендованных Высшей Аттестационной Комиссией (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации. Помимо этого апробация результатов настоящего исследования в течение трех лет была представлена: на конференции СНО «Утопии и мечты о будущем в мировой истории и культуре» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 2017), и на следующих международных конференциях с докладами: международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019», устный доклад на тему: «Аксиологический аспект современной английской антиутопии» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 2019), третье место на конкурсе работ молодых ученых международной конференции «Психология образования будущего: от традиций к инновациям», с докладом «Утопия как источник исследований образования будущего» (ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль, 2019). Также были проведены две публичные лекции на темы: «Антиутопия в контексте культуры» и «Антиутопия – философия будущего?» (Медиатека ЦГПБ им. В.В. Маяковского, Санкт-Петербург, 2019). Было принято участие в симпозиуме «Семиотика в XXIв.: новые горизонты и перспективы» в рамках Дней философии в Санкт-Петербурге 2019, с докладом: «Проблемы авторства современной антиутопии».

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из четырех глав, введения и заключения, изложенных на 161 странице. Работа также содержит список литературы, включающий в себя 158 источников, из которых 134 написаны на русском и 24 на английском языке.

ГЛАВА 1. Утопия и утопические проекты

1.1. Понятие утопии, особенности утопии

В европейской традиции, вслед за островом, который в своей книге описал Томас Мор, все размышления о лучшем устройстве миропорядка принято называть утопией. Это греческое слово, образованное Т. Мором, объединяет множество различных произведений и размышлений. Со времен Томаса Мора это понятие обросло множеством смыслов, поэтому дать однозначное определение этому феномену затруднительно.

Известно, что «утопия» - сочетание двух компонентов греческого языка. Поскольку «Утопия» Мора написана была на латинском языке, греческие слова передавались в транскрипции, в связи с этим скрадывались отличия двух функциональных элементов, в зависимости от сочетания дававших толкования: либо «место, которого не существует», «Нигдея», «несуществующая страна», либо «утопия» — это «благословенная земля», «прекрасная страна». «...Истинный замысел Мора оставался скрытым. Не исключено, что это была игра слов «страна прекрасная, но не существующая»»[1]. Косвенным подтверждением этого могут служить и другие названия, которые давал Мор отдельным элементам своей утопии: к примеру, главная река острова именуется Анидр, что с греческого переводится как «не-вода» или река без воды.

Автором термина «утопия», бесспорно, является Томас Мор, однако, его «не следует считать родоначальником сложившегося жанра»[2], как отмечает Петруччани. «Сам факт внутренней связи европейской утопической традиции с общественной мыслью Древней Греции был осознан уже в эпоху Возрождения»[3]. Главным же источником утопического вдохновения явился Платон со своей работой «Государство». Основная задача Платона состояла в изображении образцового города-государства,

---

[1] Баталов Э.Я. В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989. С. 8.

[2] Петруччани. А. Вымысел и поучение // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. под ред. Чаликовой В.А. М., 1991. С. 98.

[3] Гуторов В.А. Античная социальная утопия: вопросы истории и теории. Л., 1989 С. 4.

получившего совершенную конституцию. Платон предполагал, что, если бы такое государство было создано, оно могло бы существовать вечно, не претерпевая изменений и не нуждаясь в них. В Средние века «Республика» Платона неизбежно становилась отправной точкой для множества проектов образцового устройства государства, что определило основные черты европейской утопической традиции. В своей книге «Английская утопия» Артур Мортон так говорит о наследии Платона: «…В несколько измененном виде легли эти предпосылки в основу «Утопии» Мора, хотя большинство их не обсуждается в книге. Мор не хотел повторять то, что уже было сказано в «Республике», вместо этого он рисует в живых образах картину благоустроенного государства, уже созданного и живущего полной жизнью»[4]. Таким образом, автор отмечает преемственность идеи Платона, вместе с тем указав, что принцип реализации умозрительного проекта у Мора выбран иной, нежели платоновский, а именно принцип наглядности и живости. Этот принцип ляжет в основу европейской утопической традиции, начавшейся с Томаса Мора.

«Утопия», определяемая Э.Я.Баталовым, как «произвольно сконструированный образ идеального социума»[5], так или иначе, вошла в историю культуры как идеал общественных отношений, и, таким образом, представляет собой один из самых общих элементов культуры. Не было такой эпохи в истории западной культуры, которая не обращалась бы идеальному состоянию общества. Утопия, понимаемая в качестве идеала общественных отношений, входит в религиозные воззрения, политические конструкты, социальные и правовые теории, системы воспитания.

За время существования европейской культуры появилось множество утопий, для каждой отдельной исторической эпохи была характерна своя традиция, свое понимание утопии, осознание ее особенностей, целей и задач утопического дискурса. М.Ласки, называя утопию зеркалом действительности, делает акцент на осмыслении реальности в утопии, а Ж.Лапуж говорит об утопии как форме, способной вместить любое содержание, не только отраженное. В.Гюго называл утопию правдой завтрашнего дня, В.А.Чаликова рассуждает об утопии как о полной аксиологической

[4] Мортон А.Л. Английская утопия, М.,1956. С. 52.
[5] Баталов Э.Я. В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989. С. 23.

инверсии мира. В противовес расплывчатым определениям «утопии» как парадигмы будущего или мечты человечества Л.Т.Сарджент выделяет несколько характерных свойств утопии: последовательность рассуждений, локализация во времени и пространстве, лучшая альтернатива обществу, в котором живет автор. Однако при всем разнообразии подходов все же необходимо выделить несколько основных признаков, характерных для большинства утопических произведений.

Карл Манхейм говорит, что отличительной особенностью элементов утопии является построение их «таким сознанием, которое не находится в соответствии с окружающим его «бытием»»[6]. Иными словами, элементы утопии структурированы таким образом, что не имеют реальных референтов в жизни автора. Стремление утопистов к будущему «выводит мысль за пределы наличной действительности»[7]. Распространение получила идея, что зачастую утопии построены на «критическом отношении к существующему обществу, как результату предшествующего развития»[8]. В этом случае взгляды, которые развиваются в утопии, построены на отрицании поведенческого императива, принятого в обществе во времена автора. Так было сделано Томасом Мором, когда он описывал земельные отношения в своей «Утопии», полагаясь на высмеивание порядка в современной ему Англии: «Ваши овцы. Обычно такие тихие, питающиеся так скудно, ныне, как говорят, стали они такими прожорливыми и неукротимыми, что пожирают даже людей, опустошают и разоряют поля, дома, города»[9]. Таким иносказательным образом он комментировал процесс «огораживания», который характеризовался превращением пахотной земли в пастбища. «Мысль о всецелом преображении существующего требовала безусловного отрицательного отношения к истории и безусловного разрыва с прошлым»[10].

Таким образом, существуют два способа построения утопического общества. Первый заключается в построении общества на основе размышлений, предположений и мечтаний автора о том, каким будет будущее. Другой вариант строит общество на основе отрицания текущего порядка, в форме негативного отношения к тому, что

---

[6] Манхейм К. Идеология и утопия. М.,1994. С. 8.
[7] Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. N 3. С.71.
[8] Там же. С. 72.
[9] Мор Т. Утопия, М., 1978. С. 132.
[10] Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 271.

принято в современном обществе в качестве нормы. Следует отметить, что утопия от сатиры отличается тем, что в утопии присутствует не только критика современного порядка, но и рассказывается о другом, лучшем устройстве человеческого общежития, т. е. утопия имеет созидательный потенциал. На этом основании можно говорить, что «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта имеют утопические мотивы, но представляют собой сатирико-фантастический роман.

Главной особенностью утопии является изображение общественного идеала. Это изображение идеала, в свою очередь, характеризуется следующими чертами. Все процессы, происходящие в этом сообществе, четко регламентированы (например, писаной конституцией, дарованной королем-основателем по имени Соламона, в «Новой Атлантиде» Бэкона), и все правила строго соблюдаются всеми членами сообщества. Причем почти в каждой утопии подчеркивается конечность и бесспорность такого документа, что ведет к мирному сосуществованию граждан без каких-либо конфликтов и прений. С появлением и установлением совершенного строя идеальное общество как бы выпадает из времени, поскольку воплощение идеала означает конец истории. Афоризм «только ложь имеет историю» в контексте утопических произведений означает, что поскольку лучший порядок тождественен истинному, то с момента его установления он не имеет своей истории, поскольку не имеет никакого преобразования. «Совершенный строй не может перейти в иной, качественно от него отличный, ибо совершенство и означает завершенность, достижение полной гармонии всех элементов и сторон общества, разрешение всех его противоречий»[11]. Именно поэтому, ни одно утопическое сообщество не изображается преобразующимся во времени, оно застывает в неподвижно-идеальном состоянии с момента установления нового, абсолютно справедливого порядка. По той же причине совершенной гармонии, не может быть плюрализма во мнениях, поскольку для каждого и в любой ситуации очевидно, как следует поступать, что будет наилучшим решением по данному вопросу. Здесь кроется причина единомыслия и единообразия всех членов совершенного общества. Индивидуальность каждого человека проявляется только в двух аспектах жизни, и только в тех утопиях, где признается

[11] Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. N 3. С.74.

неравенство в правах и способностях людей от рождения. Первый аспект, в котором проявляются личностные отличия — интенсивность проявления признака, т. е. обоснование того, почему люди не могут делать все одинаково хорошо. Люди, будучи хорошо осведомлены во всех науках и ремеслах, все же проявляют особый интерес к чему-либо, что удается делать им особенно хорошо. Другой аспект связан с сословиями и частной собственностью: например, у Фурье занимающий более высокое положение человек имеет право на больший земельный участок.

Совершенные общества, описываемые в утопиях, отгорожены от окружающего их мира. Они вынуждены сосуществовать с другими сообществами в тайне, ради сохранения своей безопасности, или из-за того, что другие народы еще не готовы принять свет истины. Отношения с внешним миром могут быть торговыми и колонизационными, например, в «Путешествии в Икарию» Э.Кабе, население других стран может использоваться для наемного труда как в «Утопии» Т.Мора, однако, многие утопические сообщества поддерживают тайную связь с внешним миром через своих людей, отправляемых в другие страны, чтобы иметь доступ к изобретениям, языкам и мудрости этих стран как в «Новой Атлантиде» Фр.Бэкона.

Существенным допущением утопической традиции является вера в то, что человеческие возможности безграничны и сам человек, без сторонней помощи, может сделать мир лучше (эта мысль появилась после эпохи Возрождения), а также вера в то, что устройство мира столь гибкое, что любая теоретически созданная и осмысленная модель может быть внедрена в жизнь, реализована на практике и будет успешно функционировать.

Общественный идеал, который зачастую изображает утопия, построен на принципе тотальной рациональности. Это проявляется в попытке решить даже социальные проблемы при помощи рационального устройства. Не только общество, но и сам человек рассматривается как набор рациональных свойств, легко поддающийся описанию, манипуляции и управлению. В основе такой позиции лежит положение, согласно которому общество является продуктом сознательной и направленной деятельности человека, отсюда идея о возможности его полной и легкой переориентации и изменения. Все предыдущие попытки, которые не приводили к

поставленной цели, объявлялись провальными потому, что основания и принципы, на которых выстраивались эти общества, были выдвинуты неверным образом. Именно основания признавались неточными, и оттого неудовлетворительными были результаты. Задача утопии не только выявление рациональных оснований, но и подчинение всей общественной жизни этим основаниям, а также контроль над их соблюдением. Примером, демонстрирующим вышеописанное, может служить особенность большинства утопий: история появления совершенного народа на конкретной земле объясняется обычно эмиграцией из земель, где жизнь была невыносима и несчастна. Народ, уставший от войн, голода, болезней и правителя, отправляется в дальние земли и там, на новой земле, устраивает новый порядок своей жизни — счастливый и совершенный. Утопист при помощи новых рациональных оснований «конструирует» мир, полагая его продуктом человеческого мышления, и заново вписывает в него человека.

Э.Тарбури, являющийся автором утопии «Будущее общество», говорил: «Человек ничего не создает ни физически, ни умственно. Мы не можем себе представить будущего мира иначе, как состоящим из элементов современного общества. Как бы ни было смело наше воображение, оно может только соединять, вычитать, группировать, складывать в более или менее цельные модели только те формы, которые нам кажутся более пригодными для будущей жизни»[12]. В этом случае, если даже жизнь и общественные структуры имеют ограниченное количество элементов, из которых возникают различные соединения, то из этих элементов можно составить бесконечное количество комбинаций действительности, и это большинство утопистов и полагали творчеством. История этого процесса комбинирования элементов ради построения гармоничной теоретической системы и может быть рассмотрена как история утопических идей.

Существует два принципиально различных понимания утопии. Утопия может пониматься как идеал общественного устройства и отношений, на который следует равняться обществу нынешнему, или как проект, который призван освободить нынешнее общество от его плачевного состояния и приблизить к состоянию лучшему,

[12] Свентоховский А. История утопий. От античности до конца XIX века. М., 2012. С.418-419.

чем его текущее. Утопия как идеальное изображение совершенного общества не предполагает своей реализации, автор не стремится заполнить ее формами, почерпнутыми из реальной жизни, это некоторая игра воображения на тему того, как, исходя из человеческих потребностей и идеалов, при наличии возможностей, заново построить человеческое общежитие. Напротив, утопический проект принимает форму четкого плана, пошагового преобразования отдельных сфер человеческой жизни для достижения идеального состояния, исходя из имеющихся оснований. Именно второе понимание утопии как проекта определило современное негативное отношение к утопии, как попытке максимально ограничить человеческую свободу, несмотря на то что многие авторы полагали, что, реализовав такой проект, откроют невиданные доселе горизонты для человека, тем самым расширив его реальную свободу. Это негативное отношение возникло одновременно с осознанием того, что проекты могут быть притворены в жизнь, и уже появившимися к тому моменту, пускай и в миниатюре, общинами, устраивавшими свою жизнь в четком соответствии с утопическими проектами. Однако, как показывает Э.Баталов, это верно лишь отчасти, потому что «ни одной из общин не удалось добиться того…чтобы все… идеалы получили одновременное осуществление, чтобы они были реализованы как целостная система»[13].

В самой организации утопий также выделяют два основных принципа построения всего сообщества: прогрессивный и регрессивный. Прогрессивный принцип представляет собой построение общества на основе улучшения и одновременного усложнения всех сфер жизни общества, выведение идеального общежития из наличных оснований, путем их усовершенствования. Этот принцип может иметь большую склонность к технократии или социальному доминированию. То есть, в одном случае усовершенствование социума идет вслед и благодаря техническому прогрессу, помогающему в решении проблем производства необходимых и множественных благ; в другом случае, перемены к лучшему начинаются изнутри, на основе социального регулирования, выстраивания принципиально других отношений

[13] Баталов Э.Я. В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989. С. 247.

между субъектами в социуме. Идеальное общежитие во втором случае достигается совместными усилиями всех членов общества, его составляющих. Примерами прогрессивного построения может служить утопия Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида». Регрессивный принцип реализуется в форме максимального упрощения всей социальной жизни индивидов, стиранию социальных статусов, провозглашению абсолютного равенства и равноправия во всем, переходу к менее сложной системе отношений между членами сообщества. Примером, демонстрирующим такой принцип, может служить утопия Габриэля де Фуаньи «Южная земля».

Утопии неравномерно распределены по культурам и историческим эпохам. Наиболее плодотворной в утопическом дискурсе является европейская цивилизация, наибольшее число утопий появилось во Франции и Англии. Известный польский историк утопий Александр Свентоховский объясняет это так: «…Наиболее утопическими оказались самые трезвые, практические и счастливые общества. Люди, стоящие на более высоком культурном уровне и имеющие лучшие материальные условия, гораздо более способны к размышлениям и мечтам о лучших формах жизни, чем те, которых притупило невежество и давит нищета. Чтобы много требовать, надо хоть что-нибудь иметь. Мечта — это кружево, которое сплетается из ниток действительности»[14]. Другое объяснение дает Лян Шумин: «…Существует три идеальных культурных архетипа, которые соответствуют трем различным способам решения жизненных проблем: это культура Запада, Китая и Индии. Западная культура олицетворяет волю к борьбе, китайская — к примирению, индийская — стремление к аскезе»[15]. Он предполагает, что история и традиция европейской мысли сама отождествляет собой этот дух борьбы. Обнаруживая у европейцев дух борьбы на имплицитном уровне культуры, автор делает вывод о том, что борьба за свои права, недовольство своим положением, стремление к улучшению своих жизненных условий, в том числе и на примере утопического дискурса, критики и сатиры являются неотъемлемой чертой культуры Европы. Таким образом, вне зависимости от того, какую причину в себе содержит европейское стремление к защите уже достигнутого и

[14] Свентоховский А. История утопий. От античности до конца XIX века. М. 2012. С.420.
[15] Цверианишвили, А.Г. Культурологические воззрения Лян Шумина. М., 1988. С. 188.

попытке приумножения благ и улучшения своей жизни эта тенденция признается и является общей для всего европейского сообщества. Сохранение такого отношения можно найти у Й.Хёйзинги в его работе «Об исторических жизненных идеалах», когда он говорит о «всеми почитаемой борьбе за свободу»[16], как о самостоятельной этической ценности европейской культуры.

Эволюция утопических воззрений может быть рассмотрена как цепь сменяющих друг друга проектов, а отличительным признаком станут особенности мира, который утописты рисуют себе. Мир этих утопий меняется не только по причине изменения взглядов самих утопистов, но и под давлением реального мира. С течением времени в связи с осознанием все новых и новых человеческих проблем, зачастую и техногенных, вызванных большим усердием по преобразованию и приручению природы, «история европейской утопической мысли постепенно движется от «дивного нового мира» к «миру, лучшему, чем наш» и «миру, который выживет»[17]. При этом классической утопией может быть назван лишь первый мир, описывающий лучший мир, счастливый и идеальный. Именно этот тип соответствует первоначальным целям и задачам, решение которых стояло перед утопистами. Как писал Л.Сарджент: «В классической утопии нравственный идеал трансцендентен, а социальная организация вторична, она служит только цели реализации этого трансцендентного идеала. В современной утопии главное — разумная организация. Она и есть нетрансцендентный утопический идеал»[18]. Иными словами, есть утопии, которые описывают «мир лучший, чем наш» и построены как проект модификации имеющихся структур, цель которого лишь улучшить текущее положение вещей, а не выстроить идеал. Задача их состоит в том, чтобы сделать человека не абсолютно счастливым, а чуть менее угнетенным, чем в реальной жизни, путем реформирования общественной системы.

1.2. Типологии утопий

Постепенно, наряду с ростом количества утопических проектов появилась и необходимость их исследования. Исторически первыми исследованиями в области

[16] Хёйзинга Й. Об исторических жизненных идеалах. М., 2019. С. 1143.
[17] Чаликова В.А. Утопия и свобода. М., 1994. С. 99.
[18] British and American Utopian Literature 1516-1978. Boston,1979. Pp. 13.

утопической мысли были каталоги. Всеобъемлющее исследование утопий требовало в свое распоряжение все произведения, которые можно было бы отнести к утопическим. Необходимость упорядочивания каталога привела к исследованию типов утопий и созданию их типологий, которые стали первыми критериями рубрик новых каталогов. Обратимся к различным типологиям утопий для рассмотрения утопии на общем уровне.

Известный исследователь утопий Льюис Мэмфорд выделял «утопии бегства» и «утопии реконструкции», подразумевая различные духовные потребности, которые они удовлетворяют. Первые дают возможность бежать от забот реального мира, дают убежище, где человек находит покой и облегчение своих страданий. Таковой может считаться утопия Томаса Мора. В своей книге автор сам заключал, что: «…я охотно признаю, что в государстве утопийцев есть очень много такого, чего нашим странам я скорее бы мог пожелать, нежели надеюсь, что это произойдет»[19]. Другой исследователь, Каутский К., говорил о том, что «…все видели в «Утопии» книгу, дающую правителям государств наставления, как лучше управлять страною»[20], но не реальное руководство к действию. Утопия реконструкции — в некотором роде это план, «малые перемены, чтобы произвести переворот, слишком большие, чтобы произвести реформы»[21]. Сознание такого рода утописта движется от критики реальности через постановку целей к плану действий по улучшению современного ему состояния общества. Здесь предлагаются такие способы изменения внешнего мира, которые приведут общество в соответствие с человеческими потребностями. К таковым можно причислить Р.Оуэна, Ш.Фурье, Э.Кабе, которые не только высказывали эти идеи, но и пытались агитировать в их пользу, а также совершали попытки реализовать свои взгляды на практике или за них делали это их последователи и ученики: «Новая Гармония», предприятие Франциска Райта, Маклерия, фаланга Брук Фарм, Североамериканская фаланга, Висконсинская фаланга, Пенсильванская и Нью-Йоркская группы, колония в штате Иллинойс и другие[22].

---

[19] Мор Т. Утопия. М.,1978. С. 279-280.
[20] Каутский К. Томас Мор и его утопия. М., 2011. С. 298.
[21] Свентоховский А. История утопий. От античности до конца XIX века. М. 2012. С. 248.
[22] Там же. С. 151-227.

Деление утопий на «утопии бегства» и «утопии реконструкции» получило свое продолжение в другой типологии. Утопии в ней разделены на вертикальные и горизонтальные. Вертикальные утопии предполагают такую иерархию идеалов, в которой их утопические идеи занимают высшую точку. Примером такого типа служит «Утопия» Томаса Мора. Горизонтальные утопии имеют план преобразований, выстраивают план развития общества от его текущего состояния к форме более продуктивной. В некоторой степени эта типология дублирует деление Л.Мэмфорда. Она делит утопические проекты по направленности идеалов, скрытых в них: размышления об идеальном состоянии общества вообще — утопия вертикальная, размышления об идеальном или наилучшем состоянии общества, исходя из его нынешнего состояния и предпосылок к развитию — утопия горизонтальная.

Другое деление предложил А.Свентоховский. Он разделил утопии на коллективистические, анархические, и индивидуалистические. Под коллективистической Свентоховский понимает такую утопию, в которой продуман и предложен коллективистский строй общества; примером такой утопии служит обширный труд Эрнеста Тарбури «Будущее общество». Под анархической утопией Свентоховский понимает социальную теорию, основанную на принципе автономии личности; ее пример - «Будущее общество» Жана Грава. Индивидуалистическая — такая «утопия, в которой общество образованно на началах неограниченной свободы и экономического равенства. Общество, безусловно сохраняющее за личностью право располагать собою, обеспечить каждому полное и неограниченное пользование плодами своего труда»[23]. Примером такой утопии служит «Страна свободы», автор которой Теодор Герцка. Такая типология относится к концу XVIII и началу XIX века, а ее критерием выступает вопрос разрешения социальной справедливости и типе кооперации. «В индивидуалистической утопии задача формулируется так: устроить жизнь общества так, чтобы при равном распределении прав, обязанностей и прибыли сохранилась полная независимость и свобода личности»[24]. В анархической утопии «каждый гражданин, делая то, что желает, и только то, что желает, принимает

[23] Свентоховский А. История утопий. От античности до конца XIX века. М. 2012. С.317.
[24] Там же. С. 350.

непосредственное участие в издании законов и правлении, подобно тому, как принимает участие в производстве и обмене ценностей»[25]. В коллективистической «каждый по мере своих сил, но при безусловном признании того, что приносит свою пользу, трудится на благо общества, в котором мужчины и женщины уравнены в своих правах, и каждый имеет свою национальность, будет получать по потребностям»[26].

В.П.Волгин, вслед за Свентоховским, занимаясь исследованиями утопического социализма, классифицирует утопии по способу обоснования идеала общественного устройства. Он выделял исторические, религиозные и рационалистические утопии. Первые основаны на научном мировоззрении, вторые — на религиозном, последние - на метафизическом[27].

Польский исследователь Ежи Шацкий в своей книге «Утопия и традиция» предложил одну из самых развернутых систем типологии утопий. Первым делением стало подразделение утопий на эскапистские и героические. «К эскапистским утопиям я отношу, все те мечтания о лучшем мире, из которых не вытекает призыв к борьбе за этот мир. Современность может здесь осуждаться с величайшим пафосом и резкостью, но на практике с ней не борются, бегут от нее в область мечты. Указывается, что такое добро, не указывается, как его достигнуть»[28]. «Утопии, которые я назвал героическими — это мечты, сочетающиеся с программой и призывом к действию»[29]. Примером эскапистской утопии может служить «Утопия» Томаса Мора или «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы; героическая утопия — взгляды Ш.Фурье и «Икария» Э.Кабе. Эскапистские утопии служат интеллектуальным развлечением, героические — становятся вопросом жизни и смерти, как считает Е.Шацкий. Основной принцип, признается Е.Шацкий, позаимствован у Л.Мэмфорда и его деления утопий согласно духовным потребностям, которые они удовлетворяют. Однако Е.Шацкий в своем делении не останавливается на этом этапе и продлевает свою типологию, разделяя эскапистские на утопии места, времени и вневременного порядка. Героические он делит на утопии ордена и утопии политики. «Утопии места — описания счастливого

[25] Свентоховский А. История утопий. От античности до конца XIX века. М. 2012. С. 306.
[26] Там же. С. 285-286.
[27] Волгин В.П. История социалистических идей. Ч.1. М.-Л., 1928. С. 34.
[28] Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 102.
[29] Там же. С. 103.

где-то, какого-нибудь блаженного пространства»[30]. Подобный характер имели «Утопия» Т.Мора, «Новая Атлантида» Ф.Бэкона, «История севарамбов» Д.Вераса, «Путешествие в Икарию» Э.Кабе, «Страна свободы» Т.Герцки. «Утопия времени — мир царит между народами, эта картина лучшего мира отличается от «утопии места» только тем, что четко объявлен год или век наступления таких изменений»[31]. Например, это книги Л.С.Мерсье «Год 2440», Р.Ла Бретони «Год 2000», Б.Анфантена «Записки промышленника 2240 года». «Утопии вневременного порядка — те концепции, которые излагались без посредничества «говорящих картин», но с тем же намерением противопоставить господствующим иные отношения и предложить в противовес им некий комплекс желательных общественных ценностей»[32]. Примером такой утопии служит «Государство» Платона.

Героические утопии Е.Шацкий разделяет таким образом: «…Иногда стремятся преобразовать все общество, а иногда в такую возможность не верят или не верят в нее как в близкую возможность и предлагают, поэтому идти по пути выделения горстки праведников внутри испорченного общества. Этот второй путь я называю утопией ордена»[33]. Сюда попадают Э.Кабе и Р.Оуэн. «Утопия политики начинается там, где кто-нибудь — человек или группа — ставит перед собой задачу переустройства общества от самых его основ, упорное стремление приблизить костную действительность к идеалу. Утопия — это протест против абсолютизации актуальных политических линий разграничения, это попытка как бы заново начать спор о форме общества»[34]. Примером может быть учение А.Сен-Симона.

Э.Я.Баталов приводит пример деления утопий, в основание которого положено «социокультурное наполнение идеала»[35]. На этом основании он делит утопии на романтические, технократические и теократические. Романтические утопии направлены на единение человека с природой. В технократических идеалом выступает рациональный тип мышления, а выдвижение науки и техники - основным способом

---

[30] Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 116.
[31] Там же. С. 152.
[32] Там же. С. 196.
[33] Там же. С. 226.
[34] Там же. С. 258.
[35] Баталов Э.Я. В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989. С.51.

решения проблем устройства идеала. Теократические – такие, в которых центральное место в обществе занимают религиозные ценности, а власть отдана религиозным институтам.

Для понимания значимости утопии важной является проблема определения функций утопии. Одну из самых развернутых концепций представил Э.Я.Баталов: «…Мы вправе говорить о пяти основных функциях утопии – критической, нормативной, когнитивной, конструктивной и компенсаторной»[36]. Как видно, функции заметно коррелируют с главными особенностями утопий как феномена культуры. Критическая функция осуществляется в возможности поставить под сомнение вектор развития существующего общества и указать стороны жизни, которые отдаляют реальность от утопии. Поскольку ни один утопический проект, по определению, не ограничивался только критикой общественной структуры, то утопия, выдвигая определенную альтернативу, осуществляет свою нормативную функцию – «воплощает определенный идеал»[37]. Когнитивная, как следует из названия, фиксирует познание социальной реальности. Выявляя неистинность и заблуждения данного утопического проекта, эта функция одновременно указывает на черты его идеальности. Также она направлена на осмысление человеческого сознания, предполагающего возможную реализацию утопии, например, с течением научно-технического прогресса. Конструктивная функция утопии осуществляется в своем влиянии на ход истории. Проекты или представления об идеальном будущем имеют непосредственное влияние на него, поскольку будущее конструируется из наличных элементов. Компенсаторная или, как ее еще называет Э.Баталов, психотерапевтическая функция реализуется посредством дарования надежды. Причем, нужно отметить, что читатель получает готовые формы для утешения и надежды, которые описывает утопист. Утопист же создает эту надежду, исходя из представлений о том, что является наиболее необходимым для человека, не имея готовых решений и четко очерченных проблем.

1.3. Идеалы английских авторских утопических проектов.

[36] Баталов Э.Я. В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989. С.69-70.
[37] Там же. С. 57.

Исходя из задач данного диссертационного исследования, наибольший интерес для нас представляет английская утопическая традиция, причем именно авторские ее концепции, которые могут быть четко соотнесены с социокультурным контекстом, временем и имеют четкую форму – опубликованный печатный текст. Исходя из вышесказанного английские утопические проекты зачастую относятся к классическим, кроме того, английская утопическая традиция имеет большой исторический охват, достаточное количество утопических текстов распределены по всей истории утопических идей. Также английскую утопическую традицию характеризует «непременный интерес к утопическому дискурсу со стороны британских авторов. Этот интерес, зародившийся (и не только терминологически) при Т.Море, пройдя множество интерпретаций, характерен для британских авторов до сих пор уже в антиутопической форме»[38]. Обратимся к более подробному рассмотрению избранных утопических концепций британских авторов.

Томас Мор в своей «Весьма полезной, как и занимательной, поистине золотой книжечке о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», впервые опубликованной в 1516 году, представил свой взгляд на то, как возможно государю, который задумывается не о том, чтобы «правдами и неправдами приобрести себе новые царства, а о том, как достойно управиться с приобретенными »[39] поступать, чтобы его государство процветало.

Оценивая современное ему состояние Англии Т.Мор говорит о том, что жалкая нищета и скудность в жизни крестьян и неумеренная роскошь дворовых, монарха и его приближенных приводят к тому, что большинство влачит такое нищенское существование, что монарх представляется ему «стражем не королевства, а узилища»[40]. В глобальном плане Т.Мор отмечает, что «…повсюду, где есть частная собственность, где все измеряют деньгами, там едва ли когда-нибудь будет возможно, чтобы государство управлялось справедливо или счастливо»[41]. Единственный путь,

[38] Андреев Г.С. Роль труда и его идеал в истории утопических идей: культурфилософский анализ. // Общество: философия, история, культура. 2019. N 2. С.65.
[39] Мор Т. Утопия, М., 1978. С. 126-127.
[40] Мор Т. Утопия, М., 1978. С. 156.
[41] Там же. С. 162.

ведущий к благополучной жизни общества, Томас Мор видит в объявлении во всем равенства, после объявления которого люди этих земель не будут считать себя их господами, но охотнее земледельцами. Однако, он отмечает невозможность того, «чтобы все было хорошо, раз не все люди хороши»[42]. Оттого большая часть книги Томаса Мора и рассказывает о том, как устроена жизнь в Утопии и как стало возможно на острове «Утопия», чтобы все люди в ней были хороши и счастливы.

Жизнь утопийцев устроена очень просто: даже законов, которыми управляется их государство очень мало, однако, все они выполняются успешно, оттого в утопии наблюдается всеобщее благоденствие. Оно, однако, скрыто от чужих глаз за счет островного расположения и дополнительных преград, естественных в виде скал и подводных бурных течений, и искусственных, которые не позволяют завоевателям захватить остров. Все, что требуется утопийцам для счастливой жизни, у них имеется или производится, если же чего-то нет у них в деревне или городе, это они получают от своих властей просто и без какого-либо обмена и денег. У них нет денежной системы и понятия денег в принципе, как и собственности – свои жилища они меняют каждые десять лет, бросая жребий. Ввиду имеющегося изобилия нет опасений в том, что кто-либо возьмет более необходимого, этих опасений лишены и граждане, оттого не берут более того, что им необходимо на день. Для поддержания достатка все граждане, и мужчины и женщины имеют одно общее занятие – земледелие, а также овладевают одним или несколькими, по своей любви, ремеслами. Обустроено все так, «чтобы каждый усидчиво занимался своим ремеслом – однако же не работал бы не переставая с раннего утра до поздней ночи, усталый, подобно вьючному скоту. Ибо это хуже участи рабов»[43], потому для работы отводится только шесть часов каждый день, этого времени вполне достаточно для того, чтобы обеспечивать весь остров всем необходимым для жизни по принципам пользы и удобства, но и производить известный остаток. Время, остающееся после сна, работы и приема пищи, может быть использовано каждым утопийцем по своему усмотрению, однако, не для лени или злоупотреблений излишествами, а чтобы на свободе от своего ремесла занять себя

[42] Мор Т. Утопия, М., 1978. С. 160.
[43] Там же. С. 184.

другим полезным занятием, например науками, как это делает большая часть жителей. Гибельные забавы, например, различные игры, утопийцам не известны.

Небольшое количество времени отнимает у утопийцев приготовление одежды для себя, платье у них обыкновенно одно на два года, имеет оно простой покрой, одинаковый для всех и на все времена, приятно для взора, приспособлено для холода, жары и любых телодвижений. На работе же они прикрываются шкурами, которых хватает им на семь лет. Однако это отсутствие разнообразия вовсе не говорит о том, что утопийцы плохо делают что-либо, наоборот, большинство ремесел занимает у них гораздо меньше времени, чем у обычных людей. Происходит это оттого, что утопийцы видят человеческое счастье в духовной свободе и образовании, а не телесном рабстве.

За стенами города у них имеются больницы, которые обеспечены всем для восстановления здоровья. Однако, если болезнь не удается излечить, больной должен сам лишить себя жизни или с согласия позволить сделать это другим, такая смерть считается у них похвальной, потому как избавляет других утопийцев от страданий.

Никто не обедает дома, хотя это вовсе не запрещено, ибо утопийцы не видят смысла тратить время на приготовление пищи худшей, чем во дворце для его приема, где все есть в необходимом количестве и, притом, прекрасное. Здесь жены прислуживает мужьям, а младшие жители – старшим.

Утопийцы «всеми способами стараются, чтобы золото и серебро были у них в бесславии…»[44]. Из него они делают ночные горшки и массивные цепи для рабов. Рабы выполняют самую грязную и трудную работу, которая может лишить обычных людей милосердия. Утопийцы не считают военнопленных и детей рабов рабами, однако, осуждают своих граждан на рабство за позорные деяния, а также тех, кто был приговорен к казни в других землях. Рабы, происходящие из самих утопийцев, достойны более сурового отношения, потому как имели воспитание, подготовившее их к добродетели, а не злу. Рабы, однако, могут быть помилованы и стать свободными гражданами за прилежный труд. Бывают, что бедные граждане других стран добровольно становятся рабами в Утопии, потому как отношение при этом к ним будет гораздо приятнее, чем было на родине. За всякий злодейский поступок кару назначает

[44] Мор Т. Утопия, М., 1978. С. 204.

сенат, самые страшные проступки караются игом рабства, повторные преступления в супружестве караются смертью. Самих же утопийцев «прегрешение печалит… более, чем наказание»[45], о чем свидетельствует для них раскаяние.

У утопийцев принято создавать свою семью в восемнадцать лет девушкам и в двадцать два года юношам, при выборе своей пары они видят друг друга голыми, чтобы ничего нельзя было утаить, потому как жители довольствуются супругом на всю жизнь, а публичных домов у них нет и в помине. Разрешается вступать и во второй брак, но по причине смерти супруга или по обоюдному согласию и с разрешения сената.

Тот, «кто хочет обманом получить какую-нибудь должность, лишается надежды на любую»[46]. Каждые тридцать семейств выбирают себе должностное лицо – сифогранта, которых на острове всего двести. Сифогранты выбирают тайным голосованием князя из четырех кандидатов, которых выбирает сам народ. Пост князя он будет занимать до конца жизни, если не вызовет подозрений в тирании. Все остальные должностные лица выбираются на один год. «Живут утопийцы в любви оттого, что все должностные лица не надменны и не страшны»[47]. Законов у них мало, потому как утопийцы считают, что несправедливо связывать людей таким количеством законов, прочесть которые невозможно. Законоведом в Утопии является всякий, адвокатов они отвергают, а законы у них издаются для того, чтобы напомнить им о своих обязанностях. У них также не приняты договоры, они отмечают, что привычка их заключать почему-то препятствует их выполнению.

Утопийцы никогда не ведут завоевательных войн, они лишь защищают свои пределы и отбиваются от врагов. Победа при помощи хитрости и искусства отмечается у них особой похвалой. Князь старается избавить свое население от опасностей, потому объявляет большие награды для тех, кто погубит врага, подкупая их, а на войну посылают наемных солдат, несмотря на высокую подготовку собственных.

Религии утопийцев отличаются разнообразием, каждый свободен веровать в то, что ему угодно, запрещено лишь агитировать в пользу своих верований. Запрещается

[45] Мор Т. Утопия, М., 1978. С. 235.
[46] Там же. С. 237.
[47] Там же.

также и вера в смерть души после смерти плоти. Благородный король Утоп, ставший первым правителем острова, «оставил все это дело открытым и дозволил, чтобы каждый был волен веровать во что пожелает…и предвидел…если истинна одна религия…истина когда-нибудь выплывет и обнаружится сама собой (если повести дело разумно и умеренно)»[48], до тех пор никакая из религий не находится под запретом. Священники Утопии отличаются редким благочестием, среди которых есть и женщины, поэтому на острове их немного. Они занимаются образованием мальчиков и юношей, развивают нравственность и добродетель, на родном языке, превосходящем остальные более точной передачей мысли. В храмах же не встречаются изображения никаких богов, оттого каждый может представлять своего.

Именно такое общество, отмечает Томас Мор, он считает: «…Наилучшим, а также и единственным, какое по праву может притязать называться государством»[49]. А главным богатством этой страны называет он лишенную всяких забот, веселую и спокойную жизнь. Одной же из главных бед современности Томас Мор называет гордость, искоренение которой в утопии стало возможно благодаря справедливым ее порядкам.

Основой концепции Томаса Мора в его утопии является провозглашение равенства среди людей, основанием которого является отмена частной собственности и объявление имущественного равенства. Утопийцы свободны в выборе занятия для себя, супруга, и своих собственных верований. Духовная свобода является основой утопической жизни у Т.Мора, граждане его страны имеют все необходимое для реализации естественных потребностей и все возможное для реализации своих духовных потребностей.

«Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона, опубликованная в 1627 году, рассказывает об острове, на котором не было чужестранцев уже тридцать семь лет. Путешественники, у которых закончились припасы, были спасены от смерти жителями острова Бенсалем, ведомыми долгом милосердия. Народ этот был сведущ в европейских языках и полон человеколюбия. Жители этого острова хорошо

[48] Мор Т. Утопия, М., 1978. С. 259.
[49] Там же. С. 273.

осведомлены о других краях, сами же остаются неизвестны.

Религией этого острова является христианство, а сами они признаются, что «ковчег, спасший остальную часть старого мира от потопа, спас нашу землю от неверия…»[50]. Царь Соламона, который по праву «считается законодателем страны…цель своей жизни полагал единственно в том, чтобы сделать страну и народ счастливыми»[51]. Из-за опасений новшеств и всего чуждого им был введен закон, запрещающий появляться чужеземцам без особой на то причины и, ко всему прочему, запретил путешествия в чужие земли для всех простых граждан. Однако каждые двенадцать лет на двух кораблях королевства отправляются шесть членов Соломонова Дома для ознакомления с делами тех стран, в которые они отправляются. Сведения о науках, искусствах, изобретениях и производствах доставляют они на остров вместе с книгами, инструментами и образцами. За все время истории Острова Бенсалем лишь тринадцать человек были доставлены на судах острова на родные земли.

Дом Соломона — учрежденный правителем Соламоной изучает творения господни. Религия на острове считается сильнейшим средством для обуздания пороков, как и уважение к себе, стоящее, однако, ниже религии. Закон Божий является руководством к тому, как следует поступать.

Наряду с законами Соламона жители острова уважают и законы природы. Целью их общества является познание скрытых сил и причин всех вещей, и увеличение силы человека над силами природы, покуда все для человека не станет возможным.

«Нет среди смертных ничего более прекрасного, чем целомудрие этого народа»[52]. Не только брак, но и главы семейств у них особо почитаются. В честь главы семейства, который родит тридцать живых детей и внуков, устраивают праздник семьи, на котором глава семейства удостаивается особых почестей от короля. После этого король обращается к главе семейства не иначе как к другу. Брак, как полагают островитяне, призван быть средством против недозволенных вожделений, а естественное для человека вожделение должно быть побуждением к этому браку. Однополой любви на острове нет, есть лишь верная и нерушимая дружба. Многоженство запрещено на

[50] Бэкон Фр. Новая Атлантида. М., 2018. С. 206.
[51] Там же. С. 211.
[52] Там же. С. 219.

острове, а также запрещается вступать в брак ранее, чем через месяц после знакомства. Брак, не получивший согласия, признается, однако, карается специальными законом о наследовании. Детей у них считают частью самих себя, оттого не понимают, как можно ими не дорожить.

Жители острова производят все, что только можно себе представить, и производство это находится на высочайшем уровне, с целью возможного практического применения этих предметов и вещей, бесполезных же вещей у них не производится. Общество разделено на слои, встречаются и обнищавшие, собственность у каждой семьи своя. Живут они дружно и споры для этой страны не характерны, по причине принципа человеколюбия и того, что «поистине господь себя явил в этой стране»[53]. Люди этой страны не проливают крови, и на берег могут сойти чужестранцы, не проливавшие крови последние сорок дней.

Государство платит достойное жалование всем чиновникам, оттого тех, кто из них принимают дары, они называют «дважды оплаченными», это объявляется низким поведением, недостойным человека.

Искусство проявляется здесь в красноречии и одежде: разговор их приятен, разумен и логичен, одежда сделана искусно, украшена знаками отличия. Скульптура несет у них историческую функцию — сохранение лиц великих мужей для будущих поколений. В галерее выставлены не произведения искусств, а лучшие изобретения — вот настоящие шедевры искусства для островитян. Город, в котором очутились путешественники, выглядел живописно уже лишь по причине того, что был хорошо отстроен.

Основа концепции Фрэнсиса Бэкона заключается в том, чтобы настроить человеческую жизнь на достижение главной, на его взгляд, цели — всемогущества человека. Фр.Бэкон делает основной акцент на развитие человеческих возможностей и познание причин всех вещей. При этом в обычной жизни для людей Фр.Бэкон отводит мало место для свободы: законами регламентировано поведение всех граждан, продиктована им для верования истинная религия, производственная сфера обширна и безгранична, но подчинена основной цели-принесению пользы обществу.

[53] Бэкон Фр. Новая Атлантида. М., 2018. С. 200.

Джеррард Уинстэнли называет свою утопию «Закон свободы» (1652 г.), потому как полагает, что «…все великие устремления сердца направлены на то, чтобы найти, в чем заключается истинная свобода»[54]. Сам Дж.Уинстэнли определяет истинную республиканскую свободу, как свободное использование земли. «Истинная свобода там, где человек получает пищу и средства для поддержания жизни, а это заключается в пользовании землею»[55].

Юристы, как полагает автор, которые должны носить имя правосудия, в реальности обернулись большим злом. Они поддерживают интересы завоевателя и народное рабство. Никто не должен применять закон за вознаграждение или деньги. Текст закона должен стать буквальным и быть руководством для каждого гражданина. Закон является истинным управителем страною, а не те, кто пользуется им для того, чтобы обманывать обычных людей. А «все должностные лица и наблюдатели должны переизбираться заново каждый год, чтобы предотвратить возникновение честолюбия и алчности»»[56]. Наследственная передача власти приносит только беды для жителей, а человек, обладающий беспокойным характером, ссорящийся со всеми и оскорбляющий их, не может быть выбран, пока не исправится. Все мужчины, не осужденные законом, обладают правом свободного голосования. А в возрасте от сорока до шестидесяти лет человек может баллотироваться и сам, однако, если он упрашивает выбрать его и склоняет народ к этому, его не стоит выбирать вовсе, также как в случае, если его суждения и речи расходятся на деле с его поступками. Выбирать же следует опытных в законах республики, разумных и честных граждан, сдержанных в разговорах.

Человек станет жить спокойно в своей стране и тогда, когда никто не сможет притеснять его за поступки и суждения в вопросах о Боге. Человек будет заботливо относиться к личности других и поступать так, как с ним должны поступать другие. В случае, если лишит он человека ока или зуба, утратит он око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь. Свободу в республике утратит тот человек, который своими разговорами и клеветой пытается возбудить раздор между соседями и гражданами.

---

[54] Уинстэнли Дж. Закон свободы. М., 1982. С.111.
[55] Там же. С.112.
[56] Там же. С.116.

Для того чтобы каждый гражданин был обеспечен всем необходимым, следует ввести законы против праздности, а для удобства работы все хозяйства должны иметь всякие орудия и инструменты для обработки земли, пахоты и жатвы. Свободный труд обеспечит республику изобилием не только пищи, но и всего необходимого. Если кто-либо откажется обучаться ремеслу, работать в поле или на складе, но захочет одеваться и питаться, будет наказан принудительным трудом, пока не подчинится правильному порядку. Каждая семья будет получать все необходимое со склада, всякие нужные предметы будут находиться на складе, для удобства горожан склады будет устроены в каждом городе.

Никто не в праве лишать свободы другого человека, если мужчина изнасилует женщину, а этот факт будет доказан двумя свидетелями и признанием, то он будет предан смерти, потому как это есть кража личной свободы, женщина же будет свободна.

Лишен свободы будет каждый, кто попробует продавать или покупать что-либо. Однако, если этот преступник надумает торговать землею, которая ему не принадлежит, то он будет казнен. Однако «каждый свободный человек будет обладать свободою пользования землею, обрабатывать и строить на ней, свободно получать из складов все, в чем он нуждается, и будет пользоваться плодами трудов своих без всякого ограничения»[57]. Каждый, кто потеряет свою свободу, будет одет в белую шерстяную одежду, чтобы отличаться от других, будет выполнять тяжелую работу и находиться под управлением смотрителя, который будет избирать работу для них. «Тем рабам, которые дают явное доказательство своего смирения, прилежания и старания соблюдать законы республики, может быть возвращена свобода, по истечении срока их рабства»[58].

Каждый мужчина и женщина будут иметь полную свободу сочетаться браком с тем, кого себе выберут по любви и от кого смогут добиться ответных чувств. Ни приданое, ни происхождение не смогут стать преградой в браке, потому как «мы все одной крови, одного человеческого рода, а что касается приданого, то общественные

[57] Уинстэнли Дж. Закон свободы. М., 1982. С.118.
[58] Там же. С.121.

склады являются приданым для каждого мужчины и каждой девушки»[59]. Если же у девушки будет ребенок, то мужчина обязан жениться на этой девушке, потому как ребенку для полноценного воспитания необходимы оба родителя.

Основа концепции Дж.Уинстэнли заключается в свободном использовании земли, которая провозглашается общей для всех граждан. Купля и продажа запрещены, граждане свободно получает продукты и предметы с общих складов. Каждый житель свободен в выборе своего супруга и своем вероисповедании, однако обязан трудиться и подчиняться полностью принятому порядку поведения в данной утопии.

Утопии «Закон свободы» и «Республика Океания» Дж.Гаррингтона (1656 г.) имеют совершенно конкретный вид и носят сугубо политический характер. Отсутствие элемента вымысла при этом является главной причиной, по мнению исследователя английской утопии А.Мортона, того, что «…эти утопии теперь так основательно забыты»[60]. Как полагает А.Мортон, для Дж.Гаррингтона номинально сказочная форма утопии служит удобной ширмой для изображения своей образцовой конституции, в его утопии нет народа, есть лишь указания и установления.

Правитель республики Ольфеус Магалатор, получив высшую власть, отрекается от нее, дабы учредить свободную республику на основе конституции, творцом которой он сам и является. Дж.Гаррингтон, однако, полагал, что «…природа государства зависит от характера распределения владения землей или характера распределения собственности на землю»[61]. По причине этого, «если весь народ является хозяином земли или земля так распределена между людьми, что ни один человек и ни одна группа людей, немногих избранных или аристократии, не являются в большей мере, чем народ, хозяевами земли, то государство является Республикой»[62]. Оттого основным законом Океании являлся аграрный, согласно которому землей наделялась большая часть населения, но не все, однако, никто не имел права владеть участком стоимостью более двух тысяч, а размер участка для каждого был определен его статусом. Права первородства нет в республике, а земля разделяется между всеми

---

[59] Уинстэнли Дж. Закон свободы. М., 1982. С.122.
[60] Мортон А.Л. Английская утопия, М.,1956. С.88.
[61] Harrington J. The commonwealth of Oceana. Cambridge., 1992. Pp.52.
[62] Мортон А.Л. Английская утопия. М., 1956. С. 95.

сыновьями в равных долях. Земля должна быть разделена и в случае, когда чье-нибудь имение станет более установленной границы, всякий излишек должен быть разделен между сыновьями семейства. Землею могут владеть лишь те граждане, чьи доходы превышают сто фунтов в год, и лишь они имеют право участвовать в выборах членов сената. Законодательные органы государства состоят из сената, в триста человек и народного представительства, размером в тысяча пятьдесят человек, избираемого менее богатыми слоями населения. «Бразды правления находятся в руках ежегодно избираемых: лорда-стратега, лорда-оратора и двух цензоров, а также избираемых каждые три года комиссаров большой печати и казны»[63].

Дж.Гаррингтон хотел ввести демократию, которая, однако, не допускала бы злоупотреблений и бюрократии с одной стороны, и защищенную от произвола простого народа и его «безответственных поступков», с другой. «Стоячая вода портится...Некоторые чиновники, засидевшись на своем месте, так поросли мхом из-за недостатка в движении, что едва соглашаются разговаривать со старыми знакомыми»[64]. Во избежание этого Дж.Гаррингтон предлагал включить как можно большее количество людей в управление путем введения многостепенного голосования, а члены всех выборных учреждений сменялись бы полностью каждые три года. Принцип ротации выбран основным в качестве механизма, поддерживающего Республику в ее свободном состоянии, предпосылку политической свободы Дж.Гаррингтон видит в свободе религиозной.

Основа концепции Гаррингтона — провозглашение политической свободы и установление ее основы — свободы религиозной. Эти свободы обеспечат успешное функционирование республики, которая обеспечит счастье своим гражданам.

Уильям Моррис сам называл себя социалистом, а о социализме говорил, что с его точки зрения «…это такой общественный строй, при котором не должно быть ни бедных, ни богатых, при котором условия жизни будут равны для всех»[65]. Он полагал, что в обществе, в котором исчезнет нужда, вслед за ней исчезнет и жадность, но и потребности людей его утопии невелики. Он с юных лет усвоил принцип единства

[63] Свентаховский А. История утопий. От античности до конца XIX века. М., 2012. С. 96.
[64] Harrington J. The commonwealth of Oceana. Cambridge., 1992. Pp.87.
[65] Моррис У. Как я стал социалистом. М., 1973. С. 53.

добра и красоты Дж.Рёскина и оставался верен ему в своей работе, не признавая разницы между трудом физическим и умственным. Он верил в то, что жители нового мира будут способны воспринимать искусство, потому как сами будут его творцами. По признанию А.Мортона, У.Моррис создал утопию, в которую не только можно поверить, но и такую, в которой хочется жить.

Герой утопии Морриса «Вести Ниоткуда» (1890 г.), описывающий для нас утопию, очнувшись утром и выйдя из дома обнаружил страну двадцать первого века, совершенно переменившуюся. Жители ее выглядят очень молодо, от них веет силой и здоровьем, люди долговечны, костюмы их простого покроя, но обязательно яркие и нарядные. В пояснение своей молодости соседи, как они друг друга называли, говорили ему, что «Человек быстро стареет, если он окружен людьми, которым живется плохо»[66]. Однако, они полагают, что в этом есть и свои плюсы: несчастные люди интересны для сочинителей и литераторов, потому литературы у них не много. Напротив, люди у них выглядят добродушными, веселыми и искренне счастливыми. Изменилась и обстановка Англии XXI века, теперь все было построено основательно и очень красиво, исчезли трубы фабрик, что создало ощущение свободы, высоты и пространства.

Дети этой страны учатся независимо от всякой системы и проводят на улице как можно больше времени. «Теперь мы богаты и можем позволить себе расти не спеша»[67]. Однако жители полагают, что дети у них знают много, доказывая это, например, фактом того, что нет у них ни одного ребенка, который не умел бы плавать. Учатся здесь всерьез, запоминания в коммерческих целях здесь нет и в помине. Однако это не означает, что дети обучаются лишь практическим сведениям, они так же обучаются языкам и наукам, преимущественно естественным, а вот история у них не популярна, они полагают интерес к ней велик в периоды распрей, борьбы и невзгод. А состояние цивилизованности для них признак еще не наступившей счастливой жизни людей, также, как и большая распространенность литературы, которая нужна была для того, чтобы чужой выдуманной жизнью скрасить убожество своей собственной.

[66] Моррис У. Вести ниоткуда. М.,1962. С. 50.
[67] Там же. С. 114.

Жители полагают, что «…энергия народа должна быть направлена главным образом на созидательную работу»[68]. Дети зачастую обслуживают людей на рынках, жители считают это для них полезным, потому как дети знакомятся с различными вещами, узнают, как они сделаны и из чего. А лень соседи считают наследственной болезнью, и полагают, что «ей были подвержены прямые потомки тех, кто в плохие времена заставлял других работать на себя. Так называемых рабовладельцев и работодателей»[69]. Никого не заставляют делать никаких вещей, оттого жители сами выбирают себе дело и стараются делать его очень хорошо. «А когда дело ладится и с тобой веселые товарищи, все кажется шуткой. Чувствуешь себя таким счастливым»[70]. Работы у жителей этот страны в достатке и выполняют они ее с удовольствием, а платой за нее является — жизнь.

Также люди не обязаны постоянно жить на одном месте, они свободны путешествовать. Жители «сильны, здоровы телом и живут легкой жизнью. Они проводят ее в разумной борьбе с природой, развивая не одну сторону своей натуры, а все ее стороны, и с величайшим удовольствием участвуют в жизни всего мира»[71]. Вопрос чести для них не представлять будто весь мир перестанет существовать от страданий одного человека. Важно «не ставить себя в центр жизни»[72].

Мораль купли-продажи в утопии У.Морриса давно отмерла. Каждый получает, что ему необходимо в лавках и на базарах. Также жители не понимают, как можно брать «подарки» за свои прямые дела, ведь они совершенно не знают, что делать с такими «доказательствами дружбы». Ссор по поводу частной собственности между жителями не бывает, потому как все является общим. Не стало кодекса общественного мнения, не осталось ни одного незыблемого морального правила. «Расцвет красоты непосредственно связан с нашей свободой и здравомыслием. Радость рождает радость»[73]. Жители всегда рады гостям, дверей они не закрывают.

Люди этой страны полагают, что человеку невозможно избавиться от бед,

---

[68] Моррис У. Вести ниоткуда. М.,1962. С. 60.
[69] Там же. С. 81.
[70] Там же. С. 92.
[71] Там же. С. 103.
[72] Там же. С. 111.
[73] Там же. С. 112.

связанных с отношением полов. Однако жители этой страны освободили любовь от коммерциализации и имущественных споров и судов, не дают устраивать дрязги из-за детей, которые являются плодами любви и сладострастия. Исчезло и продажное наслаждение[74]. Мужчины также не вправе теперь порабощать женщин, равно как и наоборот, женщина перестала быть собственностью мужчины. «Женщины, как и мужчины, делают то, что они умеют делать хорошо делать и к чему они склонны, и мужчин это нисколько не оскорбляет»[75]. Мать больше не испытывает тревог по поводу будущего своих детей. Нет повода считать, что какие-либо предрассудки сделают ее детей неравными, относительно других мужчин и женщин, матери теперь свободны от такого страха. Жители полагают, что ужасы нищеты старых времен были невыносимы и заключают, что лишь привычка помогала выносить ее людям.

Жители страны любят порядок: четкость, ясность и чистоту во всем, а свою страну они именуют садом. Они «упростили свою жизнь, отбросив многие условности и мнимые нужды»[76]. Люди поступают честно со всеми соседями, а за это их не считают «святыми» после их смерти, как это было в прежние времена.

В стране нет теперь никаких тюрем, как и профессиональных преступников. После отмены частной собственности, преступления пришли к концу. Принцип «не укради» сменился принципом «хочешь жить в счастьи — трудись». Наказание, считают они, которое мудро обсуждалось, на деле применялось глупо, а само было лишь проявлением страха. В новом обществе, при отсутствии установленного наказания, за преступлением следует раскаяние. Человека не терзают, дабы раскаяние его не перешло в обиду, а затем в желание отомстить.

«С политикой дело обстоит у них превосходно — ее нет»[77]. Парламентом страны теперь является весь народ. Бывшее здание парламента превращено в склад удобрений и навоза. Правительством прошлых времен жители будущего называют суд, который военной силой поддерживала исполнительная власть, которую обманутый народ позволял применять против себя. Неравенство и бедность объявлялись законом Бога и

[74] Моррис У. Вести ниоткуда. М.,1962. С. 109.
[75] Там же. С. 110.
[76] Там же. С. 134.
[77] Там же. С. 142.

связью, которая предотвращает разрушение мира. Тяготы обычного человека считаются такими, что вопрос об иностранном завоевании вызывает у них недоумение: они не считают, что обычному крестьянину было бы тяжелее, если бы его хозяином стал не англичанин, а француз, в условиях, если бы плата за труд человека давала лишь возможность ему не умереть с голоду, а прожить еще один день.

Расовое разнообразие, полагают они, делает народы приятными и полезными друг для друга.

Цель жителей — прожить день с наибольшей пользой и дела свои они ведут соответствующим образом: сообща они принимают важные решения, ласково называя это «тиранией общества». Получив возможность решить свою судьбу сообща после революции, они приняли решение сделать себя счастливыми, дабы предотвратить контрреволюцию и волнения. Великой силой революции стало стремление к свободе и равенству. Система рабства оказалась безнадежной, а единственной целью для любого, кто желает улучшить мир, является равенство всех людей. «Счастья они достигли отсутствием принуждения и предоставлением возможности каждому свободно делать то, что он более всего способен, а также изучением вопроса, какие продукты труда наиболее необходимы»[78]. В древние времена вещи изготавливались для продажи, а не для употребления, от чего они теперь совсем отказались.

Искусством они называют работу-удовольствие и отмечают, что оно стало неотъемлемым элементом работы любого человека. Изобретения потому у них не распространены, что освобождают человека от необходимого труда, и «полагаться на одни лишь машины могут рабы и рабовладельцы»[79]. Главное для жителей новых времен это «мир, в котором они живут, мир, часть которого они составляют, и который будут любить всей душой»[80]. Мир существует не для того, чтобы лишь пить, спать и есть, а для того, чтобы любя вносить в него частичку своей души. А не так, как это было в давние для утопийцев времена, когда люди презирали жизнь и боялись смерти.

Таким представляет себе Моррис народ в его эпоху спокойствия, когда он

[78] Моррис У. Вести ниоткуда. М.,1962. С. 154.
[79] Там же. С. 278.
[80] Там же. С. 248.

«отбросил богатство и обрел благоденствие»[81]. Основой концепции Морриса выступает полное освобождение человека и предоставление ему счастливой жизни. Человек его утопии свободен в выборе дела на свое усмотрения и свободен от лени, жители могут свободно путешествовать. Граждане утопии свободны от политики, судов и адвокатов, системы строгого воспитания, тюрем и профессиональных преступников, и от изобретений.

[81] Моррис У. Вести ниоткуда. М.,1962. С. 297.

ГЛАВА 2. Утопия и свобода

2.1. Границы свободы в утопии

Как видно из анализа авторских английских утопических концепций большое значение в них играет понятие «свобода». Вопрос о свободной жизни в утопии имеет глубокие исторические корни. Один из первых утопистов (после появления термина «утопия») Т.Кампанелла подвергся критике за то, что несмотря на свои признания о том, что «...столько раз пребывал в тюрьмах, что не припомню и месяца подлинной свободы, разве что ссылку»[82], создал одно из самых закрытых и несвободных утопических сообществ. Поиск баланса между свободой и принуждением занимал одно из центральных положений в утопических проектах разных лет. Это привело к появлению типологии утопий, основанной на проблеме свободы. Фернандо Аинса разделил утопии на две группы: утопии порядка и утопии свободы. «Книга Томаса Мора стала родоначальницей утопий свободы, а «Город Солнца» Кампанеллы породил утопии порядка»[83]. В основе утопии свободы лежит принцип воссоздания идеального человека, основу утопии порядка составляют нормы, которые следует выполнять идеальному гражданину общества.

Главной задачей, на пути установления совершенного состояния общества, все без исключения утописты, называют счастье людей. Томас Мор видит его в духовной свободе и образовании, Ш.Фурье определяет его как избыток внутренний и внешний, У.Моррис счастье видит в принесении пользы обществу, иные утописты знают лишь как его достичь: как, например, Дж.Уинстэнли, считает, что счастливы станут все люди, после того, как вся земля и средства производства станут общими, большинство же авторов согласны с тем, что счастье будет в том, чтобы не иметь ничего, но иметь все, что необходимо. Среди утопистов разнится представление о счастливой жизни, однако, главным спором является видение корней несчастья людей. Среди самых популярных утописты рассматривают: неведение, неравенство, леность, отклонения в

[82] Горфункель А.Х. Томмазо Кампанелла, М., 2010. С.9.
[83] Аинса Ф. Реконструкция утопии. М., 1999. С.27.

половых отношениях, налоговый гнет и угнетенность в правах. В зависимости от понимания причин, делающих людей несчастными, утопист в своем проекте борется с теми или иными источниками человеческих бед. Эти беды имеют под собой порядок, при котором отношения людей были неравными, поскольку сам порядок был несправедливым. Следует заметить, однако, что несправедливость, которую побеждает утопист в своем произведении является реальной. Как отмечает М.Ласки: «Утопическая мечта о будущем, с ее источниками в фантазии и отчуждении, предполагает наличие кошмара настоящего»[84]. Эту несправедливость утописты черпают из наличной действительности, и преодолевают гнет несправедливости своих современников. Однако на пути утописта в этот момент возникает другая проблема. Люди вокруг несчастны, поскольку они находятся под внешним гнетом социальной детерминированности. Утопист в своем произведении дарует людям свободу от этого гнета, но, достижение счастья неизбежно ведет за собой введение определенных ограничений свободы. Закрытые рубежи острова или моральные нормы — становятся платой за счастье и благополучие острова.

Рассуждая о личной свободе в утопии, исследователи утопизма расходятся в своих взглядах на эту проблему. А.Свентоховский, к примеру, говорит, что свобода в некоторых утопиях настолько ограничена, мысли и чувства урегулированы в них заранее, и «кто бы захотел подчиниться им, тот должен перестать быть человеком»[85]. Другой польский исследователь, Ежи Шацкий полагает, что: «…утопия не угрожает человеческой свободе, поскольку «подлинная свобода» осуществляется как раз в ее рамках»[86]. Карл Каутский замечает, что общество, описанное Т.Мором «единственное, к какому применимо название «свободного»»[87]. Льюис Мэмфорд пишет о том, что в утопии «каждый в состоянии быть человеком, потому как никто не в силах превратиться в чудовище»[88].

Карл Ясперс заметил, что, «…быть может, самые глубокие противоречия между

---

[84] Ласки М. Утопия и революция. // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. под ред. Чаликовой В.А. М., 1991. С.174.
[85] Свентоховский А. История утопий. От античности до конца XIX века. М., 2012. С. 409.
[86] Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 45.
[87] Каутский К. Томас Мор и его утопия. М., 2011. С. 294.
[88] Mumford L. The story of Utopias. New York., 2008. P. 78.

людьми обусловлены их пониманием свободы»[89]. Однако не только это объясняет такую палитру оценок личной свободы в утопии. Такое расхождение во мнениях объясняется еще и тем, что в своей работе «Принцип надежды» Эрнст Блох описал как разрыв связей и невозможность абсолютного и корректного прочтения. Это в конечном итоге приводит к разрушению культурного контекста. Отсюда проистекает разница во взглядах и отличия современных идеалов свободы и идеалов общества времен Т.Мора или Дж.Гаррингтона. Утопия Т.Мора была опубликована в 1516, проекты Фр.Бэкона, Дж.Уинстенли и Дж.Гаррингтона были напечатаны в XVII веке: в 1627,1652 и 1656 годах соответственно. «Вести ниоткуда» У.Морриса опубликованы в 1890 году, естественно, что идеалы свободы трансформировались за это время.

Как отмечает З.Бауман, оксфордский словарь английского языка с 1483 года фиксирует употребление термина «свобода» как возможности идти куда угодно. С 1578 свобода определяется как действие без ограничений. К 1697 году фиксируется употребление термина свобода как избавление от повинностей, работ и податей. «В древне- и среднеанглийском свобода всегда означала льготу — избавление от налога, пошлины, подати и юрисдикции лорда»[90].

Учитывая такие определения, вряд ли можно назвать жизнь людей английских классических утопических проектов свободной: главным примером является всеобщая трудовая повинность, никто не ведет праздной жизни в утопии. Правы те, кто утопические порядки сравнивает с идеей Паноптикума Иеремии Бентама в основе которого лежит тотальный контроль. Задачи, которые ставил перед Паноптикумом Бентам: наказывать неисправимых, исправлять порочных, лечить больных, наставлять желающих в любой отрасли ремесла или воспитывать юное племя на стезе образования, ставятся и перед создателем утопии. Но отправная точка идеи Бентама — различие, традиционная же идея утопии — равенство. Следует заметить, что самый важный вопрос о главном надзирателе, который в реальности оставался дискуссионным, в утопии решается, и главным над всеми признается и назначается закон. Возможным это становится благодаря принципу интериоризации. Внешняя

[89] Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1990. С.166.
[90] Бауман З. Свобода. М., 2006. С. 22-23.

норма усваивается новыми поколениями и переходит во внутренний принцип самоорганизации. Здесь стоит сказать о том, что принцип интериоризации в утопии принимает более сложных характер. По сути, он предназначен для новых членов утопии, т. е. поколений, следующих за установлением идеального общественного общежития. Цивилизационный процесс, результатом которого является интериоризация нормы, проходит, как пишет об этом Норберт Элиас в четыре этапа. Первый связан с тематизацией нормы, второй этап связан с детализацией нормы и становлением объекта, на который направлено общественное сознание, на третьем этапе происходит выдвижение санкций за пренебрежение нормой, на четвертом этапе наблюдается исчезновение нормы, но четкое ее соблюдение, т. е. переход из внешней по отношению к индивиду среды в его внутренний принцип. Цивилизационный процесс характеризуется тем, что под давлением все большего количества внешних норм принуждения увеличивается процесс самопринуждения[91], а в утопии несмотря на то, что внешне и по описанию структура процессов равнозначна, внутренние процессы механизма отличаются. Чаще всего утописты отмечают, что от гнета законов и рабства граждане полагают укрыться в утопии, где малое количество законов, критерием которых выступает высшая степень разумности. Тем самым оказывается, что люди сами ищут внешнего принуждения, пусть и при помощи разумных законов, и таким образом интериоризация проходит с разрешения самих граждан утопии, но при организации утопии они сами выбирают нормы, из которых разовьется их самопринуждение. А это самопринуждение полностью соответствует человеческой природе и эти нормы в высшей степени разумны, таким образом, в утопии принцип интериоризации ведет не к увеличению принуждения, а к обращению к природе человеческого самоконтроля. Здесь нет понимания свободы как привилегии, поскольку нет власти ни над кем кроме себя. Это приводит к важному отличию от традиционного общества, где «одни люди устанавливают нормы, другие им следуют»[92], потому как в утопии устанавливают нормы все люди и сами строго соблюдают, то есть люди устанавливают нормы для самих себя.

---

[91] Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т.2. М., СПб., 2001. С. 237-256.

[92] Бауман З. Свобода. М., 2006. С.38.

До конца XVI века свобода была синонимом благородного происхождения и привилегий, положенных человеку по рождению. На изменение такого порядка повлияли в том числе утопические проекты, зачастую провозглашавшие равенство в правах и обязанностях всех граждан. Однако такие определения не учитывают важного аспекта: идеала духовной свободы и ее философского осмысления.

Английский философ XVII века Томас Гоббс, обращаясь к теме свободы отмечал, что человеческие действия похожи на воды реки: они имеют не только свободу, но и необходимость течь по своему руслу. «Такое же совмещение мы имеем в действиях, совершаемых людьми добровольно...Так как добровольные действия проистекают из воли людей, то они проистекают из свободы, но так как всякий акт человеческой воли...проистекает из какой-нибудь причины, а эта причина — из другой в непрерывной цепи...то они проистекают из необходимости»[93].

Другой английский философ Джон Локк полагал, что человеческая свобода состоит в том, что «…индивид может действовать или не действовать согласно своему выбору»[94]. Человек обладает способностью обдумывать свои действия, силой откладывать свои желания, свободой рассмотрения объектов.

Эрих Фромм отмечал, что на протяжении многих лет после разрушения Средневекового уклада: «Внутренне свойственное человеческой природе стремление к свободе…снова и снова утверждает себя»[95]. И даже говорит о том, что «…ядром современной европейской и американской истории являются усилия по достижению свободы от политических, экономических и духовных кандалов, сковывающих человека»[96]. Задавшись вопросом: «Почему для одних свобода – желанный идеал, а для других – угроза?»[97], сам Э.Фромм полагает, что ответ заключается в том, что за свободу борются угнетенные, те, кто не доволен своим положением. Но в конечном счете, исследуя корни человеческой деятельности, полагает, что «…человеческое существование и свобода неразделимы»[98], свобода, в данном случае понимается как

[93] Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.,2001. С. 146.
[94] Локк Дж. Два трактата о правлении. Сочинения. Т-3. М., 1988. С. 317.
[95] Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2018. С. 12.
[96] Там же. С. 15
[97] Там же. С. 18.
[98] Там же. С. 42.

имманентное свойство человека. В биологической слабости человека как вида, не имеющего биологической программы и средств защиты Э.Фромм видит основу свободы – труд, как многовариантное средство приспособления к жизни. Также Фромм приводит небезынтересную трактовку свободы, замечая, что можно назвать точку ее начала. «Одно из наиболее красноречивых представлений фундаментальной связи между человеком и свободой дает библейский миф об изгнании человека из рая»[99]. Миф дает представление о точке отсчета человеческой истории, напрямую связанную с актом свободного выбора, которого не было у человека, подчеркивая при этом греховность его свободы, поскольку первым свободным действием человека стало нарушение запрета. Свобода – как один из факторов достижения счастливой жизни, понимаемая не в своем негативном смысле как свобода от, поскольку свобода – это понятие не только количественное, но и качественное – то, на что должны быть направлены усилия современного человека. Чтобы развиваться самостоятельно, необходимо отказаться от механизмов бегства от свободы – тоталитаризма и конформизма и вернуться к собственной жизни, осознать себя, свои желания и используя позитивную свободу, которая состоит в «спонтанной активности полной, целостной личности»[100], спонтанность при этом должна пониматься в латинском значении – «по своей свободной воле».

Г. Зиммель в своем рассуждении о больших городах приводит такую эволюцию свободы: «Если XVIII век призывает к освобождению от всех исторически сложившихся пут, связывающих человека, – в государстве и в религии, в морали и в экономике, – дабы изначально добрая природа, одинаковая во всех людях, могла беспрепятственно развиваться; если XIX век, помимо просто свободы, требует, чтобы человек и его деятельность обладали еще и основанной на разделении труда особостью, которая делает каждого индивида несравнимым с прочими и максимально незаменимым…»[101], то к XX веку духовная сущность большого европейского города «обеспечивает индивиду личную свободу такого рода и в таком количестве, каким в

[99] Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2018. С. 43.
[100] Там же. С. 248.
[101] Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М., 2018. С. 75.

иных условиях не найдется равных»[102], при этом замечает, что оборотная сторона этой свободы не означает для человека комфортного самоощущения.

Разрушение культурного контекста позволяет, как пишет Блох в работе «Принцип надежды», при прочтении выявить новые идеи, подняться на более высокий уровень обобщения, пристальнее рассмотреть не отдельные фрагменты, но весь замысел утописта, а главное оценить идеалы, положенные в основание нового совершенного общества. Подтверждением этого может служить признание А.Л.Морттона, что идеал абсолютной свободы У.Морриса, собранный из множества мелких деталей жизни будущих поколений в утопии, остается идеалом нашего общества.

Можно выделить как минимум три аспекта, влияющих на построение утопической системы: особенности жанра, культурный контекст, личные предпочтения и взгляды автора. Каждый из этих аспектов влияет на концепцию свободы, складывающуюся в каждой отдельной авторской утопии.

Среди особенностей утопического жанра выделяются: диалогическое построение текста; описание общественного идеала, не требующего последующих преобразований; отсюда особенность изображения утопии вне исторического времени и на основе островного принципа, который позволяет отгородить утопию от внешнего мира; также вера в безграничные возможности человека и принцип тотальной рациональности.

Особенность построения текста по диалогическому принципу (даже в случае микродиалогов или формальной вопросно-ответной форме изложения) вновь обретенное изобретение эпохи Возрождения (античные диалоги) позволило авторам утопических проектов ввести элементарное человеческое общение. Это увеличило свободу описания, позволило оживить текст, сделать его более непринужденным и не похожим на нравоучительный текст или комментарий к Библии, также создало эффект правдоподобного повествования, имитирующего ситуацию, возможную в реальной жизни.

Другая особенность — островное описание утопии было продиктовано несколькими причинами. Островное расположение давало возможность не только

[102] Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М., 2018. С. 93.

укрыть жителей идеальной страны от посторонних глаз, но и давало призрачную надежду на то, что такой остров мог быть однажды обнаружен во всей своей красоте. «Из семидесяти пяти британских утопических и антиутопических произведений, изданных между 1700 и 1802 годами, все они, кроме трех, ориентировались на острова или на неизведанные территории»[103] - приводит статистику Дэвид Уилсон. Однако островное расположение утопии ограничивало возможность жителей путешествовать.

Связь культурного контекста и концепций утопической свободы выражается в общекультурных установках, транслируемых через общественные представления и идеалы. «Все английские утопии, как бы ни были они универсальны, всегда имеют ввиду прежде всего свое отечество»[104]. Это проявляется в эпиграфах: «О тебе сказка рассказывается», как у Дж.Гаррингтона или в изображении будущей Англии как в утопии У.Морриса. Также об этом косвенно говорит тот факт, что английские утопии редко отступают от традиции изображения островного государства, связано это, безусловно и с тем, что было описано выше. Англия, островное государство, всегда оставалось площадкой для умозрительных экспериментов своих граждан.

Важно отметить, что в Англии авторами утопий зачастую становились далеко не последние сыны отечества: Томас Мор был лорд-канцлером и сыном сэра лондонского судьи, Фрэнсис Бэкон был лордом-канцлером, бароном и виконтом, Джерард Уинстенли родился в семье богатого торговца шелком, Джеймс Гаррингтон окончил Оксфорд, Уильям Моррис родился в семье зажиточного промышленника и также был выпускником Оксфорда. Среди английских утопистов не встречались такие личности, как Томмазо Кампанелла, который был сыном нищего сапожника или Роберт Оуэн, сын мелкого лавочника, также не получивший системного образования. Большинство английских утопистов получили хорошее образование и принимали активное участие в политической жизни своей родины.

Для английских утопий не свойственно практическое утверждение должного в качестве сущего, что характерно для французских утопических воззрений. Для английской классической утопии характерно теоретическое обоснование возможности

---

[103] Уилсон Д. А. История будущего. М., 2007. С.78.
[104] Свентоховский А. История утопий. От античности до конца XIX века. М., 2012. С. 95.

должного, поиск верных оснований, рассуждения о лучшем порядке, но не провозглашение уже найденных оснований истинными или требование скорейшего уничтожения текущего порядка. Для английского утопического творчества не свойственна такая разновидность, которую Э.Тоффлер назвал практопией. Практопия — система социальных реформ, направленных на построение не идеального, но лучшего, чем наш мира. Всех прелестей утопии французы добьются скорее революцией, английский утопизм выберет охотнее реформу, если это возможно и революцию, только в случае крайней необходимости.

Официально Англия не знала тоталитарного режима. Считается, что «…для английской утопии характерна принудительная установка на свободу, предполагающая религиозную толерантность»[105]. Для английской утопии характерно употребление термина «свобода». В английских утопиях провозглашается человеческая свобода от примитивных радостей — роскошных платьев или огромных домов, «зато утопийцы обретают духовную свободу, возможность жить богатой духовной жизнью»[106]. В утопии Мора есть установка на религиозную толерантность, провозглашенную королем, до тех пор, пока не будет явлен свет истинной религии. Джерард Уинстэнли в своей утопии «Закон свободы» провозглашает аграрную свободу, и объявляет главным ее достоинством — возможность работать на общей, принадлежащей всем в равных долях, и не принадлежащей никому полностью, земле. Дж.Гаррингтон провозглашает равенство в избирательных правах и религиозную свободу. Он полагает, что политическая свобода будет обеспечена вовлечением наибольшего числа граждан в разумное управление своей страной и свободной и постоянной ротацией всех государственных чиновников. Фр.Бэкон в своей утопии возлагает надежды на свободный от идолов человеческий разум и провозглашает триумф человеческих возможностей жителей «Новой Атлантиды» в их бесконечных умениях, технологиях и ремеслах. У.Моррис, освобождая будущие поколения Англии от политики, судебных пут, тюрем и мнимых нужд видит их счастье в том, чтобы они проводили каждый день с пользой для всех, а, значит и для себя. Интересно, что большинство английских

[105] Шадурский М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М., 2007. С. 14.
[106] Осиновский И.Н. Томас Мор. М., 1985. С.89.

утопистов провозглашают свободным труд, который, однако, объявляется обязательным для каждого, все граждане равны в своих трудовых обязанностях и почестях.

Концепция свободы в утопии складывается также под влиянием личных взглядов утописта, приобретая свой окончательный вид. Как было отмечено ранее, большинство утопистов единодушны в своем видении причин несчастья людей: неравенство, невежество, леность, отклонения в половых отношениях. Однако вопрос того, как решать эту проблему, остается на совести утописта. Очевидно, что вопрос невежества решается установлением разумной системы воспитания, проблема лености разрешается введением общей трудовой повинности, а проблема неравенства может быть решена посредством справедливых законов, которые также регулируют половые отношения. Но система воспитания в английской утопии может варьироваться от традиционной общественной школы с ее постепенной системой увеличения знаний, как у Бэкона, до свободного усвоения основных практических навыков и дополнительных научных знаний для желающих, как это описывает Моррис[107].

В конечном счете, три этих аспекта придают законченный вид концепции свободы, описанной и реализованной в утопии.

Говоря об особенностях представлений о свободе в английской классической утопии, следует заметить, что практически все английские утописты освобождают свои идеальные общества от важного параметра: денежной системы. Изменения в системе потребления, производства и накопления продуктов утопий позволяют устранить денежный институт и все негативные проявления в обществе, связанные с ним.

Другой важный шаг на пути к отмене гнета прошлых неудач, связан в утопии с обязательным введением на острове новой языковой системы, всегда имеющей корни с другими языками и грамматиками, но позволяющий гораздо лучше и продуктивнее осуществлять коммуникацию. Такой шаг позволяет избавиться от прошлых неистинных языковых форм, устранить всякие возможные противоречия и оставить систему мышления формами, при которых были возможны человеческие несчастья,

[107] Андреев Г.С. Ценностный конфликт: становление антиутопии. // Философская мысль. 2019. N 2. С.66.

голод, несправедливость и рабство. Появление нового и лучшего языка позволяет наладить коммуникацию в обществе утопии до такой степени, что понимание между согражданами становится полным и абсолютным, потому как языковые средства позволяют полно и четко выражать гражданам свои мысли и чувства.

Что касается конкретных мер, связанных с поиском баланса между порядком и свободой, то они будут рассмотрены ниже. Утопия Томаса Мора на первый взгляд представляется в достаточной мере свободным государством. Каждый человек свободен выбирать для себя ремесло по любви, однако, введено общее для всех женщин и мужчин занятие - земледелие. Жители должны работать шесть часов в день, но свободное от своего ремесла время проводят они по своему усмотрению. При установленном минимуме утопических законов, они стали свободны от частной собственности и введено у них имущественное равенство. Все продукты и предметы для поддержания счастливой жизни есть в свободном доступе на общественных складах, в необходимом количестве. Граждане утопии свободны в выборе своего супруга. На острове нет адвокатов и не приняты договоры. Каждый житель свободен веровать в то, что ему угодно, при условии, что он не призывает к этому других. Все чиновники свободно избираются народом. Жители пренебрегают материальными благами, ради духовной свободы, которую признают они своим счастьем. Одной из главных особенностей общества Т.Мора является то, что на острове существует институт рабства. Конечно, обращаются с ними не очень сурово, однако, именно они выполняют всю грязную работу на острове, однако, могут быть освобождены от рабства, отработав необходимое количество лет на благо утопии. Рабство является основным наказанием на острове, что подчеркивает особое значение свободы, как ценности, которой лишают граждан за преступления.

Общество Фрэнсиса Бэкона целью воспитания всех граждан полагает не счастье, а увеличение своей власти, как вида, чтобы все стало возможным. Чтобы человек, познав все причины, был свободен совершать все, что только возможно. На пути к этой цели они уже добились успеха, жители «Новой Атлантиды» производят все, что только можно себе представить и что может быть применено на пользу обществу. При этом единственная религия острова – христианство, а божий закон они называют

руководством, как следует поступать. На острове каждый должен работать, и получает за это жалование, собственность у каждой семьи своя, процветает торговля. Во избежание разрушения идеального состояния общества, королем Соламоной были запрещены любые контакты с внешним миром и путешествия обычных граждан, дабы оградить остров от всего нового. Этим вопросом на острове занимается Соломонов дом.

Джерард Уинстэнли определяет свободу в обществе как свободное пользование землей, которое дает необходимое для жизни людей пропитание и средства к существованию. Земля провозглашается общей среди всех граждан, каждый свободен ее обрабатывать и строить на ней, а все необходимое каждая семья получает с общественных складов, над пополнением которых все граждане работают в равной степени. Купля и продажа в утопии запрещены. Истинным правителем объявляется закон, адвокаты не нужны. Жители свободны в своих суждениях о Боге и могут сочетаться браком с человеком по своему выбору. Главным наказанием за преступления, как и у Мора, является рабство. Рабы выполняют самый тяжкий труд, однако, могут вновь стать свободными, если будут покорно выполнять рабский труд в течении отмеренного срока. Выборы на острове являются свободными, также свободные люди могут баллотироваться сами.

Джеймс Гаррингтон видит счастье общества в религиозной и политической свободе. Основные принципы его утопии - принцип свободной ротации чиновников и многоступенчатых выборов, позволяющий привлечь наибольшее число граждан к управлению страной. Эти принципы позволят республике функционировать наиболее успешно.

В утопии Уильяма Морриса жители сами выбирают для себя дело, по их усмотрению, свободно развивают все стороны своей натуры. Все граждане обязаны трудиться, на острове нет лени, все, что необходимо жители получают в лавках и базарах без денег, мораль купли и продажи мертва. Жители свободны в своих путешествиях, как по своему государству, так и за его пределы. На острове нет частной собственности и политики, а также судов и адвокатов. Мужчины и женщины равны в своих правах и обязанностях. Остров свободен от тюрем и профессиональных

преступников, покушавшихся на частную собственность. За преступлением следует раскаяние, но не наказание. Все жители острова равны, и граждане приветствуют расовое разнообразие. Все вещи и предметы в утопии изготавливают свободно и красиво для использования, а не для продажи. Жители свободны от изобретений, которые отнимают полезный для человека физический труд и превращают его в раба или рабовладельца.

2.2. Проблема свободы в утопии

По мнению З.Баумана: «Смысл свободы остается ясным, пока она мыслится как отмена угнетения»[108]. Таким образом, когда в утопическом проекте жители избавлены от гнета несовершенства прошлой системы, остается открытым вопрос о «количестве» свободы, но поскольку понятие «свободы» имеет давнюю историю и множество значений, то вопрос этот касается двух основных пониманий свободы — негативного и позитивного.

В негативном смысле «…быть свободным, значит не испытывать чужого вмешательства»[109]. Абсолютная свобода недостижима, т. к. она предполагает, что человек в таком случае совершает все, что пожелает, а в условиях человеческого общежития это невозможно. Однако полный отказ от свободы ведет к самоуничтожению, таким образом, «…от какой-то части свободы отказаться надо, чтобы сохранить остальную»[110]. А вот чем больше останется пространства невмешательства, тем шире будет свобода. Чем шире будет пространство вмешательства, тем сильнее такая свобода приблизится по своей сути к понятию «приватности». «Приватность — право предотвращать вторжение других людей в конкретные места, в конкретные моменты или во время конкретных занятий»[111].

При таком понимании свободы возникает несколько особенностей, которые необходимо отметить. Первая из них касается того, что в понятии негативной свободы принуждение, как подавление человеческих желаний, само по себе является злом, хотя

---

[108] Бауман З. Свобода. М., 2006. С.66.
[109] Берлин И. Философия свободы. М., 2001. С. 47.
[110] Там же. С. 49.
[111] Бауман З. Свобода. М., 2006. С.68.

и должно применяться, чтобы предотвратить зло большее, а невмешательство - само по себе является благом, хотя и не единственным. Вторая особенность связана с относительной современностью этой концепции. В древнем мире свобода личности как осознанный политический идеал фактически не обсуждалась, а «желание жить самому по себе — признак высокой цивилизованности и человека, и сообщества»[112], и такое понимание свободы едва ли старше Ренессанса и Реформации. Третья особенность связана с тем, что негативное понимание свободы совместимо с определенными видами принуждения и одним из главных вопросов видит проблему границы контроля, но не ее источника. Для негативного понимания свободы характерно утверждение «я не раб» и вопрос о том, насколько власть вмешивается в личные дела человека.

То, что именуется свободным в теории, не всегда оказывается таковым на практике. Составляющими свободного действия являются не только отсутствие принуждения или невмешательство, но и мотив, а, также, ресурс для совершения такого действия. Отсутствие ресурса для свободного действия, фактически приводит к тому, что вне зависимости от других параметров право на свободу остается нереализованным. В обществе может быть провозглашена свобода, однако, при отсутствии ресурсов для осуществления свободных поступков остается невозможность свободно проявлять свою волю.

Вопрос об источнике контроля или правления возникает при позитивном понимании свободы, для которого характерно утверждение «я сам себе хозяин» и обсуждается вопрос о том, кто мной правит, т. е. кто вправе сказать, что я должен делать. Смысл такого понимания свободы возникает из желания индивида действовать по собственной воле и быть хозяином своей собственной жизни. Такая трактовка свободы предполагает, что человек в своей собственной жизни является субъектом, а не объектом. Свобода в позитивном смысле представляется как требование следовать своим собственным целям и соображениям, делать это без воздействия внешних причин, давления или жесткой регламентации. Как пишет И.Берлин, для человека, жаждущего свободы в позитивном смысле препятствия, могут составлять действия

[112] Берлин И. Философия свободы. М., 2001. С. 50.

людей, законы природы и даже случайности. «Эти силы могут оказаться могущественней»[113]. Поскольку эти желания неосуществимы, то человек может отказаться от них, сохранив свою свободу в целости. Однако этот процесс имеет две стороны: положительной стороной является противление своим собственным необузданным желаниям и разумный контроль над ними. Негативной стороной является процесс приближения к самоубийству индивида, в случае постоянного отказа от всего, что может уязвить человека. Другой аспект позитивной свободы связан с вопросом, как сделать людей разумными индивидами со свободной волей, чтобы при случае они и сами, будучи разумными могли, при необходимости установить те же законы, что и в утопии. Логичным решением видится образование этих людей, но образование — это тоже своего рода принуждение, и в этой связи выступает вопрос о границах вмешательства в человеческую жизнь. Здесь же возникает вопрос о том, кому можно поручить это воспитание на благо человека и правомерно ли рассуждение о том, что невежественное эмпирическое «я» принужденное к правильному образу действия не угнетается и подавляется, а наоборот, становится свободным. В таком «идеальном случае свобода совпадает с законом, а автономия с властью»[114]. Этим идеальным случаем и представлялась большинству авторов проектов по лучшему устройству мира их утопия. Дж.Ст.Милль, к примеру, и вовсе заявляет, что: «…свобода не применима как принцип при таком порядке вещей, когда люди еще не способны к саморазвитию путем свободы»[115].

Два тезиса Рюдигера Сафрански: «Только истина сделает нас свободными»[116] и «…Свобода сделает нас истинными»[117] в положении утопии принимают статус непротиворечивых. Именно тогда, когда человек, основываясь на истинных основаниях создаст идеальное общество, в котором все будут счастливы и свободны, проявятся все лучшие свойства его истинной природы, которые до этой поры находятся под гнетом социальной несправедливости.

Утопическая мысль выбирает в качестве объекта своих преобразований остров,

---

[113] Берлин И. Философия свободы. М., 2001. С. 52.
[114] Там же. С. 58.
[115] Милль Дж.Ст. О свободе. М., 2000. С. 298.
[116] Сафрански Р. Вольные вариации на тему свободы // Позиции современной философии. 2004. Вып.3. С.57.
[117] Там же.С.60.

руководствуясь не только традицией. «Островная жизнь как нельзя лучше обеспечивает решение проблемы границы, к которой особенно чувствительна утопия, рождающаяся на стыке реального и воображаемого миров»[118]. Остров также позволяет, в силу своей пространственной отделенности и защищенности от других земель, свести к минимуму контакты с внешним несовершенным миром, не производить никакой коммуникации с внешними соседями и таким образом иметь полную и абсолютную свободу своих действий на национальном уровне. Косвенно эта необходимость свободы для утопического сообщества подтверждается еще и тем обстоятельством, что несмотря на знание других языков и мудрость народа утопии, их собственный язык всегда универсален и полностью не похож ни на один из существующих, для того, чтобы старые категории, ошибки или предрассудки утопийцы не переносили в новую и идеальную жизнь.

Другая оппозиция в утопии, которая подвергалась рассмотрению, связана с соотношением «нового» и свободного с одной стороны, и «статичного» и совершенного с другой. Свобода в этом случае связывается с возможностью создавать новое, в утопии же воспроизводится имеющееся. Поскольку утопия объявляет достигнутым идеальное состояние человеческого общежития, что, как правило, все разумные члены этого сообщества считают справедливым, то оно не требует более никаких изменений. Отсутствие необходимости внешних преобразований оставляет только внутреннее управление, которое сводится к контролю за исполнением лучших и кратких законов, а также надзору за своевременным распределением общих (в большинстве случаев) благ. Мечты о лучшем устройстве возникают у индивида тогда, когда внешним по отношению к нему миром индивид не доволен, и мир этот устроен не лучшим образом или имеет потенциал к развитию в положительную сторону. Порядок, присущий внешнему миру, не удовлетворяет всех требований свободы индивида или не дает им реализоваться в полной мере. «Внутреннее «я» работает над тем, что находится извне»[119]. Однако если бы мир представлял из себя поле

---

[118] Паниотова Т.С. Архетип острова как мифологическая компонента утопии // Путь познания: общее и различное. Ростов н./Д., 2004. С.81.

[119] Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. Под ред. Чаликовой В.А. М., 1991. С. 50.

завершенных фактов, или шире говоря реализованную утопию, ни одну вещь невозможно было бы переработать в соответствии с желаниями индивида. Таким образом, если бы снаружи нас ничего не происходило или все было бы статичным, пусть и идеальным, внутри индивида также ничего бы не происходило. Следует отметить, что при таком положении дел, однако, отсутствует возможность нескончаемых перемен, которые нередко на определенном этапе становятся целью самих себя и являются, как отмечал Г.Зиммель в работе «Кризис культуры», одним из аспектов кризиса культуры, а именно подменой целей человека средствами для их достижения[120]. Цели, пускай и общие для жителей утопии, остаются незатемненными и могут таким образом быть свободно реализованы, средствами, лучшие из которых уже в руках граждан утопии.

Вышеописанное, однако, не постулирует, что невозможность внедрения в жизнь чего-то нового делает жителей утопии несвободными. Отнюдь, свобода как рациональное самовоспитание с одной стороны, и признание значимости и равноправия других индивидов с другой, дает возможность разумным или свободным называть государство в том случае, «если в нем будут править законы, свободно принятые всеми разумными людьми; иначе говоря, такие законы, которые они сами учредили бы, если бы их спросили как разумных людей, что им требуется»[121]. Это утверждение фактически соответствует основному принципу организации всей жизни в классической европейской утопии, начиная с Томаса Мора.

Оппозиция личной свободы и социума может быть рассмотрена на примере рассуждений Ф.В.Й.Шеллинга. Философ полагал, что «…отдельный член, как, например, глаз, возможен лишь в целостности организма; тем не менее, однако, он обладает жизнью для себя, своего рода свободой, наличие которой со всей очевидностью доказывается тем, что он подвержен болезни»[122]. Если использовать метафору Ф.В.Й.Шеллинга и вообразить отдельного члена общества в качестве глаза, то по аналогии с глазом невозможно говорить о том, что отдельный человек не

---

[120] Зиммель Г. Кризис культуры. Избранное. Т-1. М., 1996. С. 492-493.
[121] Берлин И. Философия свободы. М., 2001. С. 56.
[122] Шеллинг Ф.В.Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах. Сочинения. Т.2. М., 1989. С. 97.

является свободным в рамках социума. Несмотря на то, что оба они находятся под властью, один — головного мозга и всего организма, другой — социума, это совсем не значит, что они не обладают своей личной свободой. Даже находясь в детерминированной позиции относительно социума отдельный его член обладает частью личной свободы, не пересекающейся с интересами социума.

В русской мысли вопрос свободы освещался, к примеру, Львом Толстым. Он полагал, что по трем причинам человек «не может представить себе ни полной свободы, ни полной необходимости»[123]. Связано это с тем, что человек не может получить понятия о свободе в пространстве, во времени и в отсутствии причины. Он рассуждает о том, что человек, к примеру поднимает и опускает руку, рассуждая о своих действиях, предполагает, что они были совершены им свободно, однако признает, что двигал он ее в том, направлении, в котором было меньше для этого препятствий. А «для того, чтобы мое действие было свободным, необходимо, чтобы оно не встречало себе никаких препятствий»[124]. Вторая причина связана с тем, что человек закован моментом времени, в который совершается поступок. Рассудить можно только о моменте прошедшем, в который рука была не поднята, однако, подъем руки в следующий момент не является доказательством свободной возможности поднять руку в предыдущий момент, потому как ни рука, ни воздух не являются теми же, что и ранее. Таким образом это движение, чтобы назвать его свободным «надо представить себе в настоящем, в грани прошедшего и будущего, то есть вне времени, что невозможно»[125]. Говоря о третьей причине, Толстой замечает, что, поднимая руку, чтобы осуществить поступок независимый ни от какой внешней причины, я хочу совершить поступок, не имеющий причины, что и можно уверенно назвать причиной совершенного поступка. Таким образом Толстой признает, что о свободе и необходимости отдельно друг от друга невозможно сказать ничего определенного.

В истории европейской философии существует идея об утопичности свободы. Связана она с тем, что идея абсолютной свободы представляет собой лишь умозрительное рассуждение и на практике совершенно невозможна ее реализация. В

[123] Толстой Л.Н. Война и мир. Т.4. М., 2006. С. 361.
[124] Там же.
[125] Там же. С. 362.

том числе и потому, что «свобода не должна оборачиваться произволом и разрушать общность социального целого»[126]. Утопичность здесь воспринимается как синоним невыполнимости. Но стоит отметить, что существует и идея утопичности утопии. И.Кант, рассуждая в «Критике чистого разума» о «Государстве» Платона пишет: «Хотя этого совершенного строя никогда не будет, тем не менее следует считать правильной идею, которая выставляет этот maximum в качестве прообраза, чтобы, руководствуясь им, постепенно приближать законосообразное общественное устройство к возможно большему совершенству»[127].

Совершенно иным представляется вопрос о свободе творчества, которая имеется у автора в ходе работы над своим умозрительным проектом. Иными словами автор утопии, в ходе своей работы не ограничен никакими рамками, лишь собственным здравым смыслом и фантазией. «Природа не установила никаких пределов нашим надеждам» - писал Н.д.Кондорсе. А И.Кант заключал, что «…все зависит от свободы, которая может перешагнуть через всякую данную границу»[128], понимая под границей – пропасть, «…которая необходимо должна остаться между идеей и ее осуществлением»[129]. Утопист решает, каким будет его общество, какие элементы общественного и культурного устройства получат новую жизнь в его проекте. Даже сам жанр не имеет строгих композиционных правил с точки зрения утопии как произведения литературного искусства. Например, Дэни Верас в своей «Истории Севарамбов» вел повествование от первого лица, а не в форме диалога, как это было принято, а Дж.Уинстэнли изложил свои взгляды в шестидесяти с лишним пунктах, оформленных как четкие правила с кратким комментарием. Даже островное расположение описываемого проекта позволяло свободно поместить его автору утопию в любом месте земного шара. В разное время утопиями могли предстать земли нового мира, Океании или Атлантиды, или земли Англии.

Если рассматривать концепции свободы в английской утопии с точки зрения философских оценок, то получится, что вопрос ресурса для осуществления свободного

---

[126] Каган М.С. Эстетика как философская наука. СПб., 1997. С. 41.
[127] Кант И. Критика чистого разума. М., 2011. С. 290.
[128] Там же.
[129] Там же.

действия решен таким образом: любое действие, которое не объявляется запрещенным или противоправным, а также полезно для процветания всего социума может быть осуществлено. Основным же мотивом всех действий человека утопии остается разумное поведение в рамках наилучших законов и самосовершенствование всех сторон своей личности.

Островная граница утопии не ограничивает передвижение граждан, там, где путешествие является разрешенным. Вопрос минимальных контактов с внешним миром логически объясняется соображениями безопасности граждан и их сохранением их счастливой жизни.

Оппозиция личной свободы и социума разрешается взаимным пересечением, иногда и наложением одной на другую. Происходит это за счет того, что при исполнении своих обязанностей, главная из которых – трудиться, гражданин утопии исполняет свой долг перед своей родиной, задача которой состоит в обеспечении счастливой жизни своих граждан. Счастье граждан состоит в многостороннем духовном развитии всех сторон своей личности, с принесением пользы своему отечеству. Таким образом, гражданин, развиваясь, приносит пользу своей утопии, в чем его счастье, а утопия от развитых граждан получает множество продуктов труда, которые за счет законного распределения полностью идут на пользу гражданам в равной степени, что обеспечивает их дальнейшей жизнью и возможностью развиваться еще, приносить еще больше пользы.

Оппозиция «счастья» и «порядка» изначально связана с тем, что ради установления счастливого состояния общества, каждому члену необходимо отказаться от некоторого количества своих свобод. Поскольку порядок в утопии идеальный, человек отказывается от минимального набора этих свобод, но получает максимально счастливую жизнь сегодня и гарантию завтрашней такой же.

Оппозиция «нового» и «свободного» связана с завершенностью всех процессов в утопии, и собственно выпадением ее из поля возможного реформирования и улучшения. Поскольку нет внутреннего недовольства внешним порядком, и не возникает потребности индивида в его изменении, акцент с этого процесса переносится на процесс самовоспитания и самосовершенствования.

Отдельно следует сказать об утопии Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида». Этот проект стоит особняком от всех прочих рассмотренных классических английских утопий. В своем произведении Бэкон описывает общество, в котором не отменена частная собственность, присутствуют денежные и торговые отношения, не искоренена мораль купли-продажи. Это приводит к классовому дроблению общества, что называется одной из главных бед человеческих на пути к установлению идеального сообщества среди английских утопистов. В тексте ни разу не употребляется термин «свобода» в отношении непосредственно утопии, нет отличительной английской религиозной толерантности. Однако, эта утопия относится к классическим и ее особенности также стоит учитывать при рассмотрении представлений о свободе в английской классической утопии, потому как основным идеалом ее является обретение власти над всем сущим, с целью, чтобы для человека все стало возможным, а он стал абсолютно свободен в своих поступках и действиях.

Исходя из особенностей концепций свободы, описанных в английских классических утопиях, можно сделать следующие заключения о них: грамотнее эти представления называть предпосылками к формированию концепции «позитивной свободы», как о ней рассуждает Исайя Берлин. Именно такая свобода, для сохранения установившегося идеального состояния общества и описана в утопии. Она сводится к минимальному принуждению: трудовой повинности и выполнению минимального числа совершенных законов, ко всему прочему по причине высокой степени развития людей эти принуждения признаются совершенно необходимыми и к тому же не осознаются как повинность, а скорее, как приятная необходимость. Выражаясь словами Р.Сафрански, истина (или идеальное состояние счастливого общества) делает их свободными, поскольку дарует законы сообразные человеческому разуму и исключает факторы, негативно влиявшие на человеческую жизнь: частная собственность, деньги, лень, которые проводили меж людьми границы и превращали их в рабов. Однако объявленное равенство в правах и обязанностях в утопии не означает признания равенства личных человеческих возможностей, наоборот: в утопии признается различие всех людей, и это позволяет быть обществу гармонично сложенным и развитым, именно разнообразие людей и рас питает это идеальное

общество и не позволяет развиваться ему лишь в одну сторону.

Учитывая типологию, предложенную Фернандо Аинсой, следует отметить, что на основе пяти классических утопических текстов рассмотренных утопий можно сделать несколько выводов. Первый связан с тем, что на основе представлений, описанных утопистами, три произведения относятся к утопиям свободы — это утопические проекты Томаса Мора, Джерарда Уинстэнли и Уильяма Морриса. К утопиям порядка можно отнести проекты Фр.Бэкона и Дж.Гаррингтона. Эти два классических английских проекта тяготеют к максимальной регламентации всех сфер жизни своих граждан, сведению области принятия самостоятельного решения людей к минимуму. Это демонстрирует тенденцию внутреннего напряжения проекта: к примеру, бэконовская вера в безграничные возможности человека наиболее красноречиво описана, однако эта вера совсем не касается области самостоятельного принятия решений. Напротив, английские утопии свободы предполагают расширение рамок принятия личных решений, при одном важном замечании: только в том случае, когда законы утопийской республики по-настоящему справедливы и идеальны. Интересно отметить, что автор типологии, несмотря на наличие класса рабов, относит к утопиям свободы проекты Мора и Уинстэнли. Объясняется это тем, что идеал свободы играет важную роль в жизни этих сообществ, оттого главным наказанием за любые преступления и действия, способные пошатнуть идеальный порядок является обращение в рабство.

Другой вывод связан с тем, что английская классическая утопическая мысль в своем отношении к свободе не придерживается общеевропейской тенденции, которая заключалась во все большей регламентации и догматизации утопической жизни, что в итоге привело к ее краху в глазах сторонников и оппозиционеров. Даже в XIX веке, вслед за которым последует расцвет негативной утопии или антиутопии, в Англии появился утопический проект Морриса, который многие исследователи признают «верхом свободолюбивой утопической мысли»[130].

Рассмотренные в контексте концепции позитивной свободы утопии могут быть проанализированы на предмет «количества» свободы и вопроса власти. Поскольку в

[130] Аинса Ф. Реконструкция утопии. М., 1999. С. 29.

утопии описывается общество, в котором индивиды полностью признают справедливость своих законов, они не нуждаются во внешнем принуждении или управлении, потому как сами согласны их исполнять, т. е. сами выступают для себя властью. Тот, кто выбран правителем страны отвечает не за порядок в ней, а за ее процветание и внешнеполитические решения, поскольку нет необходимости в надзирании за исполнением закона и принуждением к исполнению установленного порядка. Именно классическая утопия представляет собой тот идеальный случай, в котором понимание свободы полностью совпадает с законом, а автономия является властью утопической страны.

Если обратиться к проблеме понимания свободы в контексте английской классической утопии, то можно утверждать, что для представленных утопистов был характерен аксиологический подход к свободе. Принимая во внимание типологию ценностей, разделяющую все ценности на три типа, а именно: финальные, инструментальные и производные, можно сделать соответствующие выводы. Проведенный анализ показывает, что идеальное общество у английских утопистов понимается как общество, где все счастливы[131]. Счастье – является высшей и финальной ценностью всех рассмотренных обществ, а вот одним и главным инструментом (причем применяемым к различным областям общественной жизни) для достижения этого счастья в английской утопии является свобода. Свобода, таким образом понимается нами как инструментальная ценность, служащая достижению и сохранению финальной ценности – счастья. Это положение имеет большое значение в контексте всего исследования.

Новое звучание проблеме свободы в контексте рассмотрения утопии может придать Юрген Хабермас и его текст «Будущее человеческой природы». Рассуждая о человеческих возможностях и свободе человека в мировом масштабе, Хабермас отмечает, что человеку не удалось пока подчинить себе один процесс – рождение ребенка. «До сих пор», - пишет он, мы «могли исходить из того, что генофонд новорожденного и, следовательно, исходные органические условия его будущей

[131] Андреев Г.С. Историко-культурный контекст формирования представлений о свободе в английской классической утопии. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2019. N 2. С.13.

истории жизни исключаются из сферы осуществляемых другими лицами программирования и целенаправленной манипуляции»[132]. Во многих странах запрещены эксперименты над эмбрионами, из «уважения к человеческому существу с момента начала жизни»[133]. Однако, очевидно, если общество постоянно возвращается к этой дискуссии, то сегодня мы находимся на пороге увеличения своей свободы. Расшифровка генома позволит внедряться в него и влиять на признаки человека, следующим шагом которого, вполне может стать программирование «нужных» или «правильных» людей и использование человека как средства.

Обратимся подробнее к некоторым проблемам, которые освещает Хабермас. Свобода медицины и расшифровка генома позволит человеку обрести свободу от болезней. Целеполагание – безусловно, одно из отличительных свойств человека, однако, если обратиться к истории науки то можно заметить, что многие из современных человеческих достижений случайны, например, пенициллин или небьющееся стекло, при этом, когда уровень науки таков, что определенная технология становится возможной – она непременно будет изобретена – пример все с тем же радио. Множество раз человек на пороге открытий рассуждал о том, что это позволит дать миру энергию, обеспечит всем необходимым, а в итоге создавал в том числе оружие и использовал его, как в случае с атомной бомбой, которая для многих авторов является символом, апогеем кризиса человечества XX века. Кто-то может возразить, что оружие лишь побочная сторона вопроса, однако, из обещанного есть только оружие, а всего необходимого ядерная энергия так и не дала. И все же проблема в человеке, в его деятельности, которая зачастую оборачивается не тем, что было запланировано. И хотя: «Осуществляя свой замысел, «программист» вмешивается в интеракцию, скорее, как союзник; внутри игрового пространства деятельности программируемого человека он не выступает в качестве противника»[134], последствия – это главное, о чем надо задуматься.

Среди наиболее значимых выделим три аспекта. Первый связан с тем, что Хабермас называет позицией «терапевта» и «дизайнера», находясь по отношению к

---

[132] Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 23.
[133] Бенуа А. де. Против либерализма. СПб., 2009. С. 357.
[134] Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 74.

эмбриону в первой позиции, «терапевт» относится к эмбриону так, будто он уже является лицом, которым ему предстоит стать. Позиция «Дизайнера» отличается тем, что он сочетает в себе модусы инженера и селекционера, он одновременно конструирует и наделяет лицо определенными свойствами. Вторая позиция для Хабермаса связана «с улучшением и овеществлением доличностной человеческой жизни»[135]. Это приведет не только к овеществлению человека в терминологическом плане, как ныне, но и в физическом. Человек фактически станет чем-то иным, причем и человек-результат, поскольку отныне будет результатом целенаправленной деятельности и человек в принципе, потому что получит возможность в качестве результата получать человека напрямую, что ранее было недоступно.

В этой связи возникает второй аспект. «Изменение произойдет в умах. Перемена в сознании осуществится в результате смены перспективы, перехода от перформативной установки, воспринимающей себя в первом лице личности по отношению к проживаемой жизни к перспективе стороннего наблюдателя, в рамках которой собственное тело человека с самого рождения воспринимается им как объект вмешательства со стороны»[136]. В этой связи Хабермас видит две перспективы – это обернется самоотчуждением или это обернется решением вопроса о том, кто есть человек для себя самого навсегда. В первом случае человек будет переживать свое положение как глубинный кризис предустановок своей жизни, во втором – просто примет свою новую природу и будет жить с ней, зная ее условную «тайну».

Третий аспект связан с вопросом ответственности. Человек привык считать себя источником своих собственных поступков и устремлений, что позволяет воспринимать так всем всех в сообществе. В случае внедрения в геном человека, какова будет степень ответственности создателей такого человека, и каковы будут границы ответственности самого человека? Проблема ответственности выдвигает на первый план и еще одну проблему, свободы. Свобода создателей первого поколения таких людей здесь и сейчас, безусловно увеличится, но что ждет человечество в будущем? Будет ли внедрение зависеть от кого-то или чего-то, останутся ли люди без внедрения?

---

[135] Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 112.
[136] Там же. С. 66.

Нет ли опасности дать инструмент по уменьшению личной свободы государству, но на этот раз не оставив для свободы личности места совсем? И не потеряет ли себя вовсе человек, расшифровав свой собственный геном?

Очевидно, что эти проблемы, которые освещает Хабермас крайне актуальны для авторов антиутопий, но были они актуальны и для авторов утопий, просто перспектива реализации их утопий не угрожала их собственной свободе. А также потому, что «…в прошлом утопическая литература…играла практически решающую роль, упорядочивая мечты людей об альтернативных будущих»[137]. Сегодня заботу об альтернативном будущем взяла на себя антиутопия.

[137] Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2004. 507-508 с.

ГЛАВА 3. Антиутопия и свобода

3.1. Формирование антиутопии

С течением времени интерес к собственно утопическим проектам стал заметно снижаться. Чаще всего исследователи утопии считают XX век временем выдвижения антиутопии. Связано это, прежде всего с большей популярностью антиутопии перед лицом утопии. Подтверждается это и количественно, в 1981 году Лиман Тауэр Сарджент, один из крупнейших специалистов в области утопии, отмечал, что за четверть века в англоязычной литературе появилось 39 утопий и 199 антиутопий. Очевидно, что теперь ситуация изменилась еще сильнее: в 1989 году Баталов назвал сложившую ситуацию – «…антиутопический бум в литературе»[138].

Безусловно, выдвижение антиутопии не означает заката утопии: появлялись утопические произведения довольно крупных авторов. Но многое в этих произведениях говорит об упадке жанра. Например, в книге «Modern utopian fiction: from H.G.Wells to Iris Murdock» Питера Фирчоу, опубликованной в 2008 году, автор связывает конец утопии с произведением Уэллса «Машина времени». Тенденцию к закату утопии он видел в преобразующейся ее форме, которая стала, с одной стороны, больше походить на фантастику, чтобы отвечать запросам требовательной и современной публики, и отходить от пространных грез в область конкретных форм воплощения этих грез. С другой стороны, по мнению Фирчоу, Уэллс применял особую технику конструирования фантастики. Эта техника позволила Джозефу Конроду назвать Уэллса реалистом фантастического. Смысл техники Уэллса заключался в том, чтобы не делать «возможным все», а изменить лишь один из аспектов реальности: в данном случае путешествие во времени для того, чтобы изменить всю остальную структуру реальности соответственно этому изменению. Это придавало максимальную реалистичность фантастической версии будущего.

Главной причиной стремления к правдоподобности Фирчоу считает закат утопии. Утопия уходит от своей утопичности и стремится стать ближе реальности и

[138] Баталов Э.Я. В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989. С. 266.

выглядеть более правдоподобно, чтобы иметь больше шансов быть оценённой читателем как правдоподобная возможность, и таким образом навсегда отдаляется от утопического идеала, который ранее не мог быть изменен в угоду реализуемости.

При этом Фирчоу отмечает и другую особенность: авторами утопий прошлого были по большей части философы, а в конце XIX начале XX веков утопия перешла в область художественной литературы. Фирчоу подтверждает это примером книги У.Голдинга «Повелитель мух», которую он относит к утопическим произведениям.

Фирчоу связывает этот переход с тем, что функция утопии изменилась. Такие авторы как Мор, Бэкон, Гаррингтон видели свою задачу в том, чтобы использовать утопию «как инструмент для описания того, как идеальное государство может выглядеть»[139]. С середины восемнадцатого века, к этому времени относится утопия У.Морриса, авторы видели свою задачу в критике современных им институтов управления, а не в том, чтобы изобразить идеал, что больше напоминает Фирчоу сатиру. Фирчоу констатирует, что задача из положительной превратилась в отрицательную. Литература же с ее специфическими средствами более удобна в этом отношении, нежели утопический трактат, поэтому философский утопический дискурс постепенно заменяется литературным. При этом Фирчоу отмечает, что у литературной утопии XX века имеется много общего с антиутопией.

Лиман Сарджент в своей книге «Utopianism: a very short introduction» пишет, что еще одна из предпосылок возвышения антиутопии заключается в том, что к середине XX века утопии достигли своего предела. Утопии были написаны со всех возможных позиций: есть и «социалистические, капиталистические, монархические, демократические, анархистские, экологические, феминистические, патриархальные, эгалитарные, иерархические, расистские, леворадикальные, праворадикальные, реформистские, утопии свободной любви, нуклеарной семьи, большой семьи, утопии сексуальных меньшинств и другие»[140], то что Тоффлер назвал адхократической утопией, т.е. утопией на каждый необходимый случай.

Для Сарджента очевидно, что утопии стали предлагать единый способ

[139] Firchow P. E. Modern utopian fictions: from H.G. Wells to Iris Murdock. Washington, D.C., 2007. Pp.190.
[140] Sargent L.T. Utopianism: a very short introduction. Oxford., 2010. Pp. 21.

построения идеала: реформирование путем внесения изменений в законы, направленные на трансформацию политической, экономической, религиозной системы, общественной школы, и более разумного применения технологий и использования науки с точки зрения социалистической, капиталистической или другой позиции из вышеназванного списка. Список позиций обширен, но все же не бесконечен, результатом чего, по его мнению, стали «ностальгические» утопии по примеру «Вестей ниоткуда» У. Морриса, возвращающие в прошлое состояние людей сегодняшнего дня, упрощая их усложнившиеся отношения. Идея прогресса вместе с попытками придумать и изобрести что-то новое обернулась утопическими предложениями направиться не вперед, в светлое будущее, а назад, в светлое прошлое. Это доказывает, что в XX веке утопия не только сама достигла своего предела, как жанр, но и что идеалы, которые были в основе утопии, «пошатнулись».

Фирчоу в заключении своей книги отмечает несколько событий, повлиявших не только на утопию, но и все человечество в целом. Он приводит целую цепь событий, каждое следующее из которых все больше подрывало систему ценностей европейского человека в XX веке. «Первая Мировая Война, последовавший за ней Холокост Второй Мировой Войны, Советский Гулаг сделали так, что стало все труднее поверить в то, что человечество само по себе и его институты (или и то и другое) могут стать идеальными»[141]. Наряду с этими причинами, Э.Я.Баталов называет: «…научно-технической прогресс…фактором, способствовавшим кристаллизации антиутопии»[142]. Ситуация сложилась так, что стремление к прогрессу привело человечество к гибели модерна в печах Освенцима, как об этом писал Ж.Ф.Лиотар, подхватив этот символ вслед за Т.Адорно. Эти рассуждения подытожила мысль Бердяева о принципиальной осуществимости утопии, мысль, которую уже высказывал Манхейм, но имеющую совсем иной пафос у Н.А.Бердяева: о том, как не допустить окончательной реализации утопии. О том, что новое столетие интеллигенцию будет сопровождать мысль о том, как вернуться к менее совершенному и более свободному обществу и избежать реализации утопии, которая как никогда стала возможной. Мысль эта недаром стала

[141] Firchow P. E. Modern utopian fictions: from H.G. Wells to Iris Murdock. Washington, D.C., 2007. Pp.191.
[142] Баталов Э.Я. В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989. С. 266.

эпиграфом к «Новому дивному миру» О.Хаксли, который вместе с Дж.Оруэллом закрепил новую английскую и мировую традицию, ставшую теперь антиутопической и закрепившую, отношение к утопическим проектам.

Сущностная черта антиутопии, по мнению Баталова, «…кризис социально-исторической надежды»[143]. При этом для него антиутопия «не просто спор с утопией, а ее принципиальное отрицание»[144], у которой «нормативная функция проявляется в отрицательной форме»[145]. Таким образом, по его мнению, антиутопия – концепция полностью противоположная утопии и в том, что касается судьбы будущего человечества, полагающая принципиально вредным стремление к утопии и ее реализации. Трудно говорить о том, насколько точно такое определение антиутопии.

Хотелось бы заметить, что тон полного отрицания самой утопической идеи не всегда можно четко проследить в тексте или даже прочесть между строк. Некоторые авторы имеют произведения и утопического, и антиутопического характера, и их позиция остается и вовсе сокрытой. Пример этому Хаксли и его утопический «Остров» и антиутопический «Новый дивный мир». Ко всему прочему Сарджент, прослеживая зарождение антиутопической традиции одновременно с утопической, называет первым антиутопическим автором Аристофана, прозванного впоследствии «отцом комедии», и настаивает на том, что он затрагивал сходные с греческими утопистами темы, хотя терминов этих еще не было.

В современной литературе находятся исследования, посвященные разграничению терминов «дистопия» и «какотопия». «Дистопия» – («плохое место», от греч. «дис» – «плохой», греч. «топос» – «место») термин, который ведет свою историю от Дж.Ст.Милля, впервые использовавшего слово «дистопичный», более характерный для западной традиции. «Какотопия» – («плохое место», от греч. «какос» – «плохой», «топос» - «место») термин И.Бентама для описания худшего места. Однако, для данной работы принципиального значения эти различия не имеют.

Все, что имеет негативный характер в отношении утопии, мы будем называть

---

[143] Баталов Э.Я. В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989. С. 269.
[144] Там же. С.264.
[145] Там же. С.272.

антиутопией из удобства, потому как целью работы остается анализ ценностей утопических произведений, имеющих негативные утопические мотивы, «утопий-предупреждений». Значение имеет, пожалуй, лишь то, что термин «утопия» появился гораздо раньше, а термин «антиутопия» на 2,5 века позже, тогда, когда, антиутопические произведения начали играть заметное значение для исследователей и их исследований. Р. Бакколини и Т.Мойлон определяют антиутопию как «темную сторону Утопии».

Для того, чтобы разобраться с ценностями современных антиутопий, необходимо разобраться в соотношении понятий утопия – антиутопия и причинах, по которым изменился человек и его предпочтения. Причины, названные выше, безусловно являются основными и наиболее значимыми и вместе с тем, довольно общими, характерными для многих сфер жизни европейского человека, не только его утопических изысканий. Мы предлагаем углубится в философскую рефлексию того времени и надеемся выяснить дополнительные причины смены вектора с утопического на антиутопический.

Бодрийяр в своей книге «Символический обмен и смерть» пишет: «…Такова роковая судьба любой системы, которая собственной своей логикой обречена на полное совершенство, а значит и на полный распад…поэтому, здесь возможна лишь катастрофическая стратегия…доводить все до предела, и тогда-то оно само собой обращается в свою противоположность и рушится»[146]. Так произошло и с утопией, как это показал Сарджент, перебрав все возможные варианты, достигнув своего предела утопия обращается антиутопией, т.е. восстает против себя. Так произойдет и со свободой, как считает Тоффлер, свобода, дойдя до своих пределов станет отрицать саму себя. Все это Бодрияйр сводит к новой системе - «чисто структурной игре ценности»[147], новой стадии ценности – относительности, подстановке и симуляции. Как, например, симуляции утопии в антиутопии, где автор для достижения цели – критики реальности, создает мир, который, симулируя утопию, воспринимается как утопия и как будущее общество, не являясь ни тем, ни другим, а лишь знаками этих

[146] Бодрийяр. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 47.
[147] Там же. С. 52.

двух явлений.

Также интересна в контексте утопии идея того, что в результате разрушения целей или в нашем случае идеалов, в том числе и утопических, средства начинают использоваться неверно оттого, что новые цели не выработаны, и движение осуществляется будто бы само собой. Иными словами, цели утопического дискурса – идея прогресса, эволюции и совершенствования – были уничтожены, а утопические средства остались и теперь служат антиутопическому дискурсу, главной целью которого остается не допустить полного разрушения системы и гибели человечества. О счастливом существовании речь не идет: «…Производство умерло. Да здравствует воспроизводство!»[148]. Воспроизводство в данном случае воспринимается как выход из положения для современной системы общественных отношений, при которой продление жизни предпочтительнее гибели.

В контексте утопии эта идея имеет пересечение с мыслью другого философа Георга Зиммеля. Он, в отличие от Бодрийяра, анализируя кризис культуры, говорит о подмене целей средствами. Средства, разрабатываемые для осуществления цели так увлекают человека, что он только отдаляется от цели, как случилось с утопией. Авторы утопических проектов с течением времени так отдалились от обсуждения идеи счастья или ценностей будущего общества, что стали останавливаться лишь на мерах, т.е. средствах, которые позволят его достичь.

Послужили закату утопии и многочисленные попытки реализовать утопические проекты в реальной жизни. Целью их по-прежнему называется счастье людей, но на практике это оборачивалось лишь средствами по увеличению контроля, лишению свобод и нарушению прав человека. Все это не приближало человека к утопическому будущему. Неудивительно, что утопические идеи по ограничению некоторых аспектов жизни человека не соответствовали изменениям, происходившим с самим человеком. Как отмечает Зиммель, ценности человека вытекают теперь «из притязаний индивида на то, чтобы оберегать самостоятельность и своеобразие собственного бытия от превосходящих сил общества, исторического наследия, внешней культуры и техники

[148] Бодрийяр. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 84.

жизни»[149].

Кроме того, важное значение в становлении антиутопии сыграла отмеченная Г.Зиммелем особенность современной культуры, в которой объективная культура (материальные предметы, главным образом) превосходит субъективную. В отношении утопии и ее заката эта мысль также вполне применима: человек замечает, что количество вещей вокруг него возрастает (Тоффлер, к примеру, приводит такие расчеты: «…Когда человек достигнет преклонного возраста 70 лет, общество будет производить в 32 раза больше, чем тогда, когда он родился»[150], если сохранятся современные темпы развития), а свойства его духа таким образом не прогрессируют: он также далек от утопии как и 70 лет назад.

Среди следствий кризиса культуры Зиммель выделял кроме вышеописанных также то, что количество элементов культуры с течением прогресса настолько возросло, что подавляет природу человека. И так же то, что день за днем вещи вокруг становятся все «умнее и сложнее», а обычный человек, можно сказать, достиг определенных пределов и «стоит на месте». Вещи и объекты подавляют человека, таким образом, не только своим количеством, но и своим содержанием, которое благодаря технологиям становится все сложнее для понимания каждый день. Оба эти следствия коренным образом повлияли на отношение современного человека к утопии.

В своей книге «Случайность, ирония и солидарность» Ричарч Рорти, рассуждая о трансформации общества, обращает внимание на совершенно иную сферу, сформировавшую современного человека, называя ее более практической. Рассуждая об историческом процессе и развитии человека и общества, Рорти отмечает, что для него существует два типа рассуждения о человеке: человек, как личность, главные усилия которого направлены вовнутрь, и человек, как гражданин, который большое внимание уделяет внешнему окружению, т.е. обществу и миру. В соответствии с этим, Рорти разделяет и людей, и авторов, одних – пишущих об автономии, других – пишущих о справедливости. Таким образом, Рорти затрагивает один из важнейших аспектов критики утопии и перехода утопических проектов в антиутопические –

[149] Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М., 2018. С. 75.
[150] Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2004. С. 37.

столкновение приватного и общего. Именно диспропорция в отношении того, что в утопии большее место отводилось построению внешней, общей и более крупной структуры – идеального общества, и меньшее – отдельной единице, личности – привело к глобальным смещениям в утопической традиции. Рорти пишет, что: «...роман, фильм и телепередача постепенно и основательно заменили проповедь и трактат в качестве основных средств нравственного изменения и прогресса»[151]. Несмотря на то, что Рорти напрямую не говорит об антиутопии, его мысль подтверждает действительную тенденцию: из утопического трактата или эссе утопические проекты переходят в романы-антиутопии.

Свою задачу и задачу для новой, постметафизической культуры, Рорти видит в том, чтобы «видеть в чуждых нам людях товарищей по несчастью»[152], и таким образом приблизить солидарность, которая возможна, и которую он сам называет «либеральной утопией». Заочно выступая оппонентом пессимизму Бодрийяра и других авторов, рассуждающих о печальной роли человека XX века, и о том, что не возможно выйти за рамки роли простого исполнителя, уже предопределенной для каждого, Рорти отмечает, что одним из ключевых стал момент преодоления этого теологического и метафизического противоречия постановкой совершенно нового вопроса. Вопроса, который «помог нам заменить Истину на Свободу как задачу мышления и социального прогресса»[153]. Таким образом, Рорти отмечает, что именно вопрос свободы наиболее важен для современного человека.

В отличие от Бодрийяра, который считал, что наступило царство полной свободы «всеобщей ни-к-чему-не-привязанности, никому-не-обязанности, ни-во-что-не-верия»[154], и связывал его с новым типом производства ценностей, запустившим всеобщую реакцию абсолютной недетерминированности, Рорти говорит о свободе в общественном смысле как задаче будущего, еще не сбывшемся мечтании.

Все это приводит нас к мысли о том, что поворот от утопии к антиутопии во многом связан с общемировой тенденцией формирования современного человека, при

---

[151] Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 21.
[152] Там же. С. 20.
[153] Там же. С. 18.
[154] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.,2000. С. 52.

этом дающий четкое указание, что центральное место в этом формировании занимает вопрос свободы.

Совершенно отличную концепцию «кризиса европейского человека» предложил Йохан Хёйзинга. Его книга «Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры» вносит в рассмотрение утопии как феномена культуры совершенно новое понимание. Игра и утопия имеет гораздо более тесные связи, чем может показаться на первый взгляд. Небезосновательное мнение, что в основе «утопии» как термина лежит игра слов, о чем говорилось вначале, дает нам возможность рассуждать об утопии как об игре в определенном контексте, как и о поэзии, которую сам Хёйзинга относил к игре.

Состязательный характер, границы, правила, верность, осознанность и желание обманываться характерны и для игры, и для утопии. Утопию можно рассматривать как игру в игре, поскольку не только само произведение является умозрительным экспериментом и может быть трактовано как игра, но еще и общество, предлагаемое утопистом в качестве идеального, построено на принципах свободной игры, где автор осознает, что они суть - игра и, как Мор, например, выдвигают эту игру лишь как вариант к рассмотрению, осознавая всю серьезность будущего проекта реформирования.

Наибольший интерес для данной работы представляет собой вопрос о кризисе, как его представляет себе Хёйзинга. Рассуждая о современной ему культуре, он отмечает, что одной из ее особенностей является то, что: «Современную культуру едва ли уже играют, а там, где кажется, что ее все еще играют, эта игра притворна»[155]. В то время как, в результате своего исследования Хёйзинга пришел к выводу, что «…культура, в ее первоначальных фазах, играется. Она не произрастает из игры…она развертывается в игре и как игра»[156].

Именно такова утопия в антиутопии: она притворна, потому что лишь имитирует игру утопии. Серьезность выходит на первый план в антиутопии, автор которой всерьез обеспокоен современным ему состоянием общества. Это, пожалуй,

[155] Хёйзинга Й. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. М., 2015. С. 286.
[156] Там же. С. 242.

единственное, что объединяет утопию с антиутопией – то, что Хёйзинга назвал соревнованием в хуле.

Хулительный характер сатирических заметок утопистов о современности, не утратил своего продолжения в антиутопии. Напротив, хулительный характер в отношении изображений реальности занял одно из центральных мест антиутопии. Интересно, что и утописты и антиутописты избрали одним из источников своего вдохновения британского автора Джонатана Свифта и следуют его принципам гиперболизации противоречий и доведения их до абсурда.

Для понимания дополним сравнительный анализ еще одной деталью, для этого воспользуемся еще одним термином Хёйзинги – шпильбрехером. Шпильбрехер – нарушитель правил игры, это фигура, выдвинувшаяся в антиутопической традиции именно в XX веке, поскольку невозможно представить шпильбрехера в утопии. В антиутопии сразу два шпильбрехера. Первый – автор антиутопии, выступающий против утопической игры и представляющий нам притворную утопию в своем романе. Вторым является лирический герой романа или их группа, выступающая против провозглашенной утопии. Как лирический герой пытается положить конец утопии в границах романа, или как минимум поставить ее идеалы под сомнение, так автор-антиутопист пытается покончить с утопией в реальной жизни, при помощи всего своего романа. Применяя для рассмотрения игровую концепцию культуры, мы получили интереснейший вывод: современный антиутопист пытается навсегда положить конец играм прошлого. Но не покончит ли он таким образом с культурой, в основе которой лежит игра, и какой он видит культуру, если она будет построена не на игре, с этим предстоит еще разобраться. В этом нам поможет более пристальный анализ самих текстов антиутопических романов с применением терминологии Хёйзинги.

Все эти концепции позволяют нам лучше понять, каковы причины поворота от утопии к антиутопии, расширяют наше понимание этого поворота, но рассматривают человека этого периода с позиций глобальных изменений всей культуры. Но каков сам этот человек и каковы его ценности?

3.2. Ценностное ядро антиутопии

Вопрос о ценности в антиутопии можно поставить как минимум двумя способами. Дедуктивный способ заключается в постановке вопроса о ценности антиутопии и о ценностях описанной в ней антиутопической картины. Ценность самой антиутопии зависит от отдельного текста. К примеру, текст направлен на критику общества потребления и рассматривает все его негативные последствия как следствие слепого следования увеличению потребления и, если прогноз сбудется, то ценность предвидения этой работы будет высока, хоть и несколько уже несвоевременна. Но такова участь антиутопистов – судить о будущем, находясь в настоящем.

Ценности антиутопического мира, изложенного в тексте, очень сложны в распознавании. Зачастую, автор сосредоточивается на том, чтобы максимально метафорично изобразить пороки реальности и показать всю внутреннюю пустоту номинально описываемой утопии, и задачи, чтобы наметить направление развития будущего общества, пришедшего на смену утопии-тирании, у него нет. «Хотя антиутопические тексты делают предположения о том, как хорошее общество может выглядеть, зачастую такие предположения очень коротки или неясны…»[157] В связи с этим возникает очень большое затруднение: в обычной системе, следуя правилам логики, можно было бы воспользоваться антиценностями антиутопий и достроить аксиосферу будущего после разрушения антиутопии вместо автора. Но теория ценностей не позволит этого, отсутствие жесткой диалектики можно иллюстрировать простым примером. Предположим, перед нами текст антиутопии. Среди прочих пунктов критики повсеместно окрашенные в зеленый цвет стены. Рутина жизни, какое-то событие из жизни лирического героя заставляет его осознать, что ненавистен ему зеленый цвет стен, и вообще, борьбу с этим цветом стен он видит теперь целью своей жизни. Многочисленные события, смерти, победа над зеленым цветом стен и вот он долгожданный закат, освещающий новые стены, нового цвета. Но какими они будут? Ведь, к примеру, красный цвет не противоположен зеленому. Каждый цвет

[157] Stillman, P.G. Twenty-first century critical dystopias // More after More. Essays commemorating the five-hundredth anniversary of Thomas More's Utopia. Edited by Ksenia Olkusz, Michal Klosinski, Krzysztof M.Maj. Krakow., 2016. Pp. 58.

может быть вместо зеленого, так вот как понять, какой бы выбрал автор? Или, быть может, он бастовал против определенного оттенка зеленого цвета? Или против того, чтобы все стены были одного зеленого цвета? Или, быть может, зеленый цвет – это символ, но тогда что он означает для автора? Так же и с ценностями в антиутопии, сказать о многих из них нет возможности. Точнее, возможность есть, но наше предположение почти наверняка будет неточным, мы лишь припишем свои мысли автору антиутопии, скажем за него то, чего он на самом деле не предполагал.

Второй способ задаться вопросом о ценности, индуктивный, заключается в том, чтобы спросить напрямую: ценно ли что-то определённое для этого общества? Проблема в том, что список может быть громадным, а простое заключение – да, это ценно, не отразит для нас ни интенсивность ценности, ни иерархию, ни какую-то более детальную картину, связанную с ценностями антиутопий.

Исходя из этой этого, наиболее адекватным вариантом будет анализ ценностного ядра антиутопии, которое на протяжении времени не так изменилось, поскольку является основой антиутопического мировоззрения. Причины, которые были описаны выше в качестве основы выдвижения антиутопии, имеют одно общее место. Один термин встречается наиболее часто, при этом можно с уверенностью сказать, что этот термин подходит для ответа на вопрос о ценности, заданный обоими способами. Термин этот - свобода.

Свобода лежит в основании большинства современных антиутопий, возможность иметь возможность что-то иное, нежели было с тобой вчера и произойдет завтра. Тот самый случай, как о нем говорит Рорти, который можно «считать достойным того, чтобы он определял нашу судьбу»[158], появляется как основная ценность в антиутопии. Более того, ценным в зависимости от антиутопии называлось в разное время почти все, что имело прилагательное – свободный. Все, что могло быть свободным оценивалось положительно. Однако, этот ответ – свобода, если приняться за более пристальный анализ, в сущности, не дает нам ничего принципиально нового или объективного в рассмотрении антиутопии, как и рассмотрение этих концепций, исходя из антиценностей.

[158] Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 45.

Как писал Каган М.С.: «…Ценностное единство человечества…является лишь возможностью, а не действительностью…»[159], так и единое понимание свободы даже в антиутопии является лишь возможностью, причем очень призрачной. Здесь мы встречаем очередной парадокс: свобода за время своего существования, как термин, обросла таким количеством трактовок и определений, что невозможно говорить наверняка о том, что два антиутописта, рассуждающие о том, что общество должно быть свободно от контроля, понимают это сравнительно одинаково. С другой стороны, контекст и содержание некоторых произведений приводит нас к тому, что, например, свобода от труда у одного автора, означает ровно то, что означает свободный труд у другого. Именно поэтому, чтобы с уверенностью сказать, что не только свобода является ценностью современной антиутопии и понимается примерно одинаково всеми авторами, но и сказать о том, как она понимается, и что считается свободным, необходимо изучить несколько дополнительных проблем.

Контекст антиутопий неразрывно связан с утопиями. Даже грубое определение антиутопии, как утопии с приставкой, выражающей ее отрицание, напрямую относит нас к корням антиутопии. Поэтому, и было необходимо рассмотреть ценность свободы в английских классических утопических проектах, контекст их формирования и уже после этого стало возможным приступить к анализу ценности свободы в антиутопии. Еще необходимо рассмотреть контекст современной антиутопии и свободы, их близость, даже синонимичность, и связанное с понятием свободы понятие ответственности.

Одной из главных причин зарождения антиутопии был упомянут крах коммунистической идеи, попыткой реализации которой выступал СССР. Здесь стоит заострить внимание на том, что на утопическую традицию повлияло сразу два фактора: потенциальная возможность реализации коммунистического проекта и его реальный вид, имевший значительные отличия от первоначальной идеи. Фактор потенциальной реализации интересен тем, что никогда подобный проект, который можно отнести к утопическим, не был столь масштабным, он всегда ограничивался размерами общины. К тому же никогда такие проекты не влияли на столь многих

[159] Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 121.

людей, причем не только внутри страны советов, но и за ее пределами: как союзник в борьбе за коммунистическую идею, для одних, и как угроза, для других. И Третий Рейх, и коммунистическая партия Советского Союза, по мнению окружающего мира, излишне претендовали на свободу других людей. То, как они взаимодействовали с окружающими, давало понять, что нейтральным остаться будет нельзя. Либо вы становитесь заодно и утрачиваете свою свободу, либо становитесь врагом и пытаетесь сохранить свою свободу в новом мире. Мир имел тенденцию к определению своих и чужих, делал необходимой процедуру выбора стороны и разделение общих идеалов.

Обратимся к французскому писателю Жоржу Бернаносу, который являлся современником тех событий. Его книга, состоящая из эссе, объединенных под общим названием «Свобода…для чего?», имеет целью рассуждения о судьбе свободы в современном Бернаносу мире. Как следует из названия книга имеет отсылку к фразе Ленина, которая по мнению Бернаноса «выражает своего рода циничное разочарование в свободе»[160]. Сходно его отношение и к другой тоталитарной державе, где немцы шли на смерть, чтобы «засвидетельствовать: свою свободу они передали в его (Гитлера) руки»[161]. В послесловии в своем эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» Вальтер Беньямин это свяжет с двумя разными подходами к политике, первый из которых – политизация искусства, второй – эстетизация политики, но в конечном счете и тот и другой подход, по его мнению, говорят о высшей степени отчужденности современного человека. Вопрос: «…Зачем нужна свобода?»[162], - по мнению Бернаноса ключевой в современном мире, именно это вопрос имеет значение для всего будущего человечества.

Бернанос считает, что «…современный мир – это по существу мир без свободы…это роскошь»[163]. Человек этого нового мира по сути своей сведен «к двум равно ничтожным состояниям: потребителя и налогоплательщика»[164]. И поразительно предвосхищает не только мысли Бодрийяра, но и говорит о том, что, подменив цели средствами, общество умерло, продолжая мысль Зиммеля. Бернанос замечает, что

[160] Бернанос Ж. Свобода…для чего? СПб., 2014. С. 101.
[161] Там же. С. 178.
[162] Там же. С. 110.
[163] Там же. С. 141.
[164] Там же. С. 129.

лозунги «Свобода или смерть» во время второй мировой войны обернулись рабством или смертью. По окончанию войны жизнь пленных в концлагерях и тех, кто был вне их не изменилась: дилемма между рабством и смертью так и осталась для них единственной в жизни. Приводя речь от лица любого европейского государства, Бернанос пишет: «Дайте мне еще немного времени, работайте усердно, и скоро я полностью возьму на себя свободу о вас, застрахую вас от всякого риска, буду вас женить, воспитывать ваших детей, чего же вам еще. Свобода – зачем она? Взяв на себя труд еще и думать за вас, я отлично сумею быть свободным вместо вас»[165]. Такую, своего рода антиутопическую судьбу предрекал Бернанос европейской цивилизации. И надо сказать, что если он и не оказался прав во всем, то опасения большинства современных антиутопистов остались абсолютно теми же. «Демократические страны выиграли войну и проиграли мир…»[166], мир в глобальном его смысле, мир духовный, мир ценностный. И проблема этого мира не только в том, что люди превратились в массы, а мир теперь подчинен их диктатуре, и не в том, что общество потребления существует лишь пока есть, что расходовать на производство того, что превосходит необходимое, и не в том, что вчерашние соседи и приятели – сегодня враги, а в том, что в глобальной войне победила идея равенства.

Победа равенства для Бернаноса означает победу над свободой, возникновение нового дивного мира, который не нов и не дивен, потому что обернулась эта победа, тем, что он назвал: «Тотальное равенство – во всеобщем рабстве»[167].Выбор – центральная основа человеческого духа, а поскольку «Нет ответственности без свободы, а любовь – это свободный выбор, иначе она ничего не стоит»[168], именно на свободном выборе строится человек.

Интересно, что при объяснении того, что же все-таки произошло с европейской цивилизацией, Бернанос в качестве отправной точки выбирает Манчестер - английский промышленный город. Техническое варварство – вот, что породила

[165] Бернанос Ж. Свобода…для чего? СПб., 2014. С. 109.
[166] Там же. С. 162.
[167] Там же. С. 104.
[168] Там же. С. 256.

«цивилизация хлопкопрядильных станков»[169], которое обернулось изобретением и использованием атомной бомбы.

Атомная бомба может рассматриваться в целом как один из символов отказа от утопии и переходу к антиутопии. Чтобы отвоевать свободу нужно, по мнению Бернаноса, быть достаточно сильными и не приять уровень рабства, распространенный среди всех. К этому и призывают антиутописты: быть сильными в борьбе за свою свободу, необходимо иметь смелость, чтобы нести самому за себя больше ответственности.

Однако, не все так положительно настроены по отношению к свободе, как Бернанос и видят в ней лишь благо. «…Свобода не может быть признана абсолютной позитивной ценностью – она бывает и источником зла, становясь губительной для человека силой. Ценность свободы потенциальна, и только конкретная реализация этой возможности позволяет вынести позитивное или негативное ценностное суждение»[170], - отмечает М.С.Каган. При этом, рассуждая о проблеме Восток – Запад, Каган утверждает, что свобода – настоящая ценностная доминанта западной культуры: «…Запад утверждает свободу личности как верховную ценность, которая подчинила себе все другие, породив идею политической свободы, принципы «свободы творчества» как главной художественной ценности и «индивидуального вкуса» как главной эстетической ценности»[171]. С чем спорит, например, Бернанос, говоря о том, что: «Все мы французы, превыше всего ставим равенство и даже предпочитаем его свободе»[172], сам таким образом споря с лозунгом французской революции, где на первом месте свобода.

Не мало и тех, кто назовет свободу лишь мифом, который лежит в основе европейской культуры, потому что «люди – животные, из которых одни выращивают себе подобных, а других - выращивают», как одни умеют писать и читать, а другие – нет. Мысль, которая, по мнению П.Слотердайка, в его произведении «Правила для человеческого зоопарка», характерна для всего фольклора европейцев, начиная с

---

[169] Бернанос Ж. Свобода…для чего? СПб., 2014. С. 71.
[170] Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 124.
[171] Там же. С. 144.
[172] Бернанос Ж. Свобода…для чего? СПб., 2014. С. 86.

утопических изысканий Платона, проходящая через идеи Ницше о том, что лишь немногие имеют волю, в то время, как удел большинства – быть объектом воли других, и равенство – единственное на что можно надеяться большинству.

Безусловно, есть и те, кто отрицает свободу вовсе или отказывает ей в присутствии в современном мире, как, например, Джоди Дин: «Свобода и справедливость – пустые означающие»[173]. Сартр замечает, что «человек обречен на свободу», рассматривая ее как некое наказание. Можно было бы предположить, что за 70 лет, что прошли со времен Бернаноса все пришли к разочарованию от свободы. Однако, это не так и есть те, кто считает, как Ален Де Бенуа, что «свобода является главной ценностью. Она есть сама сущность истины»[174]. А М.С.Каган, например, обреченность на свободу рассматривает как приговоренность «к ценностному способу управления своим поведением, своей деятельностью»[175].

Есть и другая группа исследователей, которая обращает внимание на совершенно иные аспекты свободы. Так, футуролог Элвин Тоффлер, отмечая все большее ускорение времени и все более временный и короткий характер взаимодействия с людьми и вещами говорит о том, что узы, образующие крепкие отношения между людьми с необходимостью ограничивали их свободу, как и другие особенности старого уклада жизни. Свобода передвижения, свобода выбора из-за его обилия в итоге обернутся в будущем тем, что «проблемой каждого человека будет не проблема выживания в условиях жесткого режима и стандартизации, а, как мы видели, проблема выживания в условиях полной свободы»[176]. А проблемой этого времени будет то, что человек будет «страдать от парализующего обилия выбора»[177], - так отвечает Тоффлер на пессимизм своих оппонентов.

Но вернемся к вопросу о характере свободы, в рамках которой создаются антиутопии. Безусловно, цензура относится к одному из инструментов ограничения личной свободы, однако, если до XXI века «цензура работала посредством блокировки

---

[173] Дин Дж. Толпа и публика. // Журнал Стасис. 2007. Том 5. № 1. С. 221.
[174] Бенуа А.де. Против либерализма. СПб., 2009. С. 340.
[175] Каган М.С. Философская теория ценности. СПб. 1997. С.172.
[176] Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2004. С. 209.
[177] Там же. С. 288.

потока информации»[178], то в «…XXI веке цензура работает посредством нагружения людей посторонней информацией…в древние времена иметь власть означало иметь доступ к данным, сегодня иметь власть равно знанию о том, что игнорировать»[179]. С.Жижек приводит здесь цитату Ю.Н.Харари в знак того, что разделяет его мнение.

Интернет и цифровые технологии позволяют запрещать что-то, делая его недоступным среди множества другой информации, новые каналы коммуникации, которые потенциально должны открывать дверь к нужному, просто открывают дверь к бесконечному и таким образом вновь ограничивают нужное совершенно новым образом. Но изменилась не только цензура, изменился и сам человек, для которого вместо утопий пишут теперь антиутопии.

Г.Маркузе рассуждая в статье «Конец утопии» о том, что можно понимать под концом утопии говорит и о том, что за ним должно последовать: «На кону стоит идея новой теории человека – не только как теории, но и как способа существования: идея возникновения и развития жизненной потребности в свободе и жизненных потребностей свободы – свободы, которая больше не основывается на нехватке и необходимости отчужденного труда и не ограничивается ими»[180]. Кроме того, Маркузе признает, что одно из главных отличий, вернее наиболее важное, между социалистическим свободным обществом и существующим обществом, которое он понимает, как несвободное, это свобода. Свободное общество – общество, где работа становится игрой, и существует в гармонии с освобождёнными подлинными потребностями людей.

Коротко и великолепно раскрыл особенности идеи современного равенства людей и ее реализации наравне с идеей свободы Эрих Фромм. В своей работе «Искусство любить» Фромм настаивает на том, что идея равенства передовых индустриальных стран получила свое начало в религии: «Равенство в религиозном смысле означало, что все мы - дети Бога, все разделяем божеско-человеческую сущность, что все мы одно»[181]. Однако, идея такого единства не выступала против

---

[178] Жижек С. Конец капитализма, конец истории? // Журнал Стасис. 2007. Том 5. №1. С. 31.
[179] Там же.
[180] Маркузе Г. Конец утопии. // Логос. 2004. № 6(45). С. 20.
[181] Фромм Э. Искусство любить. М., 2018. С. 31.

идеи индивидуальности, а, напротив, получила свое развитие в ней. Идея равенства как основы развития индивидуальности, по мнению Фромма имела огромное значение для философии Просвещения и наиболее точно позже была сформулирована Кантом, в таком виде ее приводит Фромм: «…Ни один человек не должен служить средством достижения цели для другого человека; все люди равны в том, что они – цель, и только цель, и никакие не средства друг для друга»[182]. Следуя этой идее, социалисты, в том числе речь идет и об утопистах, мыслили себе равенство как свободу от эксплуатации, от использования человека человеком как средства. Однако, «в современном капиталистическом обществе значение равенства трансформировалось. Под равенством стало пониматься равенство автоматов – людей, утративших свою индивидуальность. Равенство сегодня означает «одинаковость», а не «уникальность»»[183]. Таким образом тенденция достижения равенства на деле обернулась идеей одинаковости – похожести. Вместо единства равных индивидуальностей мир стал сообществом разрозненных схожих людей, лишенных индивидуальности. Вместо того, чтобы обратиться к внешним изменениям вокруг человека и достижения равенства в правах и возможностях социальный прогресс пошел по пути внутренней трансформации человека и его стандартизации, вместе с его желаниями, ценностями, развлечениями. «Точно так же, как современное массовое производство требует стандартизации продукции, социальные процессы требует стандартизации людей, и эта стандартизация называется у нас «равенством»»[184].

Поскольку тенденция к единству в общественной системе утрачена, то логично, что система сохраняет свою целостность за счет чего-то еще. Человек, не чувствующий единства с собой, другими людьми, природой, одарен шаблонами – работы и развлечения. Примечательно то, что тяжелый труд, от которого некоторые утописты мечтали освободить человека, обернулся работой, которая имеет мало общего с тем трудом, и в конечном счете свободу от труда человек все-таки отвоевал для себя. Но каковы последствия? Фромм говорит о важнейшей роли шаблона. Шаблон работы, в котором задачи и даже чувства уже заданы человеку от девяти до

[182] Фромм Э. Искусство любить. М., 2018. С. 32.
[183] Там же.
[184] Там же. С. 34.

пяти, как и шаблон развлечений предписанных определенному кругу работников, относящихся к одной сфере, позволяет человеку игнорировать «свои самые основные человеческие желания – жажду преодоления барьеров и соединение с себе подобными»[185]. В итоге именно шаблонизированность жизни и всесторонняя ее предписанность и позволяет «забыть, что он человек, уникальная личность и хозяин своей единственной жизни, с ее надеждами и разочарованиями, печалями и страхами, с жаждой любви и боязнью пустоты и изоляции»[186]. Ведь именно «Свобода, будучи выражением бытия для себя, проявлением единственности индивидуума, квалифицирует природу человека независимо от всех его социальных связей»[187]. Но к чему так стремится человек, который готов даже принять шаблон, но отказаться от своей свободы? Человек стремится к безопасности, к слаженному взаимодействию с миром. «Современный человек близок как никогда к тому, что Хаксли изобразил в своем «Дивном новом мире». «Это сытый, хорошо одетый и сексуально удовлетворенный индивид, лишенный ощущения своего Я и всяких, кроме самых поверхностных связей с другими людьми, руководствующийся принципами, которые Хаксли сформулировал так: «Когда страстями увлекаются, устои общества шатаются»; «Не откладывай на завтра то, чем можешь насладиться сегодня»; и коронный лозунг: «Теперь каждый счастлив».

Счастье человека сегодня заключается в том, чтобы «получать удовольствие». «Удовольствие заключается в потреблении товаров, зрелищ, пищи, напитков, сигарет, людей, лекций, книг, фильмов – все это потребляется, поглощается, заглатывается. Весь мир – один огромный объект аппетита…»[188], - заключает Фромм. При этом, как отмечает Л.П.Морина, результатом этого является то, что «…идентичность задается уровнем и качеством потребления, а вовсе не личностными характеристиками или духовным развитием»[189].

В современном мире, отмечает Фромм, человек: «…превращен в товар, воспринимает свои жизненные силы как вклад, который должен принести ему

[185] Фромм Э. Искусство любить. М., 2018. С. 146.
[186] Там же. С. 36.
[187] Бенуа А.де. Против либерализма. СПб., 2009. С. 348.
[188] Фромм Э. Искусство любить. М., 2018. С. 146-147.
[189] Морина Л.П. Вещь как зеркало субъекта культуры. // Studia culturae. 2018. Вып.3(37). С.41.

максимальный доход, возможный при существующих рыночных отношениях»[190]. Логичным продолжением этого процесса является то, что отношения между таким субъектами стали иметь меновый характер. Возникает он в тот момент, когда человек готов «обменять» часть своей свободы на какие-то блага. Причем касается это не только отношений с незнакомыми людьми, где: «Наш характер ориентирован на то, чтобы продавать и получать, обмениваться и потреблять; все – как духовные, так и материальные – ценности делаются предметами купли-продажи»[191]. Тоффлер назвал эту трансформацию современного человека – модуляризацией личности, по собственному признанию продолжая мысль Зиммеля, при которой человек просто не в силах обрастать крепкими узами с теми, чье присутствие в жизни обычного городского жителя мимолетно. Происходит это по причине того, что если бы человеку приходилось на многочисленные внешние соприкосновения внутренне реагировать, то это «…приводило бы его в совершенно невообразимое душевное состояние»[192]. Эта коммуникативная особенность проникает и в отношения любви и брака, где внутренняя глубинная связь между супругами трансформируется для каждого из них в слаженное взаимодействие и эффективное осуществление приятной жизни для другого. Отношения же, в которых в основе заложена человеческая индивидуальность и личное желание «быть любимым и любить, нужна смелость считать определенные ценности главными – и совершать прыжок, поставив все ради этого на кон»[193], предпочитая риск добровольному узничеству сытой безопасности.

В новом дивном мире теперь «главная цель – совершить выгодный обмен своих умений, знаний и самого себя – своего «личностного набора» качеств – с другими людьми, в равной мере стремящимися к справедливому и выгодному обмену. Жизнь не имеет другой цели, кроме движения вперед, других принципов, кроме правил справедливого обмена, и другого удовлетворения, кроме потребления»[194].

В своей более ранней работе «Бегство от свободы» Фромм назовет этот механизм человеческой реакции – одним из вариантов бегства от свободы. В

[190] Фромм Э. Искусство любить. М., 2018. С. 145.
[191] Там же. С. 147.
[192] Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М., 2018. С. 91.
[193] Фромм Э. Искусство любить. М., 2018. С. 211.
[194] Там же. С. 175.

предисловии к книге через двадцать пять лет после первой публикации Эрих Фромм рассуждает, что количество причин для такого развития событий только увеличилось. «Самым важным событием в этом отношении явилось открытие атомной энергии и ее возможного использования как разрушительного оружия»[195]. Также среди причин ухудшения ситуации Фромм называет кибернетическую революцию и демографический взрыв. В целом ключевой аспект современного кризиса для Фромма заключается в «значении свободы для современного человека»[196].

Фромм находит множество интересных истоков современной культуры. Современную культуру принято критиковать, в частности в связи с падением нравов и слишком глобальным влиянием капитализма. Фромм просит не забывать, что «…в любом обществе дух всей культуры определяется духом, присущим наиболее могущественным группам»[197]. Причина заключается не только в том, что могущественные группы, имея власть, контролируют образование, церковь, прессу, но и в том, что они обладают таким престижем, «что низшие классы охотно принимают и имитируют ценности и идентифицируют себя с ними психологически»[198]. Не стоит забывать и о том, что хотя роль церкви и стала гораздо меньше по сравнению со средневековьем, а опыт покупки индульгенций прекращен, все же он насчитывал историю, которая длилась более двух веков. «Идея того, что освобождение от наказания можно купить, не только выражает новое ощущение всевластия денег, также демонстрирует дух нового капиталистического мышления»[199].

«Люди рождаются равными, но они рождаются разными»[200], - из такого положения исходит Фромм. «Жизнь имеет единственный смысл: акт жизни как таковой»[201], как процесс, а не результат, именно по такой жизни изголодался современный человек. Не только «сочетание цинизма и наивности очень типично для современного человека»[202], но и незнание своих собственных желаний. Современный

---

[195] Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2018. С. 11.
[196] Там же. С. 7.
[197] Там же. С. 115.
[198] Там же.
[199] Там же. С. 79.
[200] Там же. С. 253.
[201] Там же. С. 252.
[202] Там же. С. 240.

человек живет в ситуации, где царит «анонимная власть…здравый смысл, наука, душевное здоровье, нормальность, общественное мнение»[203], в ситуации мягкого, но отчётливого и постоянного принуждения. Абсолютно логичным ответом на такую ситуацию у человека формируется мнение о себе: «…Я есть как вы пожелаете»[204]. «Идеалом стало мыслить и жить без эмоций»[205], без творческой активности, как проявление личности и права выражать свои собственные мысли, что «…имеет какое-то значение только в том случае, если мы способны собственные мысли иметь»[206]. «Решающим моментом является не то, что человек думает, а как он думает»[207], осложняется, правда, это тем, что «…современный человек существенно растерял способность верить во что-то, что не может быть доказано методами естественных наук»[208]. Все это помноженное на экономическую активность при капитализме привело к тому, что человек не только превратился в товар, но и выстраивает свою жизнь в соответствии в первую очередь с экономическими отношениями. Человек стал добиваться не своих собственных целей, при этом совершенно убежденный в том, что это именно его интересы и цели. «…Он продает физическую силу…или личность…»[209], полагая, что уверенность в себе – это мера спроса на тебя. «Творение его рук стало для него Богом»[210], полагая что человеком движет его выгода, он служит целям машины по воспроизводству, которую сам и создал.

Даже достижения свободы его не радуют. В погоне за свободой «от», человек добился значительных успехов, не заметив, что система трансформировалась и человек теперь нуждается в свободе «для», для самого себя и своей личности, а свобода «от» оборачивается новым рабством. В погоне за свободой слова и совести человек утратил способность думать иначе, поскольку это не способствует накоплению капитала – современному показателю, что тебя оценивают высоко. «Человек перестает быть собой, он делается в точности таким, как все, что от него и

---

[203] Фромм Э. Бегство от свободы. С. 165.
[204] Там же. С. 244.
[205] Там же. С. 235.
[206] Там же. С. 232.
[207] Там же. С. 191.
[208] Там же. С. 108.
[209] Там же. С. 121.
[210] Там же. С. 120.

ожидается»[211]. Фромм отмечает, что «нормальный» человек может быть определен двумя способами: первый, с точки зрения общества – возможность выполнять предписанную роль, второй – с точки зрения индивида – оптимальное для счастья и развития состояние. В идеальном варианте, или в утопии, они вполне могут совпадать, но в современном мире это не так и доминирует первое понимание. Ты нормален настолько, насколько готов трудиться над тем, что тебе положено. Именно в такой ситуации оказывается современный человек, у него лишь два выхода – бегство от свободы и стремление к позитивной свободе. Бегство от свободы может принимать две формы – подчинение и конформизм. Для Фромма наиболее предпочтителен прогресс от негативной свободы к позитивной, проявляющийся в уважении и культивировании уникальной личности, что есть «…самое ценное достижение человеческой культуры, и именно это достижение подвергается опасности в настоящее время»[212].

Л.А.Орнатская пишет, что «счастье – это религия современного человека»[213]. Он верит в счастье, в его осуществимость, его близость. А «…массовая культура провозглашает первенство того, что актуально, над тем, что вечно, в ее основе – переворачивание ценностей»[214]. При этом актуальное – изменчиво, а вот потребление, теперь претендует на вечное в умах его последователей с той лишь разницей, что потребление совершенно точно конечно. Именно в массовой культуре как нигде близко сходятся вновь понятия цены и ценности. Если все товар, то в таком мире устанавливаются экономические отношения и ценным становится больше то, что имеет большую цену вследствие своей актуальности.

Культура приобрела свой массовый характер, по мнению некоторых исследователей, с момента появления современных типов коммуникации. Существуют различные точки отсчета, одна из наиболее обоснованных называет первым таким каналом – радио, по одной из многочисленных версий изобретенное, кстати, тоже в Англии сэром Оливером Лоджем. Таким образом, Англию можно обвинить в

---

[211] Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2018. С. 182.
[212] Там же. С. 253.
[213] Орнатская Л.А. Массовая культура и «дух эпохи». // Серия «Syposium», Российская массовая культура конца XX века., Выпуск 15/материалы круглого стола 4 декабря 2001 г. Санкт-Петербург.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 129.
[214] Там же.

появлении нового дивного мира. Интересна особенность, что один из ярых антиутопистов и врагов тоталитаризма – Дж.Оруэлл, впервые выступил со своим эссе «Литература и тоталитаризм» по радио, это было также еще первое его выступление на радио в принципе. Одним из аргументов в пользу радио как нового типа массовой коммуникации является тот факт, что изобретателями радио называют массу людей: почти в каждой современной стране изобретателем называют своего соотечественника. Фактически масса людей в один промежуток времени разрабатывала отчужденно друг от друга один тип технологии. Также изобретение радио относится к периоду, предшествующему Первой мировой войне, и таким образом дает возможность говорить о большем количестве причин, повлиявших на выдвижение нового типа культуры. Процесс формирования нового типа культуры не может рассматриваться как одномоментный, а причины его формирования не могут быть редуцированы к мировым войнам как бифуркационным точкам.

Экзистенциальный вакуум, как его называл Франкл, который присущ человеку нового мира, поскольку: «…в отличие от животных инстинкты не диктуют человеку, что ему нужно, и в отличие от человека вчерашнего дня традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно. Не зная ни того, что ему нужно, ни того, что он должен, человек, похоже, утратил ясное представление о том, чего же он хочет. В итоге он либо хочет того же, чего и другие(конформизм), либо делает то, что другие от него хотят(тоталитаризм)»[215]. Есть еще и третье следствие – психиатрическое, но в данном контексте оно нас интересует меньше.

Но кто способен идти не по пути тоталитаризма и конформизма? Человек, который еще не обрел своего смысла, который еще не социализирован полностью и который еще не вписан в общую ткань социального человеческого бытия. «Сегодня дети - последний резерв мира, его последний шанс»[216]. Подросток, тинейджер – именно среди них популярен жанр антиутопии. Поскольку культурация – «…интериоризация накопленных в истории культуры знаний, ценностей и идеалов»[217] для них продолжается. Именно они не утратили интерес к свободе, потому что они не

[215] Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 25.
[216] Бернанос Ж. Свобода…для чего? СПб., 2014. С. 107.
[217] Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 177.

дорожат еще не приобретённой безопасностью своего шаблона, поскольку им только предстоит выбрать род своей деятельности, но именно от них зависит будущее человеческого общества. От того, какие идеалы и ценности может им преподать, в том числе и антиутопия. Вся эта ситуация осложняется тем, что подростки ощущают острее ситуацию, в которой им предстоит сделать свой «свободный» выбор. «…абсолютизация свободы личности вела к ее эгоистическому самообособлению и разобщению людей, к трагедии индивидуализма»[218] в ситуации, когда модернизм XX века порвал окончательно с традицией как таковой «во имя абсолютной свободы самовыражающегося и самотворящего себя Сверхчеловека»[219].

В XXI веке, во времена, когда человечество переживает все вышеперечисленные противоречия симультанно, тинейджеры проходят «духовную консолидацию своей группы»[220] пусть и посредством критики ценностей других групп, как это происходит в антиутопии, как форме общения и со значимыми другими – автором антиутопии и другими читателями, собственным, другим «Я», рефлексирующим по поводу прочитанного и с воображаемыми партнерами – героями антиутопий, которые сталкиваются с теми же проблемами, что и читатели. Все это осложняется условиями глобализированного мира, где все потенциально близко как никогда, и, одновременно очень далеко, к тому же сопровождается множеством препятствий.

Оруэлл в своем эссе о литературе и тоталитаризме рассуждает о роли государства в современном мире. Он пишет о том, что одной из особенностей тоталитарного государства является тотальный контроль, который теперь выходит на новый уровень и пытается подчинить себе мышление человека и, что: «Важно отдавать себе отчет в том, что его контроль над мыслью преследует цели не только запретительные, но и конструктивные. Не просто возбраняется выражать — даже допускать — определенные мысли, но диктуется, что именно надлежит думать; создается идеология, которая должна быть принята личностью, норовят управлять ее эмоциями и навязывать ей образ поведения. Она изолируется, насколько возможно, от внешнего мира, чтобы замкнуть ее в искусственной среде, лишив возможности

[218] Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 190.
[219] Там же. С. 180.
[220] Там же. С. 192.

сопоставлений»[221]. Оруэлл в 1941 году полагал, что это подчинит литературу политике навсегда, но свобода сохраняется в литературе и сегодня, по крайней мере антиутопической.

Следуя за мыслью Рорти о том, что: «Мир не говорит. Говорим только мы. Мир может…вынудить нас придерживаться мнений»[222], давайте разберемся каких мнений вынуждает нас придерживаться мир антиутопии.

3.3. Классические антиутопии: Дж. Оруэлл и О.Хаксли

Среди наиболее выдающихся представителей жанра антиутопии в Англии и во всей мировой литературе часто называют Джорджа Оруэлла и Олдоса Хаксли. С рассмотрения концепций их произведений мы и начнем наш анализ антиутопических текстов.

Джордж Оруэлл в 1943-44 гг. написал аллегорическую повесть «Скотный двор», а в 1948 году роман «1984», который стал одним из самых популярных антиутопических произведений мира.

«Скотный двор» восприняли как сатиру на русскую революцию 1917 года несмотря на то, что Оруэлл в тексте местом расположения скотного двора называет Англию. Это произведение было запрещено во многих социалистических странах, но оно остается популярным и по сей день, в то время как Советского союза нет уже 28 лет. Следовательно, есть в нем такие идеи, которые близки современному человеку, ведь как точно заметил Оруэлл в «1984»: «С будущим как общаться?...либо завтра будет похоже на сегодня и тогда не станет его слушать, либо оно будет другим и невзгоды Уинстона ничего ему не скажут»[223]. На деле оказалось, что с будущим Оруэлл разговаривает на одном языке, а, значит, тревожат нас сходные невзгоды.

«Скотный двор» повествует о ферме «Райский уголок», на которой животные приняли решение изгнать корень зла и своих бед – человека и самостоятельно управлять фермой и своей жизнью. «Уберите с подмостков истории человека и

[221] Оруэлл Дж. Литература и тоталитаризм. / Скотный двор; эссе. М., 2018. С. 127-128.
[222] Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 25.
[223] Оруэлл Дж. 1984. М., 2018. С. 9.

навсегда покончите с рабским трудом и голодом»[224] - завещал кабан «Майор» жителям «Райского уголка», что они в последствии и сделали. Однако, как показал Оруэлл, решить проблемы рабства и голода одним лишь изгнанием людей не получилось. Автор повести в некоторых своих размышлениях закладывает основы общества, которые опишет позже в «1984». Приведем некоторые примеры. «Все проекты готовили свиньи, остальных научили голосовать, готовить проекты резолюций пока не научили»[225] - иронизирует над выборной системой Оруэлл, в которой фактически нет места для выбора, добавляя при этом, что «…правым всегда казался тот, кто говорит в данный момент»[226], заодно намекая на то, что народ и сам не может решить, за что или кого голосовать. Бедственное положение фермы необходимо было не исправлять, по мнению властей - свиней, а лишь «…скрыть положение от окружающего мира»[227], и такой принцип - «…давно замяли для ясности»[228], лежит в основе всех «социальных» проектов на ферме. Благо, что свиньи хотя бы объявили, что «Светлое будущее построено»[229] и жителям фермы сразу становилось легче переживать невзгоды, ведь «…когда тебе напоминают, что ты сам себе хозяин приятно»[230]. Все это можно было бы списать на временные трудности нового режима, однако, некоторые подробности, которые описывает Оруэлл дают нам четкое понимание конца «Скотного двора». Жителям фермы не только приходится терпеть невзгоды, но и ради светлого будущего сплотиться против друга Цицерона и прочих зверей, объявленных его шпионами и шпионами людей, работать больше, есть еще меньше, а решения принимать под нажимом псов-охранников свиней. Все это вкупе с тем, что «…пришли совсем другие времена – когда все боятся говорить, что думают»[231], и «…никто бы не отказался, чтобы цифр было чуть меньше, а еды чуть больше»[232]. Последняя цитата, стоит отметить, является отсылкой к «Бесплодным усилиям любви» У. Шекспира и обыгрывает следующие его строки:

---

[224] Оруэлл Дж. Скотный двор; Эссе. М., 2018. С. 9.
[225] Там же. С. 28.
[226] Там же. С. 46.
[227] Там же. С. 64.
[228] Там же. С. 106.
[229] Там же. С. 76.
[230] Там же. С. 97.
[231] Там же. С. 75.
[232] Там же. С. 78.

Мария

А мне был жемчуг прислан от Лонгвиля

И с жемчугом – письмо длиной в полмили.

Принцесса

А ты в душе желала б получить

Письмо короче и длиннее нить?[233]

Оруэлл рисует перед читателем наглядный пример того, как благородный замысел по построению справедливого, основанного на семи заповедях, государства в миниатюре фермы провалился и обернулся кошмаром. Произведение небольшое, но имеет огромное количество ярких иллюстраций того, как при построении утопии в реальности меняется жизнь обычного человека. От рабского и нищенского «Райского уголка», в котором из райского только название, пройдя через призму надежд и тяжелой борьбы «Скотного двора», она оборачивается новым возвращением в «Райский уголок», а ко всему прочему добавилось то, что в первом райском уголке «…было гораздо хуже, очень хотелось в это верить»[234], но это была лишь предписанная вера. Внешняя форма этих преобразований понятна, как и мнение автора насчет подобных перемен в реальной жизни. Однако, немаловажную роль играет внутренняя сторона этих политических изменений, их роль и значение для обычных людей. Принцип двоемыслия Оруэлла, который получит окончательную форму в «1984» уже начал формироваться в «Скотном дворе» на примере того, как семь заповедей трансформировались в угоду свиньям и их прогрессу в области очеловечивания, закончившемуся не только их прямохождением, но и одной заповедью, заменившей собой все: «Все животные равны, но некоторые животные равнее»[235].

Так же уже в «Скотном дворе» начал формироваться и другой принцип из «1984» – владение прошлым, которое лежит в основе владения будущим. Свиньи

[233] Шекспир У. Бесплодные усилия любви / Полное собрание сочинений в восьми томах. Т-2. М., 1958. С. 473 – 474.
[234] Оруэлл Дж. Скотный двор; Эссе. М., 2018. С. 94.
[235] Там же. С. 112.

переписывали по ночам заповеди, чтобы написанное соответствовало происходящему, чтобы не жить по заповедям, а трансформировать заповеди под свою жизнь. Именно по этой концептуальной причине имело смысл начать рассмотрение «1984» именно с его предпосылок в «Скотном дворе».

В 1984 году, по мнению Оруэлла, мир предстанет в виде трех воюющих сверхдержав – Океании, Остазии и Евразии. Герой повествования – Уинстон Смит, проживает в Лондоне в Океании, доктриной которой является Ангсоц, и работает в Министерстве Правды, основная задача которого лгать, или корректнее «изменить-официально уточнить»[236] все, чтобы написанное ранее и изданное соответствовало происходящему и будущему. «Законов теперь не существовало…»[237], однако осталось два вида преступлений против него – мыслепреступление – неверность лидеру – Старшему Брату и Партии, и лицепреступление – «…когда лицом недостаточно доверчиво радуешься победам»[238]. Произошло это уравнение в преступлениях потому, что «в глазах партии нет разницы между деянием и мыслью»[239], партия пытается сохранить власть, а для этого нужно «…управляемое безумие»[240], и две ее главные заботы теперь - «…узнать, что думает человек на самом деле и убить несколько миллионов человек»[241]. Вообще мир настолько изменился, что «книги были одним из потребительских товаров как повидло и шнурки для ботинок»[242], всю почту вскрывают, повсюду полиция мыслей, и телекран наблюдает за человеком, куда бы он не отправился, для проверки его постоянной правоверности. «Все, в чем можно усмотреть любовь к одиночеству – подозрительно[243]», а главным правилом многих теперь стало, как у Джулии, возлюбленной Уинстона: «Всегда ори с толпой…»[244], потому что «если соблюдаешь мелкие правила, можно нарушать большие»[245], но недолго, потому что «от разоблачения не ушел ни один, и признались все до

[236] Оруэлл Дж. 1984. М., 2018. С. 36.
[237] Там же. С. 8.
[238] Там же. С. 60.
[239] Там же. С. 247.
[240] Там же. С. 220.
[241] Там же. С. 194.
[242] Там же. С. 131.
[243] Там же. С. 83-84.
[244] Там же. С. 122.
[245] Там же. С. 130.

единого»[246], ведь «перед лицом боли нет героев»[247] и «признание было формальностью, но пытки настоящими»[248].

Попав в Министерство Любви, которое занимается пытками, перевоспитанием и распылением врагов Партии и Старшего Брата, чтобы было «невозможно видеть действительность иначе, как глядя на нее глазами партии»[249], Уинстон признается в мыслепреступлении, предает свои идеалы и свою любовь, но взамен узнает оборотную сторону Ангсоца и Партии. Открывшаяся Уинстону правда дана в репликах перевоспитываемого Уинстона и О'Брайена, который притворяясь лидером Братства-сопротивления, оказался одним из высокопоставленных чиновников Министерства Любви. «Люди в массе своей слабые, трусливые создания, они не могут выносить свободу, не могут смотреть в лицо правде, поэтому ими должны править и систематически их обманывать те, кто сильнее их»[250]- делает вывод Уинстон, понимая, что «свобода – это возможность сказать, что дважды два - четыре»[251], и в современном ему мире только «пролы и животные свободны»[252]. От остальных требуется «полное единство мнения по всем вопросам»[253]. Для того, чтобы партия сохранила власть, потому что «Цель власти - власть»[254]. Но власть эта «…не над предметами, а над людьми»[255], а власть над человеком «…состоит в том, чтобы причинять боль и унижать»[256], прежние цивилизации пытались основать на любви, эта «…основана на ненависти»[257].

Для этого одним из средств служит новояз – язык, задача которого сузить горизонт мысли, чтобы не допускать мыслепреступления, поскольку мышление, как и «все слова, группировавшиеся вокруг свободы и равенства, содержались в одном слове – «мыслепреступление»»[258]. «Слово свободный в новоязе осталось, но его можно было

[246] Оруэлл Дж. 1984. М., 2018. С. 105.
[247] Там же. С. 243.
[248] Там же. С.244.
[249] Там же. С. 253.
[250] Там же. С. 267.
[251] Там же. С. 83.
[252] Там же. С. 74.
[253] Там же. С. 208.
[254] Там же. С. 269.
[255] Там же. С. 272.
[256] Там же.
[257] Там же. С. 272.
[258] Там же. С. 312.

использовать лишь в таких высказываниях, как «свободные сапоги», «туалет свободен»»[259]. Потому как задачи новояза, на первом месте – ясность смысла, на втором же сделать речь «по возможности независимой от сознания»[260]. Сделать людей по примеру Джулии, которая не видела во лжи ничего необычного, а понимание, что все новостные сводки врут, привычным. Принцип двоемыслия помогает примирить реальность и сознание людей, которые отличают слово по значению в зависимости от контекста, сказанное или одобрительно в отношении партийцев, или осуждающе в отношении врагов. Лозунг партии: «Война – это мир, свобода – это рабство, незнание - сила»[261], может быть понят только исходя из принципа двоемыслия. «Рабство в отречении от себя и свобода в вечной жизни партии…»[262] - этот личный принцип жизни партийцев, дополненный правилом того, что «кто управляет прошлым – управляет будущим, кто управляет настоящим, тот управляет прошлым»[263], гарантирует партии жизнь, которая для людей превыше их личной жизни, благополучия и свободы.

«Легко было верить в общество, которое нельзя было построить»[264], пишет Оруэлл. Именно эту его мысль, пожалуй, можно понять, как его ответ на вопрос о причинах кризиса утопии и популярности антиутопии. Слишком велики возможности человечества и его построения общества, о котором оно мечтает, и слишком велик риск получить новый «Райский уголок» вместо ожидаемого «Скотного двора», где в итоге одни станут равнее других.

«О дивный новый мир», произведение Хаксли, написанное в 1931 году, цитирующее в своем названии Шекспира, часто рассматривается исследователями как противоположное «1984» Оруэлла. Первое называют доведенным до абсурда обществом потребления, второе – обществом идеи. На наш взгляд такие оценки не так однозначны, как кажется на первый взгляд. Рассмотрим основные принципы дивного нового мира подробнее.

---

[259] Оруэлл Дж. 1984. М., 2018. С. 306.
[260] Там же. С. 315.
[261] Там же. С. 6.
[262] Там же. С. 270.
[263] Там же. С. 36.
[264] Там же. С. 206.

Девиз Мирового Государства: «Общность, одинаковость, стабильность»[265], красной линией проходит через всю жизнь людей. Люди создаются для пяти каст: альфы, беты, гаммы, дельты и эпсилоны-полукретины. Каждой касте предопределена своя работа, умственно-телесный уровень, программа гипнопедического воспитания, цвет в одежде и даже одно из десяти тысяч имен и фамилий на два миллиарда населения планеты. «Весь секрет счастья и добродетели – люби то, что тебе предначертано»[266]. А предначертанность зависит от заказа государства на определенный особи с нужными качествами. Производство высших каст индивидуально, низших каст дает прирост бокановскизация – «одно из главнейших орудий общественной стабильности»[267], производящее стандартных людей-близнецов равными порциями в результате различных воздействий. Для производства низших каст эмбрионы подвергаются негативному воздействию - дисгенике, замедляющему их развитие, поскольку невозможно составить общество из одних альф, оно не будет функционировать счастливо и стабильно, поскольку нельзя заставить альф выполнять работу эпсилонов, они сойдут с ума, а эпсилоны не справятся с работой альф. Поскольку «всякая перемена есть угроза стабильности»[268], то всех «кто собой что-то представляет»[269], оправляют на острова – подальше от общества.

В борьбе за общее счастье в этом обществе пожертвовали настоящим искусством, наукой и религией, поскольку «когда властью завладели массы, верховной ценностью становилось всегда счастье, а не истина с красотой»[270]. При этом общество не лишено бога, которым у них провозглашен Форд, но когда он трактовал о психологических проблемах то называл себя Фрейдом. Фордохульством у населения считается не любить спорта, не соблюдать приличий, не вести активную половую связь со многими, ведь «каждый принадлежит всем остальным»[271], нарушать приличия заговаривая о прошлом, ведь «история – сплошная чушь»[272]. Шрамы, грязь, уродство и

[265] Хаксли О. О дивный новый мир. М., 2018. С. 4.
[266] Там же. С. 25.
[267] Там же. С. 11.
[268] Там же. С. 304.
[269] Там же. С. 311.
[270] Там же. С. 310.
[271] Там же. С. 57.
[272] Там же. С. 49.

старость все это вызывает омерзение, ведь старение всех жителей останавливается на тридцати годах и так, не старея все доживают до шестидесяти. «Быть инфантильным, младенчески-нормальным их прямой долг»[273]. «Теперь каждый счастлив»[274] - может признаться каждый житель планеты, и можно жить по принципу «не откладывай на завтра то, чем можешь насладиться сегодня»[275]. Если же реальность по каким-то причинам вызывает не восхищение, то в помощь каждому выдаются таблетки сомы, для борьбы с хандрой, поскольку «сома – все плюсы христианства и алкоголя и ни единого их минуса»[276]. Все неприятное устранено, нет конфликтов, нет места героизму.

«…Мир стабилен, устойчив. Люди счастливы; они получают все то, чего хотят, и не способны хотеть того, чего получить не могут. Они живут в достатке, в безопасности; не знают болезней; не боятся смерти; блаженно не ведают страсти и старости; им не отравляют жизнь отцы с матерями; нет у них ни жен, ни детей, ни любовей – и, стало быть, нет треволнений; они так сформированы…»[277]. В существовании «нет смысла, зато масса приятных ощущений»[278]. Все, что требуется от людей в обмен на все блага цивилизации – обслуживать машины по семь с половиной часов в день. Люди, «такие же надежные, стабильные, как шестеренки и колеса, - люди здоровые духом и телом, послушные, постоянно довольные»[279]. Требуется загружать фабрики работой и потреблять как можно активнее – «чем старое чинить, лучше новое купить»[280], а поскольку «сидя за книгой много не потребишь», то не поощряют «…развлечения, связанные с уединением»[281], как и любовь к природе, которую было решено отменить, поскольку она «…не загружает фабрики заказами»[282].

Все эти истины люди усваивают с детства, благодаря повторениям и гипнопедии – обучению во сне, но не для понимания, а для нравственного воспитания, чтобы

---

[273] Хаксли О. О дивный новый мир. М., 2018. С. 136.
[274] Там же. С. 105.
[275] Там же. С. 130.
[276] Там же. С. 78.
[277] Там же. С. 297.
[278] Там же. С. 297.
[279] Там же. С. 61.
[280] Там же. С. 68.
[281] Там же. С. 224.
[282] Там же. С. 33.

основные принципы-императивы цивилизации: «Сомы грамм и нету драм»[283] были всегда на языке у каждого. Это необходимо, потому что убийство одной особи – это легкопоправимое дело, но «нарушение же принятых норм ставит под угрозу нечто большее…наносит удар всему обществу»[284]. И поняв аксиому, что необходимо: «Не кулаками действовать, а на мозги воздействовать»[285], руководство разработало программы нравственного обучения для всех каст.

Что касается руководства регионов, то насколько мы можем судить о Мустафе Монде, главноуправителе Западной Европы, то он человек, который осознает, что: «…интересно было бы жить на свете, если бы можно было отбросить заботу о счастьи»[286], но в свое время выбрал путь не истины, а счастья, как он сам признается: «Искусство и наука не совместимы со счастьем»[287]. И поскольку этот выбор сделан, то у него: «…в сейфе Бог, а на стенах Форд»[288]. Единственное, что его отличает от обычного гражданина это то, что он может нарушать законы безнаказанно, поскольку он их устанавливает, но все же он всецело осознает, что: «Индустриальная цивилизация возможна лишь тогда, когда люди не отрекаются от своих желаний, а потворствуют им в самой высшей степени»[289].

Очевидно, что в таком обществе нет свободы выбора в привычном смысле, ограничивается свобода лишь выбором вида гольфа, в который можно поиграть сегодня, и то из двух его видов. Ко всему прочему право быть свободным для дивного нового мира это требование «…права быть несчастным»[290]. Свобода для них это право быть неудачником, горемыкой, неприкаянным и неприспособленным к жизни человеком.

Что касается причин появления антиутопии, то можно отметить, что своим рассказом о Кипрском эксперименте утопии альф и его безуспешности Хаксли дает нам понять, что не видит возможности построения идеального общества мудрецов. Но

---

[283] Хаксли О. О дивный новый мир. М., 2018. С. 79.
[284] Там же. С. 202.
[285] Там же. С. 71.
[286] Там же. С. 243.
[287] Там же. С. 305.
[288] Там же. С. 313.
[289] Там же. С. 321.
[290] Там же. С. 326.

что насчет идеального общества эпсилонов? В новом дивном мире это, пожалуй, ему удается.

Как видно из этих описаний «1984» и его идейного предшественника «Скотный двор» и «О дивный новый мир» противоположными можно назвать только по форме, в сущности, они описывают один и тот же процесс. Процесс постепенного уменьшения личной человеческой свободы, и все большее увеличение предопределенности его жизни. Причины авторам видятся разные, но итог им видится одинаковый: обычный человек становится маленькой быстро заменяемой обезличенной деталью в механизме большого государства, будь то государство тоталитарное, построенное на ненависти или государство гедонистическое, построенное на счастьи и потреблении.

В связи со свободой вновь возникает интересный сюжет для рассмотрения антиутопий в контексте игровой концепции культуры Хёйзинги, а именно с точки зрения нарушителей правил игры – шпильбрехеров.

В «1984» такими шпильбрехерами можно назвать Джулию и Уинстона. Джулия нарушает правила системы Старшего Брата из собственного духа сопротивления. Идейная книга Голдстейна и идеолоическая борьба ее мало заботят. Что же касается Уинстона, то он нарушает правила осознанно, понимая, что он восстает против системы. Интересен и тот факт, что Оруэлл приводит примеры и других шпильбрехеров в своей книге – Сайм, коллега Уинстона и мистер Парсонс, но они были распылены, а не перевоспитаны, как враги партии – Уинстон и Джулия, которые из шпильбрехеров превратились в правоверных членов партии. Определенно, новый виток борьбы – ее бесперспективность, заканчивающаяся не смертью мученика, а перевоспитанием.

Дивный новый мир изобилует шпильбрехерами разного рода. Бернард, один из главных героев произведения таков, поскольку не вписывается в общую систему своей касты и страдает от того, что система его не принимает. Линайна поддалась чувствам к Джону и нарушила одно из главных правил – не привязываться к одному человеку. Джон – шпильбрехер по причине того, что он стал своим среди чужих и чужим среди своих, так и не став индейцем, и не приняв ценностей цивилизованного мира. Линда попыталась вести привычный образ жизни там, где был принят другой, да еще и

испытывала симпатию к одному индейцу и потому не была правоверной. Гельмгольц, друг Бернарда, испытывал противоположные Бернарду ощущения, он соответствовал касте, но не чувствовал внутреннего единения с ней и потому нарушал правила, в отличие от Бернарда, которому успех с дикарем принес необходимый покой и соответствие.

Из вышеописанного можно сделать один вывод: классические антиутопии полны разного рода шпильбрехерами, но системы так выверены и работают столь стабильно, что повлиять на них никому в одиночку не удается. Зато система исправно выявляет нарушителей и избавляется от них. Так было в классической антиутопии, обратимся же к современным популярным антиутопиям, чтобы выяснить их отношения к свободе и нарушению правил системы.

ГЛАВА 4. Современная антиутопия

4.1. Антиутопическая саморефлексия: О.Хаксли и Э.Бёрджесс

Прежде чем перейти к исследованию современных антиутопических проектов следует обратить внимание на две очень важные книги – «Возвращение в дивный новый» О.Хаксли, написанную в 1958 году и «1985», написанную в 1978 году Э.Бёрджессом.

Начнем с «Возвращения в новый дивный мир». Стоит признаться, что исследователю редко удается получить дополнительные комментарии к произведению от самого автора, раскрывающие ход его мыслей при написании произведения. Для антиутопии это особенно актуально, потому что традиция в этих произведениях, как кажется комментаторам, имеет если не ключевое, то огромное значение.

Данное произведение, «Возвращение в дивный новый мир», имеет глобальное значение именно для исследователей антиутопий. Хаксли, проводя некую ревизию своего «Дивного нового мира», позволяет нам получить дополнительный материал для всего исследования и понимания мира автором антиутопий.

Следует начать с того, что О.Хаксли ставит фактический знак равенства между описанной им тотальной организацией эры Форда и миром, описанным Дж.Оруэллом. «…Свобода и даже стремление к свободе начинают понемногу иссякать»[291]. И в этом Хаксли видит опасность гораздо более скорого приближения Дивного нового мира, нежели он мог себе представить, одновременно с этим отмечая, что «…свобода для нас – наивысшая ценность»[292]. Отличительная черта классиков антиутопии – они часто признают, что опасения насчет реальности, которые они развивали, дали куда более страшные плоды, чем они могли себе представить.

Хаксли полагает, что системы Дивного мира и «1984» равны в отношении несвободы, потому могут быть сравнимы. Однако признается, что в свете последних наблюдений за животными и научных исследований (научный оптимизм и вера в

[291] Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. М., 2018. С. 7-8.
[292] Там же. С. 190.

прогресс выдают в Хаксли автора, имеющего прямое отношение к утопическому жанру) ему представляется, что поскольку желаемое поведение выработать проще, чем запрещать нежелаемое, то вероятность Дивного нового мира выше. Ненасильственных способов, как он считает достаточно, среди них не только физическое, но и психологическое манипулирование. К тому же, для осуществления контроля «существует два вида пропаганды – рациональная, поощряющая к действиям…и иррациональная, которая…направляется страстями, слепыми побуждениями, подсознательными влечениями и страхами…»[293].

Причин для такого развития событий и приближения дивного нового мира несколько, главная среди них, по мнению Хаксли – рост населения на фоне истощения природных ресурсов. «…Перенаселение создаст условия, при которых индивидуальная свобода и достойная жизнь…станут невозможными и даже немыслимыми»[294]. Прогресс медицины приводит к все большей выживаемости людей и, как полагает Хаксли, «параллельно с упадком физического здоровья будет происходить и упадок интеллектуальности»[295].

Тут Хаксли раскрывает перед нами парадокс, вокруг которого разворачиваются многие рассуждения в антиутопиях (например, так будет в «Дитя человеческое»). Характеризуя эту дилемму, Хаксли именует ее моральной проблемой: казалось бы, мы знаем, что достижение благих целей не оправдывает средства. «Но что делать в таких ситуациях, когда…нравственно оправданные средства приводят к плохим результатам?» - задается вопросом Хаксли. Действуя из благих намерений, благими методами, совершая хороший поступок для одного человека или группы, в общечеловеческом масштабе мы можем приближать катастрофу. Хаксли рассчитывает, что к 2000 году человечество достигнет отметки в четыре с половиной миллиарда населения, этот прогноз устрашал самого Хаксли, но при этом история показала, что он был очень оптимистичным, ведь реальная цифра к 2000 году достигла отметки в более, чем шесть миллиардов человек, то есть на 30% больше.

Проблема централизации – так называет проблему развития технического

[293] Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. М., 2018. С. 52-53.
[294] Там же. С. 18.
[295] Там же. С. 26.

прогресса Хаксли. В качестве примера он приводит ситуацию появления и все большего укрепления крупных компаний, сосредоточения власти и капитала в одних руках, которые вытесняют мелкие производства своей эффективностью, дешевизной и сложностью технологий одновременно. Они провоцируют массовое потребление за счет массового производства. «Капитализм мертв, царит потребление» [296].Здесь он делает отсылку к Эрику Фромму, работы которого мы уже рассматривали. Чтобы не повторяться, отметим лишь то, что Хаксли согласен с Фроммом в вопросах того, что в попытке создать человеческое единообразие совершается самое большое насилие над человеком и его природой, потому что «…различия между индивидами велики, несмотря на интенсивное культурное сглаживание…»[297]. Ко всему прочему излишняя организованность и централизация приводит к дегуманизации индивида, результатом которой является то, что для человека «существование теряет смысл и назначение»[298].

Это совершенно недопустимо, потому что «идеальный индивид», над которым так упорно работают, человек в любой ситуации остающийся верный коллективу, с неистребимым желанием принадлежать и «динамическим конформизмом» предоставит организации примат над личностью, что в конечном итоге будет означать для Хаксли подчинение цели средствам. Не стоит забывать и о том, что «сообщества людей не являются организмами…сообщества людей – это организации ad hoc для успешного совместного проживания»[299]. В заключение этой мысли Хаксли и вовсе говорит о том, что «…люди не вполне социальны; они всего лишь в меру общительны»[300].

Единообразный человек всецело преданный коллективу уже не является самостоятельной единицей, он лишь часть человеческой массы. «Отравленный…ядом индивид лишается ответственности, разума и морали, превращаясь в обезумевшее, безмозглое животное»[301]. Именно этим Хаксли объясняет то, что на «Скотном дворе» мнение большинства было на стороне в данный момент говорящего, ведь «…массы

[296] Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. М., 2018. С. 78.
[297] Там же. С.164.
[298] Там же. С. 39.
[299] Там же. С. 164.
[300] Там же.
[301] Там же. С. 68.

всегда бывают убеждены в том, что правда на стороне атакующего агрессора»[302]. Здесь и подхватывает человека пропаганда, которая, благодаря образованию и грамотности получила доступ практически к любому взрослому человеку. В современной пропаганде успех достигается благодаря повторению лозунгов, подавлению фактов и рационализации страстей. Постулируя очень высокую степень человеческой внушаемости Хаксли задается вопросом о мерах, которые должны быть предприняты для ограничения влияния на человека и его свободу, в условиях когда задается фундаментальный вопрос: «Совместима ли индивидуальная свобода с высокой степенью индивидуальной внушаемости?»[303]. Ответ Хаксли понятен и дан в форме Дивного нового мира и внутреннего восстания против таких перспектив как для отдельных индивидов, так и для всего человечества в целом, с комментарием, что «…свобода – великое благо, терпимость – великая добродетель, а чрезмерная регламентация - большое несчастье»[304]. «Свобода под угрозой и научиться быть свободным стало необходимостью»[305] - заключает Хаксли. И предполагает, что «просвещение ради свободы должно начинаться с публичного установления фактов и провозглашения ценностей…»[306]. Именно с этого, по его мнению, нужно начинать и начинать как можно скорее. Под фактами он понимает обнародование фактов человеческого многообразия и генетической уникальности, среди главных ценностей он выделяет свободу, ценности сострадания и милосердия, основанные на том факте, что любовь необходима каждому и «…ценность интеллекта, без которой любовь бессильна, а свобода непостижима»[307]. «…пока в мире все же сохраняется свобода…»[308], но необходимо признать, что отсутствие физических ограничений — это недостаточное ее условие, поскольку на нее влияют также демографические, социальные, политические и психологические факторы. «Жертва манипуляций не осознает, что он жертва»[309]. Человек сегодня «…не находится взаперти, за решеткой,

[302] Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. М., 2018. С. 72.
[303] Там же. С. 152.
[304] Там же. С. 154.
[305] Там же. С. 173.
[306] Там же. С. 152.
[307] Там же. С. 172.
[308] Там же. С. 190.
[309] Там же. С. 175.

но является при этом психологическим пленником, принужденным думать, чувствовать и поступать так, как того желают представители государства или некие частные лица»[310]. Однако, «рабство, в котором находится жертва, строго объективно»[311]. «Люди не могут находиться в безопасности без информации»[312] - продолжает за Джефферсоном Хаксли.

Но все ли настолько внушаемы, как об этом пишет Хаксли? Отнюдь, замечает сам автор: «…подростки лишены жизненного опыта, на который могло бы опереться их довольно развитое критическое отношение к миру»[313], возможно именно поэтому так часто теперь современная антиутопия апеллирует к подросткам, которым свойственно по-другому относится к будущему, нежели старшим поколениям, пытаясь найти в них критический отклик на все происходящее, которое сталкивается с проблемами о которых писал Хаксли гораздо раньше, чем он предполагал. Есть и другая проблема, о которой пишет Хаксли, проблема добровольного отказа от свободы. Получив минимум комфорта, человек откажется от претензий на большее, как дронт откажется от полета, добывая пищу на земле.

В 1968 году А.Д.Сахаров в «Размышлении о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» в одном из двух центральных тезисов своего рассуждения, отстаивая жизнеспособность позиций социализма, в качестве угроз всему миру рассматривает сходные причины потенциальной катастрофы всего человечества: угроза термоядерной войны (оружие и бомбы в очередной раз как символ этого конфликта), голод для большей части населения, оглупление при помощи «массовой культуры», распространение массовых мифов. Все это ведет к разобщенности человечества, неизбежный итог которого гибель, по мнению Сахарова, который вслед за Хаксли рассматривает оборотные стороны технологических и социальных благ, осмысление которых, очевидно, отстает от их прогресса. Именно рассмотрение, анализ этих на первый взгляд очевидных «благ» и производятся в иносказательной форме в антиутопиях. Потому что в борьбе за жизнь человечества,

---

[310] Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. М., 2018. С. 174.
[311] Там же. С. 175.
[312] Там же. С. 56.
[313] Там же. С. 87.

по мнению Сахарова, человеку необходима интеллектуальная свобода: получения и распространения информации, ее обсуждения, и свобода этого получения, обмена и обсуждения от авторитетов и предрассудков.

Первая часть романа Энтони Бёрджесса, представляя собой «воображаемое интервью» с Оруэллом, дает определенную возможность Бёрджессу прояснить некоторые положения Оруэлла. Он полагал, что довольно хорошо разобрал исходный текст и может представить на суд свои соображения, близкие к реальным мотивам и ответам Оруэлла. Так, например, он раскрыл наиболее известную версию происхождения формулы проверки свободы у Оруэлла, про возможность сказать, что дважды два четыре, а не пять, как было с пятилетками у Советов, что и вынесено в эпиграф «1985». Анализ получился во многом лингвистическим и смелым в отношение выводов к произведению Оруэлла и самому автору.

«1984» Оруэлла был запрещен до 1988 года в СССР по идеологическим причинам, как и «Скотный двор», воспринятый как открытая издевка над новым коммунистическим миром. Однако, Бёрджесс блестяще показал, что даже в ангсоце Оруэлла «…было больше английского, чем социализма»[314]. Подтверждает он это фактами художественного толка: обращением к старой денежной системе в стихотворной манере или разговоре о пинте, как идеальной мере жидкости у Оруэлла, которые отозвались для каждого англичанина – современника Оруэлла, потому что по мнению Бёрджесса «1984», безусловно, был о печальной английской реальности 1948 года.

Идея написания подобной ревизии «1984» Бёрджессом возникла в связи с приближением реального 1984 года и пониманием Бёрджесса, что в нем все будет иначе, нежели представил публике Оруэлл.

Моральным основанием для такой смелой книги для Бёрджесса стало двоемыслие Оруэлла, которое, как считал Бёрджесс, Оруэлл практиковал и в жизни. Дело касается не только того, что настоящее имя Джорджа Оруэлла – Эрик Артур Блэр, но вопроса нравственного, как его называет Бёрджесс, выбора – свободы. Бёрджесс обвиняет Оруэлла в том, что ради «борьбы» за свободу Оруэлл пытался

[314] Бёрджесс Э. 1985. М., 2018. С. 32.

заставить себя полюбить пролетариат и рабочего, но так и не смог этого сделать по-настоящему. При этом рабочий был нужен Оруэллу, поскольку лозунг «Интеллектуалы всего мира объединяйтесь»[315] не мог быть эффективным и вдохновляющим для по-настоящему большой массы людей, необходимой для борьбы за свободу.

«…война не должна заканчиваться»[316]. Так должен был охарактеризовать новый мир Оруэлл, по мнению Бёрджесса. Постоянное продолжение войны должно было восприниматься как само собой разумеющееся в кошмарах двадцатого века, открывшихся первым применением атомной бомбы. «Ты молил о хлебе насущном минимального комфорта, а тебе протягивали камень прогресса»[317] - таким лозунгом охарактеризовал время Оруэлл-Бёрджесс. Переделывая декларацию Джефферсона, исходя из принципов ангсоца, но не новояза, поскольку точнее, чем охарактеризовал это Оруэлл – мыслепреступление, это бы не получилось, Бёрджесс говорит о следовании не за пищей, а за ощущением, что она была и была съедена новым человеком. Тема внушения, о которой выше мы вспоминали в связи с Хаксли, звучит отголоском и здесь.

«Никто из нас не знает наверняка, насколько мы свободны на самом деле»[318]. Волнует Бёрджесса и другая антиутопическая дилемма, заключающаяся в том, что для автора однозначно добрый поступок и правильный не всегда один и тот же поступок.

Раскрывает Бёрджесс и новый виток социального противоречия. «В недоверии к государству или страхе перед ним нет ничего нового»[319]. «Современный человек между счастьем и свободой выбрал счастье, но мечтает о свободе – выборе, по которому может быть вынесено нравственное суждение»[320]. А «долг всех хороших государств – вернуть Рай и выжечь змея свободы»[321], потому что теперь таков выбор самого человека. Однажды он предпочел муки выбора счастью, теперь же он готов отречься от свободы, неизбежно обернувшейся страданиями. Но суть в том, что жизнь в цивилизации, по мнению Бёрджесса, должна быть адекватно сытой и довольно

[315] Бёрджесс Э. 1985. М., 2018. С. 39.
[316] Там же. С. 7.
[317] Там же. С. 23.
[318] Там же. С. 67.
[319] Там же. С. 85.
[320] Там же. С. 62.
[321] Там же.

скучной, таков ее порядок. Более того, он считает, что, «мы вопим, требуя все больших и больших свобод, и обычно их получаем»[322]. Но, «…свобода человека вступает в силу лишь тогда, когда он понимает природу этого дара»[323]. И тем не менее государство остается монстром, что логично по Бёрджессу, потому что не может быть благодетелем то, что существует на чужие деньги. Например, мы не свободны теперь, вторит он Хаксли, не приобретать образование.

И здесь Бёрджесс переходит к, пожалуй, наиболее интересному для нас столкновению. Рассматривая исторические корни антиутопии – «Мы» Евгения Замятина и исторические корни борьбы молодежи – теорию анархизма Бакунина, Бёрджесс выводит на первый план войну пубертатного периода и зрелости и пропасть между ними. Противостояние, переведенное из пространственного измерения – борьбы за территории и ресурсы - во временное измерение – молодость и старость, которое на самом деле и есть «вечная война».

Происходит это по причине, связанной со свободой. Взгляды молодежи на свободу таковы, что представляются зрелым людям как вседозволенность и потому требуют ограничения. «Молодые люди склонны к идеализму»[324], не имеют своей собственности и не разделяют стремлений своих родителей ею обладать, и им скучно государство. В этих ограничениях они видят корень зла, а отринув традицию, полагая что новое лучше старого и новое открывает возможность им проявить себя и разделить свои убеждения с единомышленниками, они получают анархию, которая открывает на самом деле, по мнению Бёрджесса, место лишь диктатуре. Диктату одного человека или группе – не важно, важно то, что люди окажутся в плену мнения немногих, разрушив государственную систему, позволяющую сохранить пока еще свободу выбора, как считает Бёрджесс. Отсюда и увлеченность современной антиутопией, которая позволяет не только найти единомышленников в обществе обособленных индивидов без боязни быть осмеянным, но и предлагающая разрушить порочную систему (что становится очевидным, исходя из критики реальности) современности, в которой зрелые люди боятся потерять нажитое и достигнутое. А делом, за которое

[322] Бёрджесс Э. 1985. М., 2018. С. 84.
[323] Там же. С. 97.
[324] Там же. С. 90.

готовы бороться студенты, например, «…становится та идея, которая в данный момент на слуху, а потому кажется наиболее важной»[325], вновь отзывается эхо «Скотного двора». Так они и сходятся врагами – рассудок и зрелость против момента, порыва, молодости.

Бёрджесс заключает, что «…нельзя отбирать фундаментальные человеческие права»[326],и для него уж лучше будет, если будут ходить по улицам хулиганы из «Заводного апельсина», чем индивиду остаться без свободы, в этом он видит цену современной ему свободы. «Трудно возлюбить врага своего, но трудность как раз и делает игру интересной»[327].

Перейдем ко второй части работы, где Бёрджесс представляет свою версию будущего порядка. Его мир – это мир, где «…реально то, что было по телику»[328] и даже «…дом был, где угодно, лишь бы там был телик»[329]. Банды подростков, стремящиеся к знанию, потому что эрудированность теперь антисоциальна, перекочевали из «Заводного апельсина» и продолжают нападать на людей, чьи «свободные деньки прошли»[330], потому что даже забастовка из акта самозащиты превратилась в принудительное оружие давления. Но такова культура, она, как порождение общества, должна транслировать общественные ценности. Труд превратился в неизбежное зло, а рабочий день в чистилище, потому что главное человеческое право – работать и получать адекватную зарплату. Долг остался в прошлом, теперь существуют только права, главное из которых возможность отказать в своем труде, т.е. забастовка, в результате которой главный герой и потерял свою жену, что вынудило его стать шпильбрехером, как бы сказал Хёйзинга, поневоле. Оставшаяся у него дочь, телезависимая, остановившаяся в развитии, которая плохо говорила, но хорошо потребляла, как и большинство детей, стала стимулом, как и умершая жена, чтоб сделать так, что забастовка не сошла с рук виновным. Но он не смог добиться своего, и хуже от борьбы было только главному герою. Утешиться

[325] Бёрджесс Э. 1985. М., 2018. С. 96.
[326] Там же. С. 120.
[327] Там же. С. 123.
[328] Там же. С. 157.
[329] Там же. С. 172.
[330] Там же. С. 149.

можно было разве что тем, что «у собак пока не было профсоюза»[331] и они не могли начать забастовку, и то это было лишь наблюдение, потому что права на знание все лишились, а настоящее невозможно даже до конца понять. «Сотрудничество – суть жизни»[332], в которой главное – ощущать равенство, по всей вероятности, равенство и беспомощность перед своей или чужой забастовкой. Бога заменил пластик, он тоже повсюду и неуничтожим, большого брата сменил Билл – символический рабочий. Задача лишь одна, чтобы выжить – нужно удовлетворять условиям.

Писатели потеряли свою возможность делать предсказания, но Бёрджесс решается все же предсказать, что, возможно, Оруэлл прав и не потребуется войны, одной ее угрозы будет достаточно. Однако, он верит, что будут неизбежно те, кто считает, что жизнь – не зарплата и бесполезные товары потребления, а «…жизнь – это красота, истина, духовные стремления, идеалы, эксцентричность…»[333]. И пусть жизнь скорее всего идет к тому, что исторический процесс сведется к формуле нищета – коммунизм – капитализм, и обычный человек за это время сменит множество телевизоров, но все прочие предметы быта останутся теми же вокруг него, но свобода, в которую мало кто верит и мало, кто понимает, для Бёрджеса главнее всего.

«Утопии противопоставляли дистопии, но оба термина попадают под утопическую шапку»[334]. И по мнению Бёрджесса утопия, как термин Мора, означает лишь вымышленное общество. Таким образом, плохое или хорошее, выдуманное общество всегда имеет в себе утопию, с разным вектором отношения к этому самому выдуманному обществу, подтверждая наши размышления о преемственности утопии и антиутопии.

4.2. Постклассические антиутопии: Д.Лессинг и Ф.Д.Джеймс

Прежде чем приступить к рассмотрению новейших антиутопий, стоит обратить внимание на то, что антиутопия за годы претерпела множество изменений. Антиутопия принимала необычную форму, реализуясь то в «потоке сознания», как это

---

[331] Бёрджесс Э. 1985. М., 2018. С. 296.
[332] Там же. С. 196.
[333] Там же. С. 292.
[334] Там же. С. 60.

происходит у Дорис Лессинг в «Воспоминаниях выжившей», то в детективе, как у Филлис Дороти Джемс в «Дитя человеческое». Это был необходимый способ выразить дополнительные чувства, придать дополнительный смысл своим антиутопиям, на фоне которых развивалось становление нового, другого человека. Обратимся к этим произведениям для того, чтобы попытаться установить, что нового принесли литературные искания в жанр антиутопии.

Антиутопия «Воспоминания выжившей» Дорис Лессинг была написана в 1974 году. Лауреат Нобелевской премии по литературе (2007 год), она избрала для своей антиутопии не только необычную форму, но и содержание. Давайте обратимся к детальному разбору.

Как мы отметили выше, «Воспоминания выжившей» имеют форму «потока сознания», зафиксированную в дневниковой оболочке, поэтому никакой логической преамбулы к повествованию и никакого объяснения по ходу него самого нас не ждет. «Все формы организации общества рушились, но жизнь продолжалась, и мы делали вид, что ничего не случилось, одновременно приспосабливаясь к новым условиям»[335]. Пожалуй, это все, что мы узнаем о ситуации, на фоне которой разворачивается антиутопия: ситуация будет ухудшаться и прогрессировать, но что произошло на самом деле – останется тайной. Точнее, это не тайна, ничего особенного не произошло, ни катастроф, ни войн, просто таков итог развития цивилизации, на ее взгляд. Акцент смещен в область чувств, переживаний главной героини, на попечение которой однажды оставили девочку Эмили и ее соображений о том, как живется в новом мире.

Постепенно, с течением времени, блага цивилизации – свет, водопровод, начали исчезать из жизни людей. С каждым днем становилось все больше грабежей и беззакония на улице, но власти это не заботило. Социальные комитеты и их деятельность по вопросам повышения денежного довольствия пенсионеров, когда деньги уступили место натуральному обмену, или вступлению в дискуссию с кочующими бандами, героиня назвала просто «Плевки против ураганного ветра»[336].

---

[335] Лессинг Д. Воспоминания Выжившей. СПб., 2013. С. 22.
[336] Там же. С. 25.

Заботы о том, что уже не имеет значения перед лицом по-настоящему глобальных проблем. Вопрос, почему так происходит, по мнению главной героини, имеет простой ответ. «Возможно, наше молчаливое согласие считать, что ничего…не происходит, объясняется тем, что истинный наш враг – реальность, потому что мы не желаем разрешить себе знать, что происходит»[337]. Нежелание принять реально происходящее не означает того, что это перестанет происходить или что влияние происходящего не будет реальным. «Но бывают моменты, когда игра, в которую мы условились играть не стыкуется с реальностью»[338]. Притворство в этой игре, как и в детской, играет ключевую роль, но, чтобы почва из-под ног не уходила, притворство и обычный порядок вещей человеку иногда необходимы, «…ибо остановиться и оглядеться – слишком мучительно, слишком болезненно…»[339]. Что до властей, то «антагонизм между «нами» и властями, деление на «они» и «мы» воспринималось как нечто само собой разумеющееся, и все мы воображали, что живем в анархическом обществе»[340]. «Трепачи. Бюрократы. И они поддерживали в себе и по возможности в других иллюзию, что ничего не случилось»[341]. Так продолжалось, одни делали вид, что ничего не произошло, и для них это было правдой, другие жили, в изменившихся обстоятельствах, пытаясь сохранять иллюзию того, что ничего не происходит, но «Официальные лица населению не доверяли»[342]. «Ситуация – конференция - резолюция»[343] - таким стало управление, потерявшее связь с реальностью, и «В основном все сходились во мнениях, приходили к выводу, что ничего не поделаешь, а стало быть, ничего делать не надо»[344], «Реальных решений мы избегали»[345].

Банды сменяли друг друга и становились все моложе. Разруха и упадок свирепствовали на мостовой, где они собирались, но бюрократическая машина не развалилась и исправно функционировала где-то там, «…приспосабливаясь к

[337] Лессинг Д. Воспоминания Выжившей. СПб., 2013. С. 23.
[338] Там же.
[339] Там же. С. 89.
[340] Там же. С. 9.
[341] Там же. С. 114.
[342] Там же. С. 56.
[343] Там же. С. 138.
[344] Там же. С. 90.
[345] Там же. С. 115.

событиям и притворяясь, что определяет их»[346]. Утопия, укоренившаяся в головах людей города тех времен – тихое доброе фермерское семейство. Реальность улиц оборачивалась массами подростков, собиравшимися вместе, чтобы «сделать прыжок из детства, порвать со свободой мечты»[347], и примкнувшим к ним семьям и отдельным взрослым. «Мало кто из собравшихся вообще существовал на свете, если придерживаться официальной точки зрения»[348]. Но они существовали, как существовали и вещи «…для которых более не находилось применения»[349].

«Изгои общества изобилия»[350], массы людей, у которых «…отсутствует личная ответственность и смещена личная точка зрения»[351], их индивидуальность размыта, «неличные», их общие впечатления полны альтернатив и свободы действий и проявлений себя, они «…не терпят одиночества, масса - их дом, их база самосознания»[352]. Главная героиня видела в них структуру, наблюдала логику их поступков, стараясь не оправдывать «…стремление старших запихнуть молодых в коробку с надписью: «Этого я не понимаю!» или «Это я отказываюсь понять!»…»[353], объясняя для себя это тем, что «…каждый был когда-то молод»[354].

Население, каждый в отдельности индивид, уже не задумывалось о смене правительства, им хотелось о нем позабыть. На улицах можно было узнать о том, что кто-то переехал и устроился, и они теперь «Там жили за нас. Жили и мы»[355], пытаясь получить и обменять информацию о продуктах или чем-то еще, информацию, которая «…стала чем-то вроде самостоятельной валюты»[356].

Главная героиня рассуждала о том, как будет развиваться жизнь дальше, предполагая, что, например, исчезнут половые табу, но возникнут новые, которые будет легче переносить, исчезнет собственность и заботы о ней, проблемы станут решаться сообща, наступит долгожданная «…свобода. Свобода от того, что осталось

---

[346] Лессинг Д. Воспоминания Выжившей. СПб., 2013. С. 189.
[347] Там же. С. 67.
[348] Там же. С. 190.
[349] Там же. С. 215.
[350] Там же. С. 129.
[351] Там же. С. 39.
[352] Там же. С. 40.
[353] Там же. С. 52.
[354] Там же. С. 52.
[355] Там же. С. 217.
[356] Там же. С. 55.

от «цивилизации» и ее оков. Бесконечно желанная свобода»[357].

Почему же так отзывается о цивилизации главная героиня, почему задается вопросом о том, не слишком ли высоко мы ценим цивилизацию? Отвечает на этот вопрос она другим вопросом: «вот сидим мы на развалинах этой ракетно-искуственноволоконной цивилизации – почему бы не поразмыслить, а нужна ли она, если приводит к таким результатам?»[358]. Действительно, вопрос очень трудный. Откуда такая уверенность, что человек будет продолжать делать вид, что ничего не происходит, когда средства обратятся против целей? Разве только также как в романе Лессинг, постепенно наступает кризис, невыразимый какими-то словами и не заключающийся в каких-то катастрофах, а являющийся будничным развитием и концом ценностей современного человека.

Кризис назревал постепенно, вероятно, и в романе «Дитя человеческое» Филлис Джеймс, опубликованном в 1992 году, но последствия его иные. Неожиданно, но прогнозируемо, дети перестали рождаться по всему миру, и не осталось беременных женщин. И так двадцать пять лет прошло и наступил 2021 год, в котором главный герой Теодор Фэрон, доктор философии, двоюродный брат Ксана Липпиата, правителя Англии, начинает писать свой дневник. Человечеству приходит конец, наступает катастрофа жизни, только человеческой, сожжены детские игрушки, коляски, разрушены детские площадки, школы заколочены, дети остались лишь записанными на пленку. Их место в сердцах людей заняли куклы, котята, которых некоторые крестят в церквях, или отчаяние. Какова теперь жизнь без будущего? Жизнь только в настоящем, прошлое не для кого и некому сохранить, потому что «история, которая изучает прошлое, чтобы понять настоящее и сопоставить его с будущим, - самая бесполезная наука для умирающего человечества»[359]. Стерильный секс стал все менее интересен населению, несмотря на открытие многочисленных порномагазинов. Став, как и штрафы за самоубийство молодых, накладываемые на семью, бесполезной мерой борьбы за будущее, которое мало для кого виделось светлым без человечества. «Романтическая и идеализированная любовь пришла на смену грубому плотскому

[357] Лессинг Д. Воспоминания Выжившей. СПб., 2013. С. 176.
[358] Там же. С. 88.
[359] Джеймс Ф.Д. Дитя человеческое. М., 2008. С. 22.

удовольствию…»[360]. Удовольствие теперь заключалось в другом, например, в гольфе, который «стал теперь национальной игрой»[361], гарантированное от правителя удовольствие каждому гражданину Англии. Официальным режимом стала диктатура правителя и его совета, режим, «…сочетающий в себе постоянную слежку и всеобщую вседозволенность»[362]. Он был одновременно строг и бескомпромиссен, как, например, в вопросе необходимости всем пройти два двухнедельный курса по выживанию на случай, если они выживут после гибели цивилизации, выбор курсов был при этом свободным: «Ксан всегда проявлял мудрость, давая право выбора в делах, где выбор не имел никакого значения»[363]. «…цивилизации возникают и рушатся, а человек остается»[364], но на этот раз, пожалуй, и человеку приходит конец. «Незнание прошлого унижает человека, без надежд на будущее он становится диким зверем»[365]. Люди превратились в мулов, лишенные наследников, они все же несут свою ношу.

Но что остается людям? То, что им обещал правитель: «свобода от страха, свобода от нужды, свобода от скуки»[366], который считает, что без «…первой остальные свободы бессмысленны»[367]. В разговоре с Тео, Ксан четко дает понять, что осознает, что такое управление, и понимает, например, что «когда великодушны правительства, это происходит на чужие деньги, за счет безопасности, за счет будущего»[368], так же как понимает, что критика Тео выдает в нем человека, который жаждет достижения цели без заботы о средствах, не желая понимать, что средства не всегда могут нравиться, а иногда и не должны. При этом, «номер телефона совета известен каждому гражданину. Эта явная доступность была частью проводимой Ксаном политики»[369]. Правитель при этом не лишен своих взглядов, полагая, например, что «…если у нас есть выбор, не следует разрешать размножаться тем, кто имеет криминальное прошлое или чьи семьи не в ладах с законом»[370], становясь таким образом, возможно, и сам причастен к тому,

[360] Джеймс Ф.Д. Дитя человеческое. М., 2008, С. 15.
[361] Там же.
[362] Там же. С. 21.
[363] Там же. С. 49.
[364] Там же. С. 116.
[365] Там же. С. 136.
[366] Там же. С. 126.
[367] Там же. С. 134.
[368] Там же. С. 135.
[369] Там же. С. 292.
[370] Там же. С. 142.

что человечество находится перед лицом гибели.

Но не всех устраивает то, что предлагают людям Ксан и его совет. Пятеро человек (как и число людей в совете), называя себя «Пять рыб», имея совершенно разные мотивы для борьбы с Ксаном, сходятся в одном: требуют для себя и других людей от государства сострадания, справедливости, любви. Требуют они это в своих листовках, которые они прислали каждому жителю Лондона и в актах неповиновения, устраивая взрывы церемоний. Но их деятельность легко удается скрывать, не придавать гласности эти новости, «не озвучивайте их и все»[371] - гласит рецепт обеспечения свободы от страха одного из членов совета.

«Пять рыб» требуют от правителя Англии пять вещей. Отмены тестирования мужчин и женщин на пригодность к деторождению и закрытия оскорбительных порномагазинов. Прекращения депортации всех осужденных за любое преступление на отдельный остров, где творится беззаконие. Отмены церемонии «успокоительного конца», на которых старых жителей фактически убивают, поскольку они представляют собой обузу для общества, где ресурсы ограничены. Назначения всеобщих выборов и оглашения политики перед народом. Предоставления «временным жителям» - мигрантам, равных с гражданами прав, достойной жизни и отмены их депортации по окончании трудового договора. Как сам Тео говорит, «Пять рыб» развлекаются игрой, более опасной чем гольф, при этом понимая, что Ксану «нужна видимость идущей изнутри угрозы общественному порядку. Она помогает поддерживать его власть»[372].

Но в борьбе за эти требования у «Пяти рыб» оказывается весомый аргумент: одна из участниц, как выяснится, беременна.

Тео, раздираемый внутренним несогласием с мнением Ксана: «Мы планируем ради планирования, делая вид, что у человечества есть будущее»[373] и любовью к Джулиан, одной из участниц группы, вынужден примкнуть к группе, когда одного из их членов схватили. Беременная Джулиан и «Пять рыб» с Тео пытаются бежать как можно дальше, поскольку Джулиан не хочет передавать ребенка в руки правителя Ксана - преступника, по ее мнению, хотя на этом настаивает Тео, зная Ксана лично.

[371] Джеймс Ф.Д. Дитя человеческое. М., 2008. С. 170.
[372] Там же. С. 196.
[373] Там же. С. 143.

Потенциальный отец, Ролф, также против Ксана и видит в ребенке инструмент для захвата власти себе, против чего выступает Тео, считая, что «…вы предлагаете заменить одну диктатуру другой. На сей раз справедливой. Все тираны так начинают»[374]. В походе группа теряет Льюка – священника и настоящего отца ребенка, страдавшего в детстве эпилепсией, потому непротестированного и Ролфа, который, не являясь отцом ребенка, попытался выторговать для себя у совета помилование, предав группу. Кончилось тем, что отчаявшийся из-за потери дочери и брака Тео и живущий своими маленькими радостями – лекциями, музеями, едой и напитками, убил Ксана и взял его кольцо – символ власти, став правителем Англии, взяв на себя заботу о Джулиан, которая родила мальчика, а совет принял их.

«Итак, все начинается сначала»[375] - подводит итог своему роману Джеймс, но каким будет новый мир остается загадкой. В любом случае, она пыталась показать и «…доказать, что добро может проистекать из зла, но куда труднее доказать, что зло может проистекать из добра»[376], и если человек не осознает это, то потенциальная катастрофа мира, которую описала Джеймс, заключающуюся в гибели не мира, а только человеческого мира, человека как вида, гораздо реальнее, чем может показаться.

В постклассических антиутопиях предстают все новые версии того, как будет выглядеть фигура шпильбрехера в будущем: от нового протеста в виде беспомощной деятельности по сохранению старых правил при новом порядке, до борьбы, которая покончит с диктатом. Но вот что будет дальше – такой же диктат или что-то иное пока остается для нас загадкой, возможно.

4.3. Антиутопии XXI века: Ф. Рив и Д. Митчелл

Третье тысячелетие открывает роман Филипа Рива «Хроники хищных городов», точнее, первая книга этого цикла под названием «Смертные машины», вышедшая в 2001 году. Эта антиутопия получила свое заглавие по цитате из пьесы У.Шекспира «Отелло» и продолжила таким образом английскую традицию неизменно обращаться к

[374] Джеймс Ф.Д. Дитя человеческое. М., 2008. С. 223.
[375] Там же. С. 316.
[376] Там же. С. 296.

У.Шекспиру почти во всех антиутопиях напрямую или отсылками, как здесь.

«Движение – это жизнь! Поможем Гильдии инженеров держать Лондон в движении!»[377] - гласит плакат на одном из семи ярусов Лондона, не считая подбрюшья. Движение – жизнь, говорил Аристотель, не предполагая, что в будущем в результате шестидесятиминутной войны с применением атомных бомб и снарядов с вирусами все города встанут на ход. Лондон – на гусеничный, другие поднимутся в небо, третьи спустятся на воду, и все отправятся за ресурсами, благословляемые Богиней движущихся городов– Перепатетией.

Новые люди, справедливо замечающие, что «катящийся город мхом не обрастает»[378], в результате этого потеряли многие технологии и тайны прошлого, такие как «…летательные аппараты тяжелее воздуха и лапша быстрого приготовления»[379]. Теперь они живут по принципу муниципального дарвинизма: «…большие города поглощают маленькие, а те – еще более мелкие, а самые крохотные городки поедают мизерные неподвижные поселения»[380]. На поверхности же действует один принцип: «что нашел, то твое…»[381]. Причем что или кого не имеет значение. Города различны по размеру, некоторые из городов – пираты, некоторые движутся благодаря рабской силе. Как и Лондон, в машинном отделении которого работают лишь преступники – «мелкие кражи, уклонение от налогов, критические высказывания в адрес лорд-мэра»[382], «им не требуется медицинское обслуживание»[383], меню их составляет эксперимент по изготовлению вкусных и питательных блюд из отходов, «…заключенных только этим и кормим. К сожалению, они постоянно умирают. Но это, несомненно, временные трудности»[384]. И, конечно, от всех пережитков прошлого нужно отказаться, «инженеры утверждали, что волосы – ненужное излишество, пережиток статичной жизни прошлого…»[385], у жителей верхних ярусов, волосы, однако, были роскошные.

В такой атмосфере мы встречаем нашего главного героя – Тома Нэтсуорти,

---

377 Рив Ф. Хроники хищных городов. Книга 1: Смертные машины. СПб., 2018. С. 24.
378 Там же. С. 202.
379 Там же. С. 34.
380 Там же. С. 20.
381 Там же. С. 95.
382 Там же. С. 167.
383 Там же. С. 169.
384 Там же. С. 166.
385 Там же. С. 191.

ученика – историка, жителя Лондона и работника Лондонского музея, хранящего многие древности прошлого – керамику, образцы олд-тэка – цивилизации электроники, или статуи «…Плуто и Микки – божества с головами животных, в которых верили в давно погибшей Америке»[386]. Книга посвящена его приключениям и пересмотру им идеалов, которые для него казались незыблемыми и очевидными.

Здесь, в Лондоне, как и в Дивном новом мире люди разделены и имеют цвет в одежде, соответствующий их гильдии, в чем непосредственно усматривается традиция. Гильдий четыре – купцы, заведующие денежными вопросами, навигаторы – картами и маршрутами, инженеры, которые полагают, что за ними будущее, девиз которых «все в дело сгодится»[387] - отвечают за машины, это самая могущественная гильдия, последняя – историки, их дело история, которая «…не менее важна, чем кирпичи, железо и уголь»[388], но они единственные, кто это осознает. Лондон на гусеницы поставил инженер Николас Квирк, которого жители Лондона поминают так же часто, как Форда поминают жители Дивного нового мира. Лорд-мэр Кром, инженер, собирает оружие - Медузу, которое поможет, по его мнению, Лондону покончить с Землей, а затем поглотить Марс, Венеру и астероиды.

Его противниками является Лига противников движения, которая выступает против движения городов в принципе. В результате их столкновения гибнет Лондон, у которого вдобавок к оружию появилась армия рабов-сталкеров-воскрешенных, умерших людей, чей мозг был помещен в роботизированное тело и которые подчинялись воле Крома. Погибает так же и Лига, чей флот был уничтожен. Виновен в этом и Том, который с друзьями и врагами покончил с оружием Лондона. Но первопричина – увлечение олд-теком: «история позволяет учиться на опыте бесчисленных столетий, а их интересуют только машины…» - констатирует и предупреждает нас профессор истории.

Вопрос вины в гибели Лондона и его привычной жизни - один из центральных в книге. Кто виноват, Том, который верил, что Лондон красив и прекрасен, только живя в нем, а покинув свой дом, осознал все его уродство, Кром – лорд-мэр, который хотел

[386] Рив Ф. Хроники хищных городов. Книга 1: Смертные машины. СПб., 2018. С. 16.
[387] Там же. С. 166
[388] Там же. С. 25.

спасти свой Лондон от мегаполисов, или Валентайн – правая рука Крома, убивший ради Медузы свою подругу и мать своего ребенка и покалечивший свою дочь, работники Крома, восстановившие машину, или древние, т.е. мы, создавшие культ машин и оружия?

Предостережение Рива ясно, остается только прислушаться к нему, чтобы в будущем, не пришлось ставить свои города на колеса, как всем «цивилизованным» людям.

«Мир вокруг менялся…но сейчас это происходило невероятно быстро, буквально на глазах»[389] - пишет, Рив, напоминая нам своей книгой, о чем можно позабыть в погоне за движением, средством, ставшим самоцелью. Несмотря на всю фантастичность произведения Рива, основной лозунг его имеет вполне реальную основу. Еще в 1970 году Элвин Тоффлер в книге «Шок Будущего» говорил о том, что «движение стало позитивной ценностью само по себе, утверждением свободы, а не только реакцией на окружающее или бегством от него»[390]. Тоффлер также отмечает, что современному человеку удается ощутить свободу только за счет «свержения тирании географии» и привязанности к определенному месту. «Свобода от закрепленного социального места настолько тесно связана со свободой от закрепленного географического места, что когда супериндустриальный человек чувствует, что жизненные обстоятельства тяготят его, его первым побуждением бывает поменять свое местонахождение»[391]. И, конечно, символом этой свободы для европейского и американского человека выступает автомобиль – личное средство господства над внешними обстоятельствами. Так что, исходя из логики Тоффлера идея Рива о том, что города встанут на колеса, выглядит вполне реалистичной, по крайней мере мотив таких перемен имеется уже сейчас.

В контексте исследования нас интересует лишь антиутопическая часть романа Дэвида Митчелла «Облачный атлас», впервые опубликованного в 2004 году называющаяся Оризон Сонми-451.

Люди мира будущего разделены от рождения. В нем есть чистокровные люди,

[389] Рив Ф. Хроники хищных городов. Книга 1: Смертные машины. СПб., 2018. С. 267.
[390] Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2004, С. 99.
[391] Там же.

рожденные по-настоящему и фабриканты, создаваемые клоны разных типов, расплачивающиеся за долг ценою в жизнь в течение некоторого времени усердным услужением Ни-Со-Копросу, который «основан на справедливой коммерции»[392]. В мире действует корпоратический мировой порядок, для чистокровных в мире распространена потребительская религия, крестятся они знаком доллара, изобретены лекарства от многих болезней, все продукты модифицированы по геному на сто процентов, для поддержания молодости изобретены таблетки свежести, для избавления от зависимости от таблеток свежести также изобретены таблетки, любые изменения лица и фигуры возможны у лицеправов. Задача чистокровных лишь работать, тратить и работать, и впитывать товары и услуги из всевозможных киосков полную десятидневную неделю, расплачиваясь за это долларами из своей души – специального яйца-паспорта чистокровных, необходимого для контроля и слежения за ними, задача же фабрикантов только работать. «У чистокровных в глазах видна всегдашняя неудовлетворенность потребителей»[393]. Для чистокровных действуют определенные Статуты Обогащения: «потребители должны каждый месяц тратить фиксированную квоту долларов, которая зависит от того, к какому они принадлежат слою. Накопление является преступлением против корпоратии»[394]. Чистокровные платят за все водной, воздушной и земной корпоратии, даже за пол своего ребенка. Но, если средств не хватает, тебя отправят в Хвамдомгиль – место, где все убого, или сделают укол эвтаназии, если на него хватит долларов на счете души. Фабрикантов же чистокровные видят, но редко на них смотрят. «Фабриканты – рабы, совершенные организмы, которые не могут никуда бежать и угасают без мыла корпоратии через 48 часов»[395], мыло – это их специальная еда. У них нет душ, они имеют ошейник, ее имитирующий, который по окончании эксплуатации фабриканта удаляют. У них нет ни прав, ни средств выражать свои чувства. Они «…сориентированы так, чтобы ни по чему не скучать»[396]. Единство Хаксли здесь заменили силы единодушия, которые представляют собой не только полицию, но и иронию Митчелла, с учетом того, что

[392] Митчелл Д. Облачный атлас. СПб., 2018. С. 469.
[393] Там же. С. 449.
[394] Там же. С. 313.
[395] Там же. С. 441.
[396] Там же. С. 314.

мир Сонми - это мир, где душа – банковский лицевой счет.

Для чистокровных и для фабрикантов существует свой катехизис – свод правил, как необходимо вести себя и действовать в определённой ситуации. Седьмое положение Катехизиса чистокровных гласит: «Ценность души определяется имеющимися в ней долларами»[397]. Катехизис фабрикантов зависит от места их работы, из романа нам более-менее известен катехизис работников ресторации, где служила главная героиня Сонми-451. «Для фабрикантки отдых — это кража времени»[398]. Большинство положений Катехизиса ресторации Папы Сона, где работала Сонми-451, для фабрикантов содержит инструкции к приветствию и взаимодействию с чистокровными, но вот 3-е положение запрещает фабриканту обладать чем-либо, даже мыслями, а 2-е положение путем витиеватой логики дает инструкцию как быть счастливым: я счастлива, когда папа любит меня, папа любит меня, когда я повинуюсь Катехизису. 6-е положение: за каждый год службы получаешь звездочку, за двенадцать звездочек ты свободен к экзальтации – процессу вживления души и становлению настоящим потребителем далеко на Гавайях. «Священное – это прекрасное укрытие для кощунственного»[399] — это справедливо для катехизиса как чистокровных, так и фабрикантов. Единственное в чем они равны это в своей несвободе выбирать свою жизнь и хоть что-то в ней.

Сонми-451 - первая стабильная вознесенная фабрикантка, «…девушка, женщина, в смысле личность, веха в истории науки»[400]. Фактически она эксперимент Союза – организации, противоборствующей Ни-Со-Копросу, по наделению фабриканта-клона интеллектом в процессе планомерного и последовательного обучения тому, что может уметь чистокровный. Сонми, наблюдавшая эксперимент первоначально со стороны на примере своей сестры Юны-939, вознесение которой прошло не столь успешно и закончилось смертью, смогла избежать ее ошибок и стать первой стабильной вознесенной. Сны - единственное, что когда-либо по-настоящему принадлежало Сонми-451. Признаки ее вознесения – голос разума, развитие словарного запаса,

[397] Митчелл Д. Облачный атлас. СПб., 2018. С. 441.
[398] Там же. С. 245.
[399] Там же. С. 462.
[400] Там же. С. 309.

любознательность и отчужденность от остальных. Постепенно она стала осознавать, что, если люди не замечают различий в фабрикантах, это не значит, что их нет, точно так как, как мифом является то, что у фабрикантов нет чувств, на самом деле нет права и способности их проявлять. Точно также она осознала, что фабриканты – самые несчастные из рабов, «…если под счастьем понимать преодоление несчастья, осмысленность, волю к власти…»[401]. Она единственная, кто видел экзальтацию и пережил ее, потому что на деле экзальтация – производство мыла и пищи для ресторацій из уже отработавших себя фабрикантов, своеобразный круговорот формы мыла в корпоратии. На определенном моменте она один из немногих живых, кто знает эту страшную тайну корпоратии. Но, «…то, что чудовищно, не обязательно является невозможным»[402].

Но все же для успешного функционирования корпоратии недостаточно катехизисов и потребления, необходимы и враги. Союз обеспечивает Ни-Со-Копрос, в котором «…нет сообществ, только государство и взаимно подозрительные слои»[403] врагами для социальной сплоченности этого иерархического государства, в котором, по мнению Сонми-451 вся иерархия может быть шаткой и основываться лишь на разном доступе к знанию. Ведь исторический дискурс в Ни-Со-Копросе под запретом, при этом архивация всего исправно финансируется и ведется, но не раскрывается, чтобы не противоречить и не соперничать с Массмедиа, заполонившими все своими РекЛами (рекламой), даже Луну, на которой по ночам их транслируют. Сонми-451 приходит к выводу, что «…подлинная иллюзия – это…настоящее, а не мы…»[404], имея ввиду под «мы» факты прошлого, то есть нас. Резюмируя, что «и тогда, и сейчас антиутопия порождалась бедностью, а не государственной политикой»[405], а намеренное скрытие истории не антиутопия, а именно политика. Прочитанных, Хаксли и Оруэлла, Сонми-451 называет и вовсе оптимистами.

«Мы – это лишь то, что мы знаем…»[406]. Но под знанием Сонми-451 понимала

[401] Митчелл Д. Облачный атлас. СПб., 2018. С. 252.
[402] Там же. С. 469.
[403] Там же. С. 449.
[404] Там же. С. 322.
[405] Там же. С. 323.
[406] Там же. С. 285.

свои собственные догадки и предположения, смело поместив свою игру в игре Ни-Со-Копроса, единственная стратегия которого отрицание всего.

Весь эксперимент с Сонми-451 был нужен корпоратии для того, чтобы чистокровные не доверяли ни фабрикантам, никому другому, кроме государства, которое заботится об удовольствиях своих граждан. Сонми-451 удалось предугадать эту затею, и она пошла на нее осмысленно, понимая, что ее ждет казнь в доме света (что, безусловно, может быть, и лучше, чем стать вновь мылом), полагая, что как мученик, сотрудничающий со своими иудами, сможет добиться своей игры после игры корпоратии.

«Мы видим игру, которая развернется по окончании игры»[407], а игра Сонми-451 заключается в том, что корпоратия, сама того не подозревая, распространяет, пусть и в охранных целях кощунственный катехизис, придуманный Сонми-451. Даже в мечтах она не могла бы представить себе такого распространения своего катехизиса. «Правда единственная. Все ее «версии» суть неправды»[408], и Сонми-451 надеется, что ее катехизис поможет это понять людям и фабрикантам.

Именно правду о Ни-Со-Копросе, который поставил себя выше природы, которая причиняет гораздо больше неудобств, чем приносит выгод, в том числе природа и человеческая, пыталась распространить Сонми-451. Правду о том, что единственного чего добивается Ни-Со-Копрос это повелевать всем, став самым сильным, имеющим право на любой террор, поскольку: «…невежество порождает страх. Страх порождает ненависть. Ненависть порождает насилие. Насилие подпитывает дальнейшее насилие, пока единственным законом не станет все, чего пожелает самый сильный»[409]. А кто может быть сильнее государства, одного лишь обладающего всей полнотой информации, а не болтовней из рекламы?

4.4. Репрезентация антиутопии в современном кинематографе

Стоит признать, что, когда начинаешь пристально разбирать отдельные элементы современных английских антиутопий, непременно замечаешь множество отсылок к

[407] Митчелл Д. Облачный атлас. СПб., 2018. С. 475.
[408] Там же. С. 243.
[409] Там же. С. 469-470.

ранним произведениям и их взаимных пересечений. Первое, что можно отметить это традиция знаковых для антиутопий людей. Среди них, безусловно выделяется Уильям Шекспир, цитаты которого дали названия двум антиутопиям из числа рассмотренных, да и обычные отсылки, как это было у Бёрджесса в «1985». Вторым таким же популярным именем является имя Уильяма Морриса, которое встречается и у Бёрджесса, и у Джеймс, третьим таким именем является Джонатан Свифт, «Сказка бочки которого» так же, как и «Путешествия Гулливера» незримой нитью проходят через многие утопии и антиутопии Англии. Хаксли и Оруэлл стали нарицательными и упоминаются в большинстве современных антиутопий.

Характерна и преемственность мелких деталей и названий, как, например, город Танбридж, появляющийся то у Бёрджесса, то у Рива. Также, например, мы встречаем гольф как символ игры и развлечения у Хаксли и Джеймс. Сонми-451, вполне возможно свой номер получила в дань уважения идеям «451 градуса по Фаренгейту» Рэя Бредбери, американского фантаста и антиутописта, поскольку очень полюбила книги в процессе своего вознесения.

Все эти детали позволяют говорить нам о том, что между английскими утопическими и антиутопическими текстами существует своеобразный «диалог». В начале работы мы отмечали, что диалог – одно из свойств жанровой поэтики утопии, теперь же диалог в антиутопии приобрел больший масштаб. Все это свидетельствует о возможности признания интертекстуального характера антиутопического текста, в изначальном понимании интертекста по Ю.Кристевой, с первоначальной идеей М.Бахтина о «диалоге».

Тексты английских антиутопистов изобилуют цитатами, аллюзиями, иллюстрациями или пересказом отдельных идей или концепций предыдущих антиутопистов или утопистов. Это позволяет говорить об общем пространстве дискурса для всех включенных (осознанно или против своей воли) в него антиутопистов, что позволяет нам определить в сложных современных условиях, кого сами антиутописты признают «своими». Таким образом, мы имеем вполне рабочую гипотезу, которая требует проверки и отдельного исследования. Но все эти детали лишь мелкие штрихи к трем по-настоящему общим для всех темам произведений

антиутопической английской традиции – время и история, игра, свобода.

В каждом произведении из рассмотренных поднимается тема игры, притворства и шпильбрехерства. Именно трактовка игры и игровой концепции культуры – одна из главных основ данной работы позволяет получить дополнительный материал для исследования. Наша современная цивилизация, представленная как игра, порой очень жестокая и бессмысленная для обывателя, в гиперболизированной своей форме. Антиутопия становится популярной, когда еще можно от чего-то предостеречь, и есть время что-то исправить, а не ждать шпильбрехера, который нарушив правила пошатнет, поставит под сомнение справедливость системы или вовсе ее разрушит.

Применение понятия «игры» и игровой концепции культуры Хёйзинги позволяет подтвердить одно из важных положений данной диссертации. Как было показано, антиутопия рассматривается в данном исследовании как логическое продолжение утопии, как метаутопия. Сразу отметим, что это понимание относится к философскому осмыслению утопической традиции, что же касается литературоведческого анализа, идея разделения утопии и антиутопии как литературных жанров не оспаривается. Более того, хотелось бы добавить к уже сказанному, что для данного исследования антиутопия по своей форме относится к роману, утопия же по своей форме близка к жанру философского эссе, от французского «проба, попытка, испытание, проверка». Утопия - попытка при помощи умозрительного эксперимента дать возможность оценить другим законченные соображения автора по поводу наилучшего устройства общества. Однако, с точки зрения философского дискурса утопия и антиутопия относятся к одной традиции размышления на тему лучшего устройства общества.

Совершенным образом отличается, как мы увидели, подход к возможности построения и вере в идеальное состояние общества в реальности. Часть утопистов в это верит с оговоркой, что одна из особенностей английской утопии – невозможность принятия утопии в качестве прямого руководства к действию. Антиутопист же отрицает возможность построить идеальное общество, по этой причине мы его и назвали вслед за Й.Хёйзингой шпильбрехером, потому что он все же строит утопию из лоскутов реальности, и провозглашает ее идеалом, соответственно совершая акт притворства, за которым стоит на самом деле серьезное отношение к последствиям

многолетних утопических повествований. Именно соотношение игра-серьезность, меняющееся в отношение утопии, как ключевого момента таких произведений, позволяет нам говорить о преемственности размышлений антиутопистов относительно утопий. Хотелось бы так же заострить внимание на том, что игровая концепция позволяет определить отношение самих утопистов к своим проектам. Споры и версии о том, была ли игра изначально в основе утопии разрешаются положительным ответом исходя из проведенного анализа соответствия свойств игры и утопии.

Таким образом, игровая концепция культуры позволяет нам рассуждать об утопии как форме игры, антиутопии как продолжении утопии и притворной игре и выходе серьезности на первый план, таким образом подтверждая концепцию Й.Хёйзинги еще одним феноменом культуры, где его концепция отразила реальные изменения, как минимум в отношении свободы в утопии и антиутопии. Это подтверждает фигура шпильбрехера, который появляется в антиутопии как лирический герой (или их группа, или те, кто его окружают), как нарушитель правил игры (функционирования притворной утопии в антиутопии). Кроме того, нам удалось установить, что и сам автор является шпильбрехером по своей сути и отношению к утопии, при написании своей антиутопии закладывая и гиперболизируя изъяны современности в отношение будущего.

Время и отношение к нему также являются ключевым аспектом всех антиутопий. Это проявляется напрямую в ремесле как у Рива, главный герой которого из гильдии историков, или в форме интереса к истории и музеям, как у Джеймс и ее Теодора Фэрона, или Бева Бёрджесса из «1985». История представляется источником, который может научить, предостеречь, указать на повторяющиеся ошибки, объединить и сплотить, показать ценность жизни и ее краткость, проиллюстрировать яркими примерами ответственность за действия, последствия решений, которые когда-то казались верными.

В антиутопии, как и утопии ведется работа с тремя измерениями одновременно – настоящим, прошлым и будущим. Прошлое в случае утопии и антиутопии носит утилитарный характер, воспринимается как ценный ресурс, который может помочь и должен быть использован. Не стоит забывать, что в антиутопии мы – их прошлое, а их

настоящее - наше будущее.

Общим для утопии и антиутопии является негативное отношение к настоящему. В утопии настоящее критикуется, иногда в форме сатиры, за несправедливости реального мира, в антиутопии настоящее порицается, потому что в нем закладываются и развиваются тенденции, которые положат конец ценностям в обмен на минимальный комфорт (или того меньше, как в «1984») в будущем. Здесь важно подчеркнуть глубочайшее, фундаментальное различие: в утопии будущее воспринимается как надежда, что осознание прошлого и настоящего поможет в будущем установить справедливый порядок, в котором счастье человека стало бы главной целью. Не стоит забывать, что почти всегда утопия – некоторые напутствия, основные принципы, которые помогут будущему стать лучше. Будущее в антиутопии воспринимается как негативный итог развития негативных тенденций настоящего, это всегда яркая, хлесткая, объемная, образная, точная картина, наполненная причинно-следственными связями того, как что-то, с чем мирится человек сегодня, завтра обернется против него. Самое ценное, что есть у человека – это свобода, которой он может вовсе лишится, попутно потеряв любовь, основой которой многие антиутописты называют свободу.

Свобода – третий общий и, пожалуй, самый важный мотив всех антиутопий. Яркие образы пугающего будущего создаются для того, чтобы обратить внимание на то, чем может обернуться отказ от нее в пользу потребления, комфорта, защищенности и удовольствий. Проблема заключается в том, что, потеряв свободу, ты потеряешь и возможность определять свое потребление, устанавливать минимум комфорта, понимать защищен ли ты на самом деле, удовольствия будут также заданы.

«Собака – утопия волка, а электрическая лампочка – утопия газовой» - пишет Ф.Аинса, но как быть с тем, что волк обменял свою свободу на пищу и стал домашним? И можно ли считать, что собака как утопия волка предполагала современные контроль и ограничения, такие как намордник и чипирование? Не станет ли человек кем-то другим, обменяв страдания выбора, связанного с принятием всего, в том числе последствий, о чем пишет Бёрджесс, и с учетом того, что время нельзя повернуть вспять и изменить выбор, свободу быть несчастным и страдать, о чем пишет Хаксли?

Ответ антиутопистов очевиден: станет, и это обернется последствиями, о которых человек вообще не задумывается. Но проблема заключается в том, что хрупкому равновесию нашей жизни всегда угрожают последствия нашего выбора и наших действий. «Мы научились создавать и конструировать мощные технологии. Теперь больной вопрос – узнать об их последствиях. Сегодня эти последствия грозят уничтожить нас»[410], но нельзя, по мнению Тоффлера, дать продолжить буйствовать технологии в обществе, иначе это наверняка обернется трагедией, возможно антиутопической.

Когда мы говорили о свободе в утопии, мы отмечали ее инструментальный характер как ценности, сохраняющей ценности финальные. Рассмотрев достаточное количество антиутопических произведений и комментариев о причинах их появления, обобщив их, можно добавить еще одну причину: свобода трансформировалась из ценности инструментальной в ценность финальную. Таков может быть вывод на основе проведенного анализа.

Свобода, которая во времена популярности утопии мыслилась как средство для достижения счастья и, соответственно, в зависимости от времени и утопической концепции представлялась по-разному, в антиутопии стала одной из главных ценностей. Свобода стала синонимом счастья, мысль, которая не могла быть высказана в утопии, поскольку все были свободны в рамках закона и благих намерений, т.е. действовали одинаково, стала одной из главных в антиутопии. Современный человек, который увлечен ценностями антиутопии, жаждет мук и страданий выбора, как основы свободы в мире. В то время, когда большинство променяло свободу на комфорт, или то, что им называется, антиутопист жаждет вернуть себе свободу. Свобода, таким образом, стала для антиутопистов финальной ценностью в предложенной типологии.

Необходимо обосновать еще один очень серьезный пункт данного диссертационного исследования. Как следует из оглавления, были отделены антиутопии О.Хаксли и Дж.Оруэлла как классические (Р.Бакколини и Т.Мойлон называют их как классическими, так и каноническими[411]) от постклассических

[410] Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2004. С. 479.
[411] Dark horizons: Science fiction and Dystopian imagination. Edited by Rafaella Baccolini and Tom Moylan. London.,

Д.Лессинг и Ф.Д.Джеймс. Однако, основанием такого деления явилась не только историческая граница между ними, но в первую очередь концептуальная. Выше мы подробно рассматривали фигуру шпильбрехера в антиутопии, но необходимо отметить, что с течением времени изменилось значение, которое придает антиутопист этой фигуре. При столкновении системы и личности, их интересов, как это множественно проиллюстрировали О.Хаксли и Дж.Оруэлл, по их мнению, всегда победит система. Гармонизированная и отлаженная, антиутопия станет вечно воспроизводить себя и таким образом ознаменует конец истории. Если утопия ознаменует собой конец истории как высшая точка развития, то антиутопия ознаменует собой высшую точку вечной несвободы личности. Такова, как представляется основная мысль классической антиутопии: в борьбе с ней не одна личность не сможет ей противостоять, все шпильбрехеры будут повержены, исправлены, распылены.

Если обратиться к тем антиутопиям, которые мы назвали постклассическими, то можно заметить, что идея противостояния в них переосмыслена. Если Д.Лессинг пишет о необходимости противостояния, то Ф.Д.Джеймс и вовсе перед главными героями открывает возможности по изменению системы: появляется ребенок как символ новой жизни, и старый диктатор повержен.

В антиутопиях XXI века эта тема развита еще более остро, если Ф.Д.Джеймс только задается вопросом о том, что возможно необходимо бороться, то Ф.Рив и Д.Митчелл посвящают свои антиутопии тому, как можно бороться и победить.

Такова английская антиутопическая традиция, американская антиутопическая традиция, открывшись романом «451 градус по Фаренгейту» Р.Брэдбери сразу развивала идею возможности победы личности над системой и продолжает это делать в произведениях Д.Дэшнера «Бегущий в лабиринте» и «Голодные игры» С.Коллинз. Именно поэтому мы не отнесли английскую антиутопию XXI ни к одному из видов, потому что пока не ясно как будет развиваться эта, отчасти, романистическая идея о возможности победы личности над диктатом системы и к какому типу ее нужно будет отнести. Так или иначе эта метаморфоза очевидна: антиутопия трасформируется из

2003. Pp.1.

манифеста победы системы над личностью в размышления о надежде победы личности над диктатурой. Шпильбрехер, который был обычным нарушителем правил игры, становится таким образом личностью нового мира.

Антиутопистов чаще всего упрекают в том, что в их произведениях нет никакой метафизики общества после его разрушения. Этот упрек проистекает из непонимания главной задачи антиутопии. Задача антиутописта - воздействовать на читателя таким образом, чтобы предотвратить появление описанного общества. Метафизика будущего общества после уничтожения антиутопии их не волнует, поскольку даже постановка такого вопроса сводит их старания на нет. Получается люди допускают, что появление таких обществ норма.

Об этом много и подробно написал Хаксли в своем «Возвращении в Дивный новый мир», как страшит его перспектива реализации Дивного нового мира, как ужасает его скорость его приближения. ««Действительность» всегда предстает на горизонте будущего, где находятся желанные и страшащие, но в любом случае еще не определенные возможности»[412] - пишет Гадамер, именно над неопределенностью этих потенциальных будущих возможностей и пытаются работать антиутописты. Именно поэтому современные антиутописты все больше обращаются к подросткам, свободным от промышленной дисциплины, как пишет Тоффлер, которые еще не вписаны в общую систему современного общества и могут ее исправить, а также обладают деятельным потенциалом, лишены косности простой констатации того, что система и впрямь несправедлива. Ведь вопрос молодости, как пишет Бёрджесс, «Почему нет?», вопрос зрелости и прошлого «Почему?». Именно поэтому антиутопии прибегают к еще большей наглядности, реализованной в кино, чтобы эффект был более масштабным, как в отношении аудитории, так и интенсивности эффекта.

Антиутопических фильмов за историю кинематографа наберется много, большинство из них поначалу были британскими, но постепенно лидером производства стали США. Первый фильм, «Метрополис», режиссера Фрица Ланга появился в далеком 1927 году и был еще немым. С тех пор были экранизированы «1984» Оруэлла режиссером Майклом Андерсоном в 1956 году, затем появились «451

[412] Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики. М., 1988. С. 159.

градус по Фаренгейту» в 1966 году Франсуа Трюффо, «Заводной апельсин» Стэнли Кубрика в 1971 году, в 1979 году появился первый «Безумный Макс», Джорджа Миллера, получивший продолжение в 1981, 1985 и 2015 гг. В 1980 году был впервые экранизирован «О дивный новый мир» Хаксли, в 1982 году появилась экранизация романа Филипа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», в прокате получившая название «Бегущий по лезвию», поставленная Ридли Скоттом. Постепенно к 2000 году наступает расцвет антиутопических фильмов.

В 1997 году выходит «Гаттака» Эндрю Никкола, позже в 1998 году выйдет его «Шоу Трумана», затем в 2011 «Время» и в 2018 «Анон», таким образом, появляются режиссеры, специализирующиеся на антиутопическом жанре.

В 1999 году появилась первая часть трилогии «Матрица», поставленная Вачовски, получившая два продолжения в 2003 году, ставшая по-настоящему культовой и рассмотренная во множестве различных, в том числе научных, статей.

В 2001 году вышел в прокат «Искусственный разум» Стивена Спилберга, снятый по мотивам рассказа Б.Олдиса «Суперроботы живут все лето», а в 2002 вышел его фильм «Особое мнение», также посвященный антиутопической тематике будущего.

С тех пор появился «Эквилибриум» в 2002 году, режиссер Курт Уиммер снял его по мотивам «451 градуса по Фаренгейту» Брэдбери. В 2004 году по мотивам произведений Айзека Азимова был снят «Я, робот», режиссером Алексом Пройасом. В 2006 году был экранизирован графический роман Алана Мура ««V» значит Вендетта» Джеймсом Мак Тигом и ставший фактически феноменом современной культуры с его символом – Гаем Фоксом, как знаком сопротивления системе. В 2006 году Альфонсо Куарон поставил экранизацию «Дитя человеческое» по мотивам романа Ф.Д.Джеймс. В 2007 году был экранизирован роман Р.Мэтисона «Я - легенда» режиссером Фрэнсисом Лоуренсом. В 2008 году появился полнометражный анимационный фильм «ВАЛЛ-И» Эндрю Стэнтона, который можно назвать антиутопическим. В 2009 году был поставлен фильм «Суррогаты» по мотивам комиксов компаниии Top Shelf Productions режиссером Джонотаном Мостоу, также в 2009 появился фильм «Господин Никто», режиссера Жако Ван Дормеля. В 2012 году Вачовски и Тыквером поставлен фильм «Облачный атлас» по роману Дэвида Митчелла. В 2013 году была

экранизирован неопубликованный графический роман «Обливион» режиссером Джозефом Косински. В 2014 году был экранизирован роман Лоис Лоури «Дающий» режиссером Филлипом Нойсом под названием «Посвященный». В 2015 году экранизирован роман Дж.Г.Балларда «Высотка» режиссером Беном Уитли. В 2017 году появился фильм «Тайна 7 сестер» режиссера Томми Виркола. Также в 2017 году был экранизирован роман Дэйва Эггерса «Сфера» режиссером Джеймс Понсольдт. В 2018 году Рамин Бахрами в очередной раз экранизировал роман «451 градус по Фаренгейту».

2012 год открыл новый вид антиутопических экранизаций – экранизаций целых циклов книг. В 2012 году Гэри Гросс поставил первый фильм цикла романов Сьюзен Коллинз «Голодные игры», второй фильм «Голодные игры: И вспыхнет пламя» вышел в 2013 (реж. Френсис Лоуренс), третий «Голодные игры: Сойка-пересмешница. Часть 1» в 2014 (реж. Френсис Лоуренс), четвертый «Голодные игры: Сойка-пересмешница. Часть 2» в 2015 (реж. Френсис Лоуренс). Романы Вероники Рот «Избранная», «Мятежная» и «Преданная» получили экранизации в 2014 году – «Дивергент» реж. Нил Бёргер, в 2015 «Дивергент, глава 2: Инсургент» реж. Роберт Швентке, 2016 «Дивергент, глава 3: За стеной» реж. Роберт Швентке, четвертая часть так и не была выпущена. С 2014 году романы Джеймса Дэшнера также были экранизированы режиссером Уэсом Боллом: 2014 год «Бегущий в лабиринте», 2015, «Бегущий в лабиринте: Испытание огнем», 2018 год «Бегущий в лабиринте: Лекарство от смерти».

В 2018 году вышла экранизация Кристиана Риверса «Хроники хищных городов» по мотивам романа Филипа Рива, первой части его тетралогии.

Безусловно, это неполный список наиболее известных экранизаций, но и он очень впечатляет. Такое обилие произведений отчасти объяснял еще Тоффлер, когда говорил о том, что отношение между человеком и окружающими его вещами становится все более временным и краткосрочным. Отчасти это связано с его призывом создать целые фабрики по производству альтернативных версий будущего. «Сегодня нам нужны мощные новые утопические и антиутопические концепции,

которые смотрят вперед…»[413], пожалуй, сегодня можно говорить о том, что план Тоффлера выполняется, вопрос в том, выполняется ли цель, ради которой необходимо производить антиутопии: через будущее понять настоящее. Стоит признать, что это исследование пытается отчасти заняться осмыслением настоящего через будущее, а конкретно антиутопии.

По этой причине, мы предлагаем обратить внимание и на то, что антиутопический дискурс получил еще более широкое распространение в другом популярном жанре – в сериале. Речь в первую очередь идет о таких сериалах как «Мир Дикого Запада» и «Черное зеркало».

«Мир Дикого Запада», производимый с 2016 года, представляет собой историю того, как парк развлечений с автономными андроидами внутри, предназначенных для развлечения людей, превратился в нечто большее и оспаривает власть мира людей, подвергавших андроидов унижениям и убийствам.

«Черное зеркало» выпускается с 2011 года и рассказывает одну историю за один эпизод, серии не связаны напрямую. Этот британский сериал, который считается полностью антиутопическим, довольно подробно касается некоторых вопросов, напрямую рассмотренных в этой диссертации. Обратимся к иллюстрации некоторых эпизодов для того, чтобы показать уровень проникновения антиутопического дискурса в современную кино и теле индустрию.

1 сезон, эпизод 2-й «15 миллионов призов». Мир будущего. Человечество борется с проблемой лишнего веса, главный герой, как и другие люди крутит педали тренажера, чтобы заработать деньги и потратить их на развлечения, еду и избавление от рекламы в виртуальном пространстве. Главный герой Бинг, получивший от погибшего брата большое количество виртуальной валюты, услышав, как поет талантливая девушка Эби, покупает ей билет на шоу талантов, где Эби великолепно поет. Однако, она соглашается на участие в шоу эротического характера под давлением судей и специального коктейля. Бинг, раздавленный таким решением Эби, и тем, что она предала свою и его мечту, решает сам попасть на шоу и для этого экономит на всем, бесчисленно смотрит рекламу и работает до изнеможения. В итоге билет на шоу

[413] Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2004. С. 508.

у него, и он решает высказать всему миру свои обиды, рассказать о несправедливости системы и убить себя куском стекла прилюдно. Но судьи этого ему не позволяют, они дают ему свое шоу, в котором он с куском стекла выплескивает общий негатив общества и рассказывает о недостатках системы, при том, что он сам обогатился и педали больше может не крутить.

Все, будто в «Дивном новом мире» Хаксли, где над Дикарем смеются, как и над Бингом, когда тот хочет себя убить. Страдания человека вызывают лишь смех, они обесценились, ценны лишь доллары в душе, как у Митчелла. Бинг предал свою мечту или продал ее? Или система такова, что человек не может в одиночку ей противостоять и даже свободно себя убить? И чья же в этом вина?

1 сезон, эпизод 3-й «Все о тебе». Лиам испытывает сложности с работой. Технологический век не обходит стороной и самого человека, у многих теперь вживлен чип, записывающий воспоминания человека со звуком и позволяющий их воспроизводить при помощи пульта. Люди предаются теперь ностальгии по-новому, снова и снова переживая события, записанные, и всегда доступные. Но и хорошее может обернуться злом. Лиам подозревает свою жену в измене и благодаря технологиям удостоверяется в этом, несмотря на ложь жены узнает, что отцом его дочери может быть другой мужчина. Технологии позволяют ему теперь предаваться страданиям на новом уровне, без возможности освободится от этого кошмара. Если, конечно, не удалить чип.

Технологии будущего позволят человеку сохранять свои воспоминания. Это облегчит его жизнь или превратит в кошмар другого уровня? Будет ли человек свободнее, если перестанет быть свободен от своих навязчивых идей и воспоминаний?

Спецвыпуск 2014 год, «Белое рождество»

1-я часть дает нам представление о «Зет-Глазе», устройстве будущего, устройстве дополненной реальности. Героя Мэтта осудили за соучастие в убийстве в ситуации, когда он консультировал парня удаленно, и это привело к его смерти; узнав об этом жена Мэтта блокирует его в «Зет-Глазе» и больше не видит его и не слышит его, он лишь размытая фигура. Такова история, которой он делится с Джо, коллегой на отдаленной станции, куда они сосланы работать.

2-я часть: Мэтт рассказывает о своей настоящей работе, где он создавал цифровые копии сознания людей для помощи им. В попытках заставить цифровые копии работать и принять то, что они – копии, он подвергал их пыткам.

3-я часть: Джо решает рассказать Мэтту свою историю. Он был арестован за убийство. После смерти своей бывшей жены, которая, как выяснилось родила ребенка не от Джо, который не знал этого из-за ссоры и блокировки «Зет-Глазом». Узнав только после смерти жены правду и то, что тесть нарочно не давал возможности ему извиниться перед бывшей женой, он приходит в ярость и случайно убивает тестя.

Пролог: Скопированное, как во второй части, цифровое сознание Джо, отделенное от него самого, который, находясь в тюрьме не хочет совершать признание, рассказывает Мэтту все из 3-ей части и то, что дочь его бывшей жены замерзла насмерть из-за того, что он убил ее деда. Мэтт счастлив, ведь вся ситуация подстроена, чтобы вытянуть из Джо признательные показания. Мэтта отпускают, но он помечен как антисоциальный элемент и заблокирован для всех, и все заблокированы для него, и теперь, никто не видит его, и он не видит никого и не имеет возможности общаться.

Можно ли говорить о свободе там, где признание в преступлении выпытывают из электронной копии сознания? И есть ли смысл в свободе передвижения, если все твои социальные контакты невозможны? Новый этап в обеспечении безопасности граждан или новый виток потери личной свободы? А также новый уровень несвободы и пыток над скопированным сознанием, правомерность которого не выглядит такой уж однозначной.

3-й сезон, 1-й эпизод «Нырок». Лэйси Паунд как и большинство людей нового мира одержимы своим рейтингом. Рейтинг получают за любое действие, аналогично социальным сетям. Она хочет переехать в более престижный жилой комплекс, но ее рейтинг низок для него. Она решает поднять себе рейтинг тем, что выступит на свадьбе с речью в качестве подружки невесты у Наоми – человека с очень высоким рейтингом и по совместительству подруги детства Лэйси. В результате нескольких неудач, оценки Лэйси снижаются, ее рейтинг падает так, что Наоми больше не ждет ее на свадьбу. Все же, добравшись до празднества, Лэйси устраивает там скандал и попадает в тюрьму, где рейтинг больше не играет роли, и она вдоволь может ссориться

с другими. В ходе своего путешествия Лэйси узнает, что и людям с низким рейтингом есть место на Земле, и не каждый, у кого рейтинг низкий – плохой человек, многие из них ей готовы помочь бескорыстно, не требуя взамен высоких оценок.

История о том, как в погоне за внешними атрибутами, которые поначалу являются ценностями для людей, человек теряет себя. Он больше не свободен делать, что хочет и вынужден вести себя так, как от него требует его рейтинг. Но кому нужен и выгоден рейтинг, самому человеку или всей системе обезличенных рейтингов и оценок?

3-й сезон, 5-й эпизод «Люди против огня». Военная организация занимается уничтожением мутировавших людей, которых называют «тараканами». Каждый военный оснащен имплантом MACC с эффектами дополненной реальностью. Главный герой Койнанге при столкновении с тараканами повреждает свои имплант вирусом. В ходе зачистки выясняется, что MACC имплант влияет на восприятие военных и изменяет восприятие врагов, которые на самом деле такие же люди. Имплант меняет в сознании людей-врагов на монстров, чтобы их было легче убивать. Когда выясняют, что имплант Койнанге поврежден, его арестовывают, рассказывают правду о новой евгенистической программе по сохранению крови человечества, на которую Койнанге добровольно согласился работать, и шантажируют тем, что если он не согласится на стирание памяти, то ему будут вечно демонстрировать видео с кадрами, как он убивает людей. В конце нам демонстрируют кадры, как Койнанге уволился со службы с почестями и получил роскошный дом и ждет его в нем девушка из его снов. Но это лишь в его глазах, в реальности он стоит у расписанной граффити лачуги, такую цену он заплатил за стирание памяти и имплант.

Война – это мир, но как заставить убивать людей, если даже во время прошлых войн множество людей отказывались стрелять в себе подобных. «1984» Оруэлла переживает новое переосмысление о войне в этом эпизоде «Черного зеркала». К тому же как еще эффективнее сплотить разрозненных современных людей, кроме как дать им общего врага, что лишний раз доказывает наглядное применение теории Карла Шмидта на практике. Кроме того, соглашаясь на имплантирование Койнанге, конечно, не знал о всех его эффектах. Можно ли назвать его свободным человеком со свободной

волей, если его имплант преобразует его видение реальности, когда же сам Койнанге не знает, что происходит на самом деле? Никто из нас не знает наверняка, насколько он свободен на самом деле – писал Бёрджесс, и сериал дает нам лишь дополнительный сюжет для подобного размышления.

4-й сезон, 3-й эпизод «Крокодил». Спустя 15 лет Мию, главную героиню эпизода, настигают призраки прошлого. Сейчас она счастлива, у нее успешная карьера и счастливая семья, но 15 лет назад она помогла своему другу Робу скинуть труп, сбитого ими велосипедиста в озеро, хотя была против этого и предлагала вызвать скорую. Роб находит Мию и предлагает ей написать анонимное письмо вдове велосипедиста, которая все еще разыскивает его. Миа не согласна, опасаясь, что их могут вычислить по письму, они ссорятся и Миа ненароком убивает Роба. Обеспечив себе алиби, она вывозит тело Роба из отеля, становясь свидетелем того, как беспилотный грузовик сбивает мужчину.

Этот мужчина обращается в страховую компанию за выплатой, считая, что грузовик виноват в случившемся. Страховой агент Шазия, используя специальный прибор сканирует память свидетелей, но точно не может установить виновника. Но видит в воспоминаниях одного из свидетелей Мию и отправляется к ней. Боясь, что тайна раскроется, Миа решается свидетельствовать, но раскрывает свои воспоминания слишком подробно и вынуждена убить Шазию. Просканировав ее воспоминания, Миа узнает, что муж Шазии знал, что она едет к Мие. Миа решает поехать к нему и убивает его, но ее лицо видит сын Шазии и боясь быть раскрытой, она убивает и его. В итоге полиция раскрывает убийство благодаря воспоминаниям морской свинки, видевшей Мию, а сын Шазии оказывается был слепым и стал совсем уж напрасной жертвой.

Эта история будущего о том, что люди хранят много тайн и сделают многое, чтобы защитить свое прошлое. Но вот в чем вопрос: технические средства виновны в том, что Мие пришлось убить стольких человек? Или ее боязнь потерять то, что она имеет? Или страховые структуры, толкнувшие на убийства Мию, ради того, чтобы не выплачивать страховку пострадавшему? Или она виновата сама? Человек не таков, каким он кажется окружающим и не таков, каким он кажется сам себе, так каков он? Жертва своего окружения, обстоятельств, или он все еще пока ответственен за свои

действия?

Проблемы времени и свободы будущего, на наш взгляд, получили дополнительное рассмотрение в данном сериале, который можно напрямую отнести к антиутопическим. Он по праву продолжает британскую антиутопическую традицию, рисуя для нас новые предупреждения и опасности там, где кажется, что все говорит о пользе технических новшеств и отсутствии моральных дилемм.

Стоит отметить, что 5-й сезон данного сериала, а в частности 3-й эпизод «Рейчел, Джек и Эшли Два» явственно демонстрируют нам изменения, происходящие с антиутопией в современном мире. Речь о том, что в рамках сериала довольно сильно изменяется отношение к будущему: от негативного в первых четырех сезонах, оно трансформируется к пятому сезону в такое, где существует не только надежда, но даже уверенность в возможности победы личности над системой.

Необходимо сказать, что сериал, представляя собой рассуждение в основном одного автора – Чарли Брукера, демонстрирует удивительную солидарность с литературной антиутопической традицией: человек ищет выходы из самых трудных ситуаций, в которые сам себя помещает при помощи культуры, и не готов смириться с аксиомами Хаксли, Оруэлла и Замятина, пытаясь отыскать при помощи антиутопических рассуждений ресурсы человеческой природы для преодоления подобного будущего. Таким образом, антиутопичность таких произведений снижается, они все более «романтизируются», в них появляется несвойственная утопичная надежда на светлое будущее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное в данной работе диссертационное исследование было направлено на исследование проблемы свободы в английской антиутопии с точки зрения понимания антиутопии как философского продолжения развития английской утопической традиции.

Во введении к данной работе были обозначены цель, задачи, объект, предмет настоящего исследования, а также были представлены положения, выносимые на защиту. Кроме этого, в данном разделе была обозначена актуальность темы диссертационного исследования, рассмотрена степень разработанности данной области исследования, представлены методы исследования, его теоретическая и практическая значимость, указаны апробация и сведения о структуре данной работы.

В первой главе было представлено масштабное исследование утопии как феномена культуры. Необходимость исследования феномена утопии при изучении феномена антиутопии обуславливается их тесной связью и одним из вариантов понимания антиутопии как негативного понимания утопии.

Для тщательного исследования феномена утопии в первом параграфе первой главы были рассмотрены подходы к определению утопии, выявлены терминологические особенности, связанные с переводом греческого термина на латинский язык и возникшие, в связи с этим изначальные сложности в понимании утопии как «несуществующей страны» и «благословенной земли». Также выделены основные особенности утопического жанра, среди которых были отмечены:

- изображение общественного идеала;
- отгороженность и островное расположение утопии;
- вневременность утопического сообщества;
- вера в безграничные возможности человечества;
- рациональность и рационализация проблем как ключ к построению идеала.

Также в этом параграфе приводится трактовка понятия «классическая утопия».

Во втором параграфе первой главы приведены типологии утопий, которые стали одними из первых исследований утопий как феномена культуры. Рассмотрены

типологии Л.Мэмфорда, А.Свентоховского, В.П.Волгина, Е.Шацкого, Э.Я.Баталова, далее типологии дополнены системой Ф.Аинсы. Также воспроизведены пять основных функций утопии, представленные Э.Я.Баталовым.

В третьем параграфе проанализированы идеалы, ценности и особенности построения пяти классических утопических английских проектов: «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» Т.Мора, «Новая Атлантида» Фр.Бэкона, «Закон свободы» Дж.Уинстенли, «Республика Океания» Дж.Гаррингтона и «Вести ниоткуда» У.Морриса.

Во второй главе рассматривается свобода в утопии с различных позиций. В первом параграфе рассмотрены подходы к пониманию свободы в различные исторические периоды. Рассмотрена свобода в контексте жанровых особенностей утопии. Определен историко-культурный контекст формирования представлений о свободе английских авторов рассмотренных утопий. Рассмотрены концепции свободы пяти классических утопических проектов.

Во втором параграфе второй главы исследуются основные подходы к определению свободы – позитивный и негативный. Рассмотрен вопрос о признании свободного действия в том, случае если имеются и мотив, и ресурс для осуществления свободного поступка человека. Выявлены основные оппозиции свободы и проанализированы с точки зрения утопии. Установлено инструментальное значение свободы как ценности-средства для достижения счастья всех граждан, характерное для представленных утопических проектов.

Третья глава полностью посвящена непосредственному исследованию антиутопии. Первый параграф фокусируется на вопросах причин снижения популярности утопии в XX веке и подъеме популярности жанра антиутопии. Среди внешних причин были обозначены трагедии Первой Мировой Войны, Холокоста, Второй Мировой Войны, успешности движения нацизма и фашизма, а также попытка реализовать самый масштабный утопический проект на практике – формирование СССР. Внутренняя причина, заключающаяся в том, что утопия, впав в кризис по причине того, что была рассмотрена со всех позиций, превратилась в свою

противоположность – антиутопию. Для анализа этого превращения используется материал концепций Э.Я.Баталова, Ж.Бодрийяра, Р.Рорти и Й.Хёйзинги, чьи идеи об игровой концепции культуры, применяемые к утопии и антиутопии, являются одной из основ данной работы. Понимаемая изначально как форма игры утопия (что следует из терминологического анализа, анализа названия книги объектов у Т.Мора) проходит свою историю, встречаясь с понятием серьезности и серьезным отношением вместо игры, утопия трансформируется в притворную утопию или пастиш утопии, что одним словом можно назвать антиутопией. Фигура шпильбрехера, нарушителя правил игры, появляется в антиутопии и трансформирует философское произведение в роман, смещая фокус классической утопии с глобального – государства и общества - на личное – проблемы отдельного человека и его жизнь в потенциальной «утопии». Автор антиутопии, как и лирический герой, являясь по сути шпильбрехером распространяет новый вид отношения к утопии в антиутопии – серьезный и притворный одновременно.

Второй параграф рассматривает ценностное ядро антиутопии, которое строится на критике антиценности антиутопии – несвободе. В качестве концептуального материала для анализа используются работы М.С.Кагана, Ж.Бернаноса, П.Слотердайка, Э.Фромма, Л.А.Орнатской, В.Франкла. Они позволяют рассмотреть ценностные установки человека, пережившего обозначенные трагедии и столкнувшегося с экзистенциальным кризисом, где свобода становится одной из главных ценностей, при этом парадоксально обменивается на минимальный комфорт.

В третьем параграфе рассмотрены три известнейших английских антиутопических проекта – «О дивный новый мир» О.Хаксли, «Скотный двор» и «1984» Дж.Оруэлла. Рассматриваются ценности этих проектов в свете свободы и популярная теория о противоположности систем этих обществ. При помощи анализа, в т.ч. на основе концепции «Homo ludens» Й.Хёйзинги делается вывод о противоположности концепций только с точки зрения их формы. Анализируется суть концепций, приводится рассмотрение фигур шпильбрехеров в этих текстах.

Четвертая глава посвящена анализу антиутопий современного периода. Первый параграф посвящен первым попыткам рефлексировать над особенностями

классических антиутопических проектов О.Хаксли в его работе «Возвращение в дивный новый мир» и размышлением над системой Дж.Оруэлла в «1985» Э.Бёрджесса.

Второй параграф рассматривает более поздние концепции Д.Лессинг в «Воспоминаниях выжившей» и Ф.Д.Джеймс в «Дитя человеческое». Отмечается особенность этих произведений: новое значение шпильбрехеров в этих произведениях. Кроме того, выявлена новая форма рассуждения об антиутопичсеком будущем: собственно картина этого будущего открыта, уже нет однозначного ответа автора на вопрос о судьбе шпильбрехера, борьба против системы со стороны личности становится по-настоящему возможна.

Третий параграф рассматривает наиболее современные английские антиутопии на предмет проблемы свободы в них. Анализируются «Хроники хищных городов. Книга 1: Смертные машины» Ф.Рива и «Облачный атлас» Д.Митчелла, раздел «Оризон Сонми-451». При рассмотрении этих концепций становится очевидно, что антиутопия в XXI веке вновь трансформировалась, как и фигура шпильбрехера в ней. Более того концепция игры в игре как основы антиутопии получила развитие в «Облачном атласе», поставив вопрос о борьбе личности в столкновении с системой новым образом, констатируя возможность победы в таком противостоянии путем игры с игрой системы, которая не воспринимает эту деятельность шпильбрехера как игру.

Четвертый параграф рассматривает влияние литературной антиутопии на современный кинематограф. Оценивая значительную популярность антиутопии в кино, можно сделать некоторые выводы о проникновении этого жанра в еще более актуальную сферу массовой культуры – сериалы. Рассмотрение избранных эпизодов «Черного зеркала» демонстрирует прямую традицию между английской антиутопией, которая имеет в своем основании черты не только пастиша, но и интертекстуальности, цитируя классические утопические и антиутопические произведения в иносказательной форме.

Проведенное таким образом исследование позволило иным образом взглянуть на проблему зарождения антиутопии, на ее различия с утопией и на проблему свободы в произведениях этих жанров.

ВЫВОДЫ

1. Утопические произведения могут быть отнесены к жанру философского эссе, антиутопические произведения по своей форме и содержанию относятся к романам.

   Как было показано, утопия и антиутопия в философском смысле исторически относятся к одной философской традиции. В этом смысле антиутопия является наследницей и преемницей утопической философской мысли, и с точки зрения философской традиции рассуждения о наилучшем устройстве общества антиутопия может быть названа метаутопией, поскольку исторически и терминологически следует после утопии, но имеет ряд концептуальных отличий, напрямую влияющих на форму рассуждения и его выводы.
2. Как показало исследование подходов к определению и пониманию свободы, при историческом повороте от феномена утопии к феномену антиутопии наблюдается изменение значения свободы для авторов данных произведений наряду с другими историческими причинами. Утопия рассматривает свободу как инструментальную ценность для достижения и сохранения финальной ценности счастья, антиутопия же рассматривает свободу как одну из финальных ценностей, таким образом свобода играет роль инструмента для достижения идеала в утопии и в разных формах выступает одним из идеалов антиутопии.
3. Критика реальности и исторической динамики развития социума в различных формах занимает обширное место в антиутопических произведениях, используя прием гиперболизации экстраполирует особенности современного развития и популярности идей на область будущего. Несвобода, как одна из главных антиценностей такого будущего общества является одним из главных объектов критики в антиутопии. Свобода, напротив, в иносказательной форме выступает одной из главных ценностей для антиутопистов.
4. Для современной антиутопии характерна интертекстуальность и применение

различных инструментов для осмысления английской утопической традиции и авторов, повлиявших на нее.

5. Основные понятия игровой концепции культуры Й.Хёйзинги такие как игра, притворство, серьезность, шпильбрехер и основные особенности развития этих элементов помогают рассмотреть исторический поворот от утопии к антиутопии при помощи дополнительных инструментов, которые помогают осмыслить этот исторический переход и понять его.
6. Одним из доказательств того, что гипотеза применения игровой концепции культуры в отношении утопии и антиутопии работает, является материал, полученный при помощи применения этого метода к анализу антиутопических текстов. Анализ демонстрирует, что метод дает нам практические выводы о трансформации самой антиутопии с периода первой половины XX века. Изменение отношения к будущему на примере «романтизации» текста антиутопии выявляет отсутствие статичности позиции оценки будущего, как одну из особенностей антиутопии. Многочисленные текстологические исследования и рассмотрение антологии сериала «Черное зеркало» однозначно подтверждают данную мысль: антиутопия трансформируется и в ней появляется надежда на приемлемое будущее, изначально нехарактерная для данного жанра.
7. Антиутопия, являясь наиболее полным и системным отражением всех антиценностей современного общества, позволяет оценивать состояние аксиосферы современного общества, выделять его финальные ценности, выявлять ограничения, а также, устанавливать исторические условия формирования этих ценностей и их значения начиная с эпохи Европейского Просвещения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аинса, Ф. Реконструкция утопии / Ф.Аинса. – М.: Наследие, 1999. – 207 с.
2. Андреев, Г.С. Аксиологический аспект современной английской антиутопии / Г.С. Андреев // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019»/ Отв. Ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2019. – 1 электрон. опт. диск.
3. Андреев, Г.С. Будущее свободы / Г.С. Андреев // Studia Culturae. – 2019. – N 39. – С. 151 – 158.
4. Андреев, Г.С. Историко-культурный контекст формирования представлений о свободе в английской классической утопии / Г.С. Андреев // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: «Познание». – 2019. – N 2. – С. 10 – 13.
5. Андреев, Г.С. Роль труда и его идеал в истории утопических идей: культурфилософский анализ / Г.С. Андреев // Общество: философия, история, культура. – 2019. – N 2. – С.63-66.
6. Андреев, Г.С. Современная антиутопия – утопия или реальность? / Г.С. Андреев // Studia Culturae. – 2018. - N 38. – С. 118 – 125.
7. Андреев, Г.С. Утопия как источник исследований образования будущего / Г.С. Андреев // Психология образования будущего: от традиций к инновациям: материалы III международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов / под ред. Д. псих. Н., проф. Н.В.Нижегородцевой. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. – С. 14-16.
8. Андреев, Г.С. Ценностный конфликт: становление антиутопии / Г.С. Андреев// Философская мысль. – 2019. – N 2. – С. 66 - 71.
9. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Академический Проект, 2008. – 351 с.
10. Баталов, Э.Я. В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах / Э.Я. Баталов. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.

11. Баталов, Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США / Э.Я. Баталов. М.: Наука, 1982. – 336 с.
12. Бауман, З. Свобода / З. Бауман. – М.: Новое издательство, 2006. – 132 с.
13. Бенуа, А.де. Против либерализма: (к Четвертой политической теории) / А. де Бенуа. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 476 с.
14. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин. Url:http://forlit.philol.msu.ru/Pages/Biblioteka_Benjamin.htm (12.12.19)
15. Бердяев, Н.А. Философия свободы / Н.А.Бердяев. Философия свободы; Смысл Творчества – М.: Издательство «Правда», 1989. – С. 12 – 28.
16. Берлин, И. Философия свободы / И. Берлин. – М.: Новое литературное обозрения, 2001. – 448 с.
17. Бернанос, Ж. Свобода…для чего? / Ж. Бернанос. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2014. – 288 с.
18. Бёрджесс, Э. 1985 / Э.Бёрджесс. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 320 с.
19. Бёрджесс, Э. Заводной апельсин / Э. Бёрджесс. – М.: АСТ, 2014. – 252с.
20. Блох, Э. Принцип надежды / Э. Блох. // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы.: под ред. В.А Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. С. 49 – 78.
21. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: «Добросвет», 2000. – 387 с.
22. Бульвер-Литтон, Э. Грядущая раса / Э. Бульвер-Литтон. Утопия XIX века. Проекты рая. – М.: Издательство АСТ, 2019. – С. 5 – 136.
23. Бэкон, Фр. Новая Атлантида / Фр. Бэкон // Классическая утопия: [сборник: переводы]: Т.Мор, Т.Кампанелла, Ф.Бэкон, С. Де Бержерак. – М.: Издательство АСТ, 2018. – С. 193-235.
24. Верас, Д. История севарамбов / Д.Верас. – М.: Издательство АН СССР, 1956. – 317 с.
25. Волгин, В.П. История социалистических идей / В.П. Волгин. Ч. 1. – М. –Л., 1928. – 299 с.

26. Выжлецов, Г.П. Аксиология культуры / Г.П. Выжлецов // Парадима: Философско-культурологический альманах. – 2008. – Вып. 11. – С. 47 – 61.
27. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс., 1988. – 704 с.
28. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
29. Горфункель, А.Х. Томмазо Кампанелла / А.Х. Горфункель. – М.: Либроком,2010. – 248 с.
30. Гройс, Б. О новом. Опыт экономики культуры / Б. Гройс. – М.: Ад Маргтнем Пресс, 2015. – 240 с.
31. Гройс, Б. Утопия и обмен / Б. Гройс. – М.: Издательство ЗНАК, 1993. – 375 с.
32. Гуторов, В.А. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории / В.А. Гуторов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. – 288 с.
33. Джеймисон, Ф. Посмодернизм и общество потребления / Ф. Джеймисон. // Логос. – 2000. – N 4(25). – С. 63 – 77.
34. Джеймс, Ф.Д. Дитя человеческое / Ф.Д. Джеймс. – М.: Аст, 2008. – 316 с.
35. Дин, Дж. Толпа и публика / Дж. Дин // Журнал Стасис. – Том 5. – 2017. – N 1 – С. 220 – 246.
36. Дэшнер, Дж. Бегущий в лабиринте / Дж. Дэшнер. – М.: Издательство АСТ, 2014. – 448 с.
37. Дэшнер, Дж. Испытание огнем / Дж. Дэшнер. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 320 с.
38. Дэшнер, Дж. Лекарство от смерти / Дж. Дэшнер. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 352 с.
39. Жижек С. Конец капитализма, конец истории? / С. Жижек // Журнал Стасис. – Том 5. – 2017. – N 1 – С. 20 – 35.
40. Замятин, Е.И. Мы / Е.И. Замятин. Избранное. – М.: Издательство «Правда», 1989. – С. 307 – 462.
41. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель. – М.: Strelka Press, 2018. – 112 с.

42. Зиммель, Г. Понятие и трагедия культуры; О сущности культуры; Изменение форм культуры; Кризис культуры; Конфликт современной культуры / Г. Зиммель. Избранное. Т-1. Философия культуры. – М.: Юрист, 1996. – С. 445-516.
43. Зиммель, Г. Индивид и свобода / Г. Зиммель. Избранное. Т-2. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – С. 193-200.
44. Каган, М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
45. Каган, М.С. Эстетика как философская наука / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 544 с.
46. Кампанелла, Т. Город солнца. О наилучшем государстве / Т. Кампанелла. – М.: Издательство АН СССР, 1954. – 226 с.
47. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Эксмо, 2011. – 736 с.
48. Каутский, К. Томас Мор и его утопия / К. Каутский. – М.: Либроком, 2011. – 304 с.
49. Колосков, А.Н. Назад к будущему: о консервативном дискурсе / А.Н. Колосков // Studia Culturae. – 2011. – N 13. – С. 94 – 98.
50. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. / Ю. Кристева. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с.
51. Лаврова, А.Г. Актуальность утопии как культурологическая проблема: дис. ... канд. культур. наук: 24.00.01 / Лаврова Анна Георгиевна – Челябинск, 2009. – 186 с.
52. Ласки, М. Утопия и революция / М. Ласки // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы.: под ред. В.А Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. С. 170 – 209.
53. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 384 с.
54. Лессинг, Д. Воспоминания Выжившей / Д. Лессинг. – СПб.: Амфора, 2013. – 223 с.
55. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк. Сочинения в 3-х томах. Т-3. – М.: Мысль, 1988. – С. 135 – 406.

56. Мамфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд. – М.: Логос, 2001. – 408 с.
57. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм. Избранное. Диагноз нашего времени. – М.: Юристъ, 1994. – С. 7 – 276.
58. Манюэль, Ф., Манюэль, Фр. Утопическое мышление в западном мире / Ф. Манюэль и Фр. Манюэль // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы.: под ред. В.А Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. С. 21 – 48.
59. Маркузе, Г. Конец утопии / Г. Маркузе // Логос. – 2004. – N 6(45). – С. 18 – 23.
60. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г.Маркузе. – М.: Издательство АСТ, 2003. – 138 с.
61. Милль, Дж. Ст. О свободе / Дж. Ст. Милль. Антология мировой зарубежной мысли (I половины XX века). – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 288 – 392.
62. Митчелл, Д. Облачный атлас / Д. Митчелл. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 704 с.
63. Мор, Т. Утопия / Т. Мор. – М.: издательство «Наука», 1978. – 416 с.
64. Морина, Л.П. Вещь как зеркало субъекта культуры / Л.П. Морина // Studia culturae. – 2018 – N 37. – С. 36 – 42.
65. Моррис, У. Вести ниоткуда, или эпоха спокойствия / У. Моррис. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – 332 с.
66. Моррис, У. Как я стал социалистом / У. Моррис. Искусство и жизнь. – М.: Искусство, 1973. С. 53 – 75.
67. Мортон, А.Л. Английская утопия / А.Л. Мортон. – М.: Иностранная литература, 1956. – 280 с.
68. Мортон, А.Л. Возникновение социалистической мысли в Англии // История социалистических учений. Сборник статей. – М.: Наука, 1962. – С. 34 – 57.
69. Морщихина, Л.А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 / Морщихина Лариса Александровна. – Архангельск, 2004. – 66 с.

70. Мур, А. V – значит vендетта: графический роман / А. Мур. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 416 с.
71. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 314 с.
72. Ницше, Ф. Воля к власти: опят переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. - 448 с.
73. Новгородцев, П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. – М.: Пресса, 1991. – 640 с.
74. Орнатская, Л.А. Массовая культура и «дух эпохи» / Л.А. Орнатская // Серия «Symposium», Российская массовая культура конца XX века., Выпуск 15/материалы круглого стола 4 декабря 2001 г. Санкт-Петербург.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 129.
75. Осиновский, И.Н. Томас Мор / И.Н. Осиновский. – М.: Мысль, 1985 – 174 с.
76. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 256 с.
77. Оруэлл, Дж. Англия и англичане / Дж. Оруэлл. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 320 с.
78. Оруэлл, Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 318 с.
79. Оруэлл, Дж. Скотный двор; Эссе / Дж. Оруэлл. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 256 с.
80. Павлова, Т.А. Народная утопия в Англии XVII века / Т.А. Павлова. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 1998. – 216 с.
81. Паниотова, Т.С. Архетип острова как мифологическая компонента утопии / Т.С. Панионова. Тезисы докладов научной конференции «Путь познания: общее и различное»., Ростов н/Д, 2004. – С. 79 – 93.
82. Панионова, Т.С. Генезис утопического дискурса: культурно-цивилизационный контекст: автореф. дис. док. … филос. наук: 24.00.01; 09.00.11 / Панионова Таисия Сергеевна. – Ростов н/Д., 2005. – 54 с.

83. Петруччани, А. Вымысел и поучение / А. Петруччани. // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы.: под ред. В.А Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. С. 98 – 112.

84. Платон. Государство / Платон. – М.: АСТ, 2016. – 448 с.

85. Проблема ценности в философии / Под. ред. А.Г. Харчева, Т.Н. Горнштейн, М.А. Кисселя и В.П. Тугаринова. – М.; Ленинград: Издательство «Наука», 1966. – 265 с.

86. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 1024 с.

87. Рив, Ф. Хроники хищных городов. Книга 1: Смертные машины / Ф. Рив. – СПб.: Азбука, 2018. – 384 с.

88. Рив, Ф. Хроники хищных городов. Книга 2: Золото хищников / Ф. Рив. – СПб.: Азбука, 2018. – 416 с.

89. Рив, Ф. Хроники хищных городов. Книга 3: Адские конструкции / Ф. Рив. – СПб.: Азбука, 2018. – 480 с.

90. Рив, Ф. Хроники хищных городов. Книга 4: Надвинувшаяся тьма / Ф. Рив. – СПб.: Азбука, 2018. – 640 с.

91. Рорти, Р. Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 282 с.

92. Сафрански, Р. Вольные вариации на тему свободы / Р. Сафрански // Позиции современной философии. – Вып.3 – 2004. – С. 57 – 66.

93. Сахаров, А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе / А.Д. Сахаров. Url:https://royallib.com/read/saharov_andrey/razmishleniya_o_progresse_mirnom_sosushchestvovanii_i_intellektualnoy_svobode.html#0 (12.12.19)

94. Свентоховский, А. История утопий. От античности до конца XIX века / А.Свентаховский. – М.: Либроком, 2012. – 448 с.

95. Свифт, Д. Путешествия Гулливера; Сказка бочки / Д. Свифт. – М.: Эксмо, 2009. – 592 с.

96. Святловский, В.В. Каталог утопий / В.В. Святловский. – М.; Петроград: Государственное издательство, 1923. – 102 с.

97. Слотердайк, П. Правила для человеческого зоопарка. Ответ на письмо Хайдеггера о гуманизме. Пер. с нем. Т. Тягуновой / П. Слотердайк. Url:http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/ (12.12.19)

98. Толстой, Л.Н. Война и мир / Л.Н. Толстой. Т-4., М.: Дрофа, 2006. – С. 360- 366.

99. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э.Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 557 с.

100. Тузовский, И.Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / И.Д. Тузовский. – Челябинск: Челяб. Гос. Акад. Культуры и искусств, 2009. – 312 с.

101. Уилсон, Д. А. История будущего / Д.А. Уилсон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 286 с.

102. Уинстэнли, Дж. Закон свободы / Дж. Уинстэнли // Утопический социализм. Хрестоматия., под ред. Володина А.И. – М.: Политиздат, 1982. – С. 103-126.

103. Фогт, А. Социальные утопии / А. Фогт. – М.: Библиотека самообразования, 2011. – 110 с.

104. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

105. Фролова, И.В. Утопия: сущность и развитие (опыт социально-философской концептуализации): автореф. дис. док. … филос. наук: 09.00.11 / Фролова Ирина Васильевна. – Уфа, 2005. – 40 с.

106. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 288 с.

107. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 221 с.

108. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? / Ю. Хабермас. – М.: Издательство «Весь Мир», 2002. – 144 с.

109. Хаксли, О. Возвращение в дивный новый мир / О. Хаксли. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 192 с.

110. Хаксли, О. О дивный новый мир / О. Хаксли. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 350 с.

111. Хаксли, О. Остров / О.Хаксли. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 512 с.

112. Хёйзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры / Й. Хёйзинга. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. – 416 с.

113. Хёйзинга, Й. Человек и культура; Об исторических жизненных идеалах / Й. Хёйзинга // Осень Средневековья. Homo ludens. Эссе. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. – С. 1034 – 1055; 1147 – 1168.

114. Цверианишвили, А.Г. Культурологические воззрения Лян Шумина / Общественно-политическая мысль в Китае (кон XIX – XX в.). – М.: Наука, 1988. – С. 170 – 188.

115. Чаликова, В.А. Утопия и свобода / В.А. Чаликова. – М.: Весть-ВИМО, 1994. – 184 с.

116. Черткова, Е.Л. Научный разум и гуманистические ценности / Е.Л. Черткова // Философия науки. – 1999. – Вып. 5. – С. 184 – 201.

117. Черткова, Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала / Е.Л. Черткова // Идеал, утопия и критическая рефлексия. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 156 – 187.

118. Черткова, Е.Л. Утопия как тип сознания / Е.Л. Черткова // Общественные науки и современность. – 1993. – N 3. – С. 71 – 81.

119. Шадурский, М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова / М.И. Шадурский. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 160 с.

120. Шацкий, Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.

121. Шекспир, У. Бесплодные усилия любви / У. Шекспир. Полное собрание сочинений в восьми томах. Т-2. – М.: Государственное издательство «Искусство», 1958. – С. 393 – 512.

122. Шекспир, У. Буря / У. Шекспир. Полное собрание сочинений в восьми томах. Т-8. – М.: Государственное издательство «Искусство», 1960. – С. 119 – 212.

123. Шеллинг, Ф.В.Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах / Ф.В.Й. Шеллинг. Сочинения в 2 т. - Т.2., М.: Мысль, 1989. С. 86 – 158.

124. Шестаков, В.П. Анатомия английского юмора / В.П. Шестаков. – М.: БуксМАрт, 2017. – 152 с.

125. Шестаков, В.П. Эсхатология и утопия: (Очерки русской философии и культуры) / В.П. Шестаков. – М.: Владос, 1995. – 208 с.

126. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Образ и действительность / О.Шпенглер. – Минск.: «Попурри», 2009. – 656 с.

127. Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетическое и психогенетическое исследования / Н. Элиас. Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 332 с.

128. Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования / Н. Элиас. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 237-256.

129. Эразм Ротердамский. Похвала глупости / Эразм Ротердамский. – М.: Издательство «Э», 2017. – 160 с.

130. Эрлихсон, И.М. Генезис идей социальной утопии в английской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII вв.: автореф. док. истор. наук: 07.00.03 / Эрлихсон Ирина Мариковна. – М., 2009. – 51 с.

131. Этвуд, М. Ведьмино отродье / М. Этвуд. – М.: Издательство «Э», 2018. – 352 с.

132. Юм, Д. Идея совершенного государства / Д. Юм. Сочинения. Т.2. – М.: Мысль, 1996. – С. 685 – 689.

133. Якушева, Н.Б. Трансформация утопии в антиутопию в культуре XX века: дисс. кан. филос. наук: 24.00.01. / Якушева Наталья Борисовна. – СПб, 2001. – 199 с.

134. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: изд. Политической лит., 1990. – 527 с.

135. Blaim, A. Gazing in useless wonder. English utopian fictions 1516 – 1800 / A. Blaim. – Berlin.: Peter Lang AG, 2013. – 356 p.

136. British and American Utopian Literature 1516-1975. An annotated bibliography. Edit. L.T. Sargent. – Boston.: G. K. Hall, 1979. – 324 p.

137. Cline, E. Ready player one. / E. Cline. – London.: Arrow Books, 2018. – 376 p.

138. Dark horizons: Science fiction and Dystopian imagination. Edited by Rafaella Baccolini and Tom Moylan. – London.: Routledge, 2003. – Pp. 1 – 28.

139. Firchow, P.E. Modern utopian fictions: from H.G. Wells to Iris Murdock / P.E. Firchow. - Washington, DC: Catholic University of America Press, 2007 – 203 p.

140. Harrington, J. The commonwealth of Oceana / J. Harrington. – Cambridge.: Cambridge University Press, 1992. – 332 p.

141. Huxley, A. Brave new world. / A. Huxley. – London.: Vintage books, 2014. – 336 p.

142. Jameson, F. Archaeologies of the future. The desire called utopia and other science fictions / F. Jameson. – London, New York.: Verso, 2005. – Pp. 12 – 58.

143. Levitas, R. Utopia as a method: the imaginary reconstitution of society. / R. Levitas. – London: PALGRAVE MACMILLAN, 2013. – 268 p.

144. Maj, K.M. Deconstructing Utopia / K.M. Maj // More after More. Essays commemorating the five-hundredth anniversary of Thomas More's Utopia. Edited by Ksenia Olkusz, Michal Klosinski, Krzysztof M.Maj. – Krakow.: Facta ficta research center, 2016. – Pp. 74 – 86.

145. More, T. Utopia. / T. More. – Cambridge.: Cambridge University Press, 2002. – 140 p.

146. Moylan, T. Scraps of the untainted sky: science fiction, utopia, dystopia. / T. Moylan. – Colorado: Westview press, 2000. – Pp. 111 – 202.

147. Mumford, L. The story of Utopias / L. Mumford. - New York.: Forgotten Books, 2008. – 206 p.

148. Neville, H. The Isle of Pines // Three modern utopias. – Oxford.: Oxford University press, 1999. – 250 p.

149. Orwell, G. Animal farm. / G. Orwell. – New York.: New American Library, 2017. – 148 p.

150. Orwell, G. Nineteen Eighty-four. The annotated edition. / G. Orwell. – London.: Penguin press, 2013. – 403 p.

151. Sargent, L.T. Scholarship as ideology: a study of Eduard Batalov's The American Utopia / L.T. Sargent // Utopian studies. – 1991. – N 4. – Pp. 85 – 89.

152. Sargent, L.T. The three faces of utopianism revisited / L.T. Sargent // Utopian studies. – Vol. 5. – 1994. – N 1. – Pp. 1 – 37.

153. Sargent, L.T. Utopianism: a very short introduction / L.T. Sargent. – Oxford.: Oxford University Press, 2010. – 160 p.

154. Sheckley, R. The native problem / R. Sheckley. The collected short fiction of Robert Sheckley. Book 2. – Eugene.: Pulphouse Publishing, 1991. – Pp. 279 – 299.

155. Stillman, P.G. Twenty-first century critical dystopias / P.G. Stillman // More after More. Essays commemorating the five-hundredth anniversary of Thomas More's Utopia. Edited by Ksenia Olkusz, Michal Klosinski, Krzysztof M.Maj. – Krakow.: Facta ficta research center, 2016. – Pp. 56 – 70.

156. The utopia reader. Edited by G. Claeys and L.T. Sargent. – New York and London: NEW YORK UNIVERSITY PRESS, 1999. – 422 p.

157. Warwick, T. In the place of utopia: affect and transformative ideas / T. Warwick. – Bern.: Peter Lang AG, 2014. – 289 p.

158. Yoran, H. Between utopia and dystopia: Erasmus, Thomas More, and the Humanist Republic of Letters / H. Yoran. – Plymouth: Lexington Books, 2010. – 265 p.

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Manuscript

Gleb S. Andreev

THE PROBLEM OF FREEDOM IN ENGLISH DYSTOPIA

Scientific specialization: 24.00.01 – Theory and history of culture.

Candidate of Sciences in Philosophy

Translation from Russian

Academic supervisor:
Doctor of philosophical sciences,
professor L.P. Morina

St. Petersburg
2020

CONTENT

INTRODUCTION **164**
CHAPTER 1. Utopia and utopian concepts **172**
1.1 Term utopia and its characteristics 172
1.2 Typology of utopias 179
1.3 Ideals of English utopian projects 183
CHAPTER 2. Utopia and freedom **198**
2.1 Border of freedom in utopia 198
2.2 The problem of freedom in utopia 208
CHAPTER 3. Dystopia and freedom **221**
3.1 Forming of dystopia 221
3.2 Core value of dystopia 229
3.3 Classical dystopias: G. Orwell and A. Huxley 243
CHAPTER 4. Contemporary dystopia **254**
4.1 Dystopian reflection: A. Huxley and A. Burgess 254
4.2 Postclassical dystopias: D. Lessing and P.D. James 262
4.3 XXI century dystopias: Ph. Reeve and D. Mitchell 269
4.4 Dystopian representation in filming 275
SUMMARY **289**
CONCLUSION **293**
REFERENCES **295**

INTRODUCTION

Relevance of the research. Dystopia is one of the most popular genres of contemporary English literature. Dystopia based on this literature is widespread among the young people of modern Europe and the United States. Contemporary audiovisual culture gives opportunities for the growth of dystopian popularity by producing new channels of communication with the audience like films and TV series. Studies of this genre are conducted from the point of view of studying eschatology and the future, the phenomena of totalitarianism, ideology, and other problems that are vividly covered in dystopian literature. It is natural, that the temporal aspect is one of the most popular in the study of dystopia. Dystopia is an attempt to simultaneously comprehend three times at once: the past (as a point for comparison with the present), the present (interpreted satirically or ironically), and the future (representing the actual dystopian concept). It is the attitude to the future, present, and past that is one of the criteria for distinguishing dystopia as a genre and separating it from the previous utopia.

The concept of freedom is one of the most significant in the history of world philosophy. The history of the concept of freedom tells us that almost every philosopher or thinker had an attempt to define freedom. Often the main differences between philosophical systems are based on the different interpretations of the concept of "freedom" (sometimes this is the cause, sometimes the consequence of other arguments). The problem of freedom in the modern world affects the life of every person; freedom is something that every person is dealing with, even if he doesn't suspect it or denying this. The problem of freedom has become one of the most pressing topics for discussion because of the global changes that the world experienced in the XX century and the consequences that still affect all aspects of human life.

Freedom is the subject of study of various sciences and fields of knowledge: philosophy, philology, economics, political science, physics, biology, chemistry, and in connection with various phenomena: order, responsibility, fate, external coercion, and at different historical stages of its development and comprehension.

The research of dystopia in the context of the problem of freedom determines the relevance of this study since this study is an attempt to understand not only the causes of the origin and popularity of the phenomenon of dystopia through the concept of "freedom", but also an axiological study of the meaning of freedom in contemporary dystopia.

There is a request in contemporary sciences to study the current state of culture. The attempt to analyze the problem of freedom in the context of the English dystopia allows us to characterize not only the dystopia as phenomenon of culture from the point of view of one of the basic concepts and methods of philosophy (free reasoning), but also to analyze the current state of culture and its values through the prism of this phenomenon. The topic of the research is concerned with the crisis of European culture of the XX century, the problems of modern identity, the problems of mass society and mass consumption, as well as exploring the reasons for the formation of this society, its values, ideals, and views.

A detailed study of these issues is necessary for the research of the current state of culture, the reasons that influenced its formation, the examination of changes that occurred in comparison with the past, and the formation of the hierarchy of values of modern society.

Elaboration of the research topic. The phenomenon of utopia and utopian consciousness studied in the works of E.Y Batalov, L. Mumford, S. S. Sizov, V. A. Chalikova, and E. L. Chertkova. The works of R. Mohl, A. Morton, L. Mumford, A. Sventokhovsky, and A. Voigt are devoted to the history of utopian ideas and texts. Researches made by M. Alexandrov and P. I. Novgorodtsev are devoted to the study of the utopian ideal. At the end of the XX century increased the number of works devoted to the study of the evolution of utopianism in some countries and some historical periods, these studies: M. A. Barg, A. V. Gutorov, A. Morton, P. I. Novgorodtsev, L. S. Chikolini. The analysis of utopias in connection with the study of literary fiction was done by V. P. Volgin, Y. I. Kagarlitsky, and S. Lem. The tradition of defining utopia by comparing it with myth was developed by: G. Sorel, K. Huebner, comparison with ideology was carried out by: E.Y. Batalov, C. Geertz, K. Mannheim, E. L. Chertkova; utopia was compared with eschatology by F. Polak, V. P. Shestakov. The typology of utopias as a subject of special research was developed by: F. Ainsa, E. Y. Batalov, F. and Fr. Manuel, A. Morton, L. Mumford, A. Sventokhovsky, E. L. Chertkova. Catalogs of utopias were also compiled, among the most

significant catalogs compiled by: T. E. Egorova, R. Mohl, L. T. Sargent, V. V. Svyatlovsky.

In the second half of the XX century, dystopias or negative utopias became widespread as well as studies related to the analysis of problems raised in dystopias and negative utopias: E.Y. Batalov, I. D. Tuzovsky, V. A. Chalikova, R. S. Cherepanova.

A special place in the study of utopia is occupied by the journal "Utopian studies", published since 1987, devoted to the development of various problems related to the research of utopianism as a cultural phenomenon. The University of Edinburgh's magazine "Moreana" has been conducting research related to the life and writings of T. More since 1963, and also supports a comprehensive study (in a broad sense) of 16th-century culture.

The next step of the study of utopianism and all its forms was the establishment in 1988 of the Utopian Studies Society, a European Association for interdisciplinary studies of utopianism, by several British utopian researchers. This Association holds an annual conference that brings together all researchers of the utopia phenomenon, eventually including researchers from North America. They include the most authoritative representatives of the modern study of utopianism and all its manifestations, among them: R. Baccolini, A. Blaim, G. Claeys, R. Levitas, T. Moylan, L. T. Sargent. You can also note the current research of F. Jameson, T. Warwick, P. Firchow.

A sufficient number of dissertation studies in Russia are devoted to utopias, utopian consciousness, and utopian thinking. Among the most modern are the doctoral works of I. V. Frolova " Utopia: essence and growth (experience of socio philosophical conceptualization)" (2005), and I. M. Ehrlichson "Genesis of ideas of social utopia in English social thought of the second half of the XVII and the beginning of XVIII century" (2009).

The doctoral dissertations in the philology of B. A. Lanin (1993), A. E. Anufrieva (2002), and A. N. Vorobyova (2009) are devoted directly to dystopia, and all of them are devoted to the study of Russian dystopia. Studies of Western dystopia are devoted to PhD theses by L. F. Khabibullina (1993), E. R. Volkova (1995), G. D. Sysoev (1996), E. V. Malysheva (1998), N. B. Yakusheva (2001), Y.A.Borisenko (2004), L. A. Morchikhina (2004), A.V. Kuznetsova (2006), T. N. Klimenko (2008), I. D. Tuzovsky (2009), and A. A. Dydrov (2011).

The aim of the research is to study the problem of freedom in the context of dystopia

as a phenomenon of English culture and investigate the place of freedom in the hierarchy of values of English dystopia. Also, to analyze the causes of separation of dystopia from utopia from the point of view of understanding freedom and its place in society and value for the individual.

Objectives of the study:

1. To identify and consider the main approaches to the definition of the term "utopia", to summarize existing research in the scientific literature on the genre of utopia;
2. Systematize the characteristics of utopia as a genre;
3. Consider the various typologies of utopias and the main functions of utopias;
4. Identify external and internal causes of forming of dystopia and the reasons for its significance for European culture;
5. Analyze the ideals and values of English classical utopian and dystopian projects, identify their genre specifics;
6. To study the borders and meaning of freedom in the context of utopia and dystopia as genres, to identify the role of freedom in English utopian / dystopian projects;
7. Consider the most famous English dystopian projects (from the 30s of the XX century to the beginning of the XXI century);
8. Consider the influence of English dystopias on modern cinema.

The object of the research is dystopia as a phenomenon of European culture.

The subject of the research is the problem of freedom as one of the main problems of English dystopia.

Methods of research.

The thesis is based on a historical research method that allows us to trace the transformation of utopian discourse in history and compare these changes with the shift of the vector from utopian to dystopian, as well as to trace the evolution of the dystopian text. Also, the historical method allows us to distinguish the English utopian tradition from the world and analyze its formation, development and transformation, taking into account genre and contextual features from the historical perspective.

The axiological approach allowed us to determine the place of freedom in the hierarchy of values of utopia and dystopia and to reflect the difference in utopian and dystopian

approaches to understanding the ideals of their societies.

To study utopia and dystopia as cultural phenomena, a systematic approach is applied that allows us to consider the concepts of utopian and dystopian writers as full-fledged social systems that include views, ideals and values of the social structure.

The comparative method made it possible to compare the texts of utopias and dystopias based on the criterion of freedom, as well as to perform a comparative analysis of the reasons that influenced the crisis of European culture of the XX century with the reasons that justified the transformation of English utopia into dystopia.

To identify the reasons for the transformation of utopia into dystopia, this study is based on the methods developed in the works of G. Simmel, J.Huizinga, R. Rorty, J. Baudrillard, and E. Fromm in relation to the study of changes in the value of freedom in the twentieth century in European culture.

Application of the game concept of culture J.Huizinga allowed us to adequately assess the reasons that influenced the emergence of dystopia, as well as to identify the logic of the transformation of utopia into dystopia.

Scientific novelty of the research.

1. The reasons for attributing utopia and dystopia to a single philosophical and cultural tradition are revealed.
2. A comprehensive analysis of the problem of freedom in English utopia and dystopia from 1516 to 2004 is carried out.
3. An approach to understanding the reasons for the historical turn from utopia to dystopia based on the transformation of the understanding of the role and meaning of freedom is proposed.
4. The list of reasons for the historical turn in the English utopian tradition from utopian to dystopian form of reasoning has been added.
5. The value of freedom in the value hierarchies of utopia and dystopia is determined.
6. Through the use of the "figure of outlaw " (J.HUizinga) revealed the transformation in the dystopian genre.
7. The study of the value hierarchy of dystopia allowed us to understand the axiosphere of modern society.

Statements to be defended:

1. Utopian and dystopian discourses belong to the same philosophical tradition of understanding the best structure of society, in contrast to the literary space, where utopia and dystopia are different genres.

2. Freedom is one of the main values for the English dystopia, and non-freedom, as an anti-value, is the main object of criticism of dystopian writers.

3. The change in the understanding of the meaning of freedom is one of the reasons for the turn from utopia to dystopia, since freedom is a different value for dystopia and utopia, freedom occupies different levels in their hierarchies, and freedom has different meanings for English utopia and dystopia.

4. Various intertextual techniques, such as dialogic interaction of texts, multiple citations and references are the formative techniques of English utopian discourse, including dystopia, which proves that the historical heritage of the utopian genre is of great importance for English utopian thought.

5. J. Huizinga's game concept has heuristics and methodological efficiency in relation to the study of the phenomena of utopia and dystopia and understanding the reasons for the formation of dystopia, as well as its significance in modern culture.

6. Throughout history, the genre of dystopia is transformed: contemporary dystopia rejects the idea of a meaningless struggle with the system and is characterized by a process of "romanticization". The dystopia of the mid-twentieth century, late twentieth century and the dystopia of the XXI century demonstrate different approaches for understanding one of the main themes of dystopia – the struggle of the person against the system for their freedom (outlaw).

7. The axiological analysis of dystopia is representative of the axiosphere of modern society, since dystopian motives are dominant in modern literature, cinema, and art.

Theoretical significance of the research.

The theoretical significance of this study is connected with identifying the reasons for the transformation of the utopia genre into dystopia in the history of European culture based on the understanding of the problem of freedom in utopia and dystopia.

The scientific significance also lies in the application of research methods for the game

concept of the culture of J.Huizinga to dystopian texts, which allowed us to trace the logic of the transformation of utopia into dystopia, changes in the genre of dystopia itself, and thus confirm the hypothesis of a special heuristic of the theory of J.Huizinga for the study of utopia and dystopia, and to illustrate the concept of Huizinga's game culture with additional examples.

Also, there is attempt to justify the relationship of the transformation of the value of freedom and its significance for European culture of the XXth century with the crisis of European culture of the XX century, to identify additional reasons for the transformation of utopia into dystopia.

Practical significance of the research.

The findings of the study can be used in the development of lecture courses on the history of culture, as well as the axiology of culture.

The propositions put forward in the paper may contribute to the study of European and American utopian and dystopian traditions, since this dissertation study examines the English utopian tradition.

This study can also serve as a theoretical basis for further study of utopian and dystopian texts using the game approach to the study of culture.

The research carried out in this paper may be of interest to specialists of various sciences who study the phenomena of utopia and dystopia.

Approbation of the research results. The main conclusions of the dissertation research were presented in 6 publications, including 3 articles in peer-reviewed scientific journals, publications recommended by the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of education and science of the Russian Federation. In addition, the results of this study were tested for three years: at the conference "Utopias and dreams of the future in world history and culture" (MSU. M. V. Lomonosov, Moscow, 2017), and at the following international conferences with presentations: international conference of students, postgraduates and young scientists "Lomonosov-2019", oral report on the topic: "Axiological aspect of modern English dystopia" (MSU. M. V. Lomonosov, Moscow, 2019), third place in the competition of works by young scientists of the international conference "Psychology of education of the future: from traditions to innovations", with the report "Utopia as a source of research of

education of the future" (YSPU. K. D. Ushinsky, Yaroslavl, 2019). There were also two public lectures on "Dystopia in the context of culture" and " Dystopia-the philosophy of the future?"(Media library of the TSGPB. V. V. Mayakovsky, Saint Petersburg, 2019). Also was taken part in the Symposium " Semiotics in the XXI Century.: new horizons and prospects "in the framework of the days of philosophy in St. Petersburg 2019, with a report: "Problems of authorship of contemporary dystopia".

Volume and structure of the dissertation. The dissertation consists of four chapters, an introduction and conclusion, set out on 161 pages. The work also contains a list of references, including 158 sources, 134 of them are written in Russian and 24 in English.

CHAPTER 1. Utopia and utopian concepts

1.1 Term utopia and its characteristics

In the European tradition, after the island described by Thomas More in his book, all thoughts about the best structure of the world order are called utopia. This Greek word, formed by T. More, combines many different works and reflections. Since the time of Thomas More, this concept has acquired many meanings, so it is difficult to give an unambiguous definition of this phenomenon.

It is known that "utopia" is a combination of two components of the Greek language. More's Utopia was written in Latin that's why the Greek words were passed in transcription, so the differences between the two functional elements were hidden, depending on the combination of interpretations: either "a place that does not exist", "Nowhere "a nonexistent country", or "utopia" is "a blessed land", "a beautiful country". More's true intent remained hidden. It is possible that this was a wordplay "a beautiful country, but not existing"[414]. This can be indirectly confirmed by other names that More gave to certain elements of his utopia: for example, the main river of the island is called Anider, which is translated from Greek as "not-water" or a river without water.

The author of the term "utopia", undoubtedly, is Thomas More, however, he should not be considered as the ancestor of the established genre[415], as Petrucciani notes. The fact of the internal connection of the European utopian tradition with the social thought of Ancient Greece was realized already in the Renaissance[416]. The main source of utopian inspiration was Plato with his work "Republic". Plato's main task was to depict an exemplary city-state that had received a perfect constitution. Plato assumed that if such a state were created, it could exist forever, without undergoing changes or needing them. In the Middle Ages, Plato's "Republic" inevitably became the starting point for many projects of an exemplary state structure, which determined the main features of the European utopian tradition. In his book

[414] Batalov E.Y. In the world of Utopia. Five dialogs about utopia, utopian consciousness and utopian experiments. – Moscow, 1989. – Pp. 8.
[415]Petrucciani A. Fantasy and teaching. Utopia and utopian thought: anthology of foreign literature. Ed. V.A. Chalikova. – Moscow, 1991. – Pp. 98
[416] Gutorov V.A. Antique social utopia. Questions about history and theory. – Leningrad, 1989. – Pp. 4.

"English utopia", Arthur Morton says about the legacy of Plato: in a slightly modified form, these premises formed the basis of More's "Utopia", although most of them are not discussed in the book. More did not want to repeat what was already said in the "Republic", instead, he paints a live picture of a well-organized state, already created and living a full life[417]. Thus, the author notes the continuity of Plato's idea, at the same time pointing out that More has chosen different from Plato's principle of implementation of the speculative project, namely the principle of visibility and liveliness. This principle will form the basis of the European utopian tradition, which began with Thomas More.

"Utopia", defined by E. Batalov as an arbitrarily constructed image of an ideal society[418], has somehow entered the history of culture as an ideal of social relations, and thus represents one of the most common elements of culture. There was no era in the history of Western culture that did not address the ideal state of society. Utopia understood as the ideal of social relations is included in religious views, political constructs, social and legal theories, and educational systems.

During the existence of European culture, many utopias appeared. Each historical epoch was characterized by its own tradition, its understanding of utopia, awareness of its features, goals, and objectives of utopian discourse. M. Lasky, calling utopia a mirror of reality, emphasizes the understanding of reality in utopia, and G. Lapouge speaks of utopia as a form that can accommodate any content, not only reflected. V. Hugo called utopia the truth of tomorrow, V. Chalikova talks about utopia as a complete axiological inversion of the world. In contrast to the vague definitions of "utopia" as a paradigm of the future or the dream of humanity, L. T. Sargent identifies several characteristic properties of utopia: the sequence of reasoning, localization in time and space, the best alternative to the society in which the author lives. However, with all the variety of approaches, it is still necessary to identify several main features characteristic of most utopian works.

Karl Mannheim says that the distinctive feature of the elements of utopia is the construction of them in a way that is not in accordance with the surrounding “being”[419]. In

---

[417] Morton A. The English utopia. – Moscow, 1956. – Pp. 52.
[418] Batalov E.Y. In the world of Utopia. Five dialogs about utopia, utopian consciousness and utopian experiments. – Moscow, 1989. – Pp. 23.
[419] Mannheim K. Ideology and utopia. – Moscow, 1994. – Pp. 8.

other words, the elements of utopia are structured in such a way that they have no real referents in the author's life. The utopian desire for the future takes thought beyond the limits of present reality[420]. There spread an idea that utopias are often built on a critical attitude to the existing society, as a result of previous development[421]. In this case, the views that develop in utopia are built on the negation of the behavioral imperative that was accepted in society at the time of the author. This was done by Thomas More when he described land relations in his Utopia, relying on a mockery of order in modern England: Your sheep. They commonly are so meek and eat so little, now, as I hear, they have become so greedy and fierce that they devour human beings themselves. They devastate and depopulate fields, houses, and towns[422]. In this allegorical way, he commented on the process of "enclosure", which was characterized by the transformation of arable land into pastures. The idea of a complete transformation of the existing demanded an unconditional negative attitude to history and an unconditional break with the past[423].

Thus, there are two ways to build a utopian society. The first is to build a society based on the author's thoughts, assumptions, and dreams about what the future will be. Another option builds a society based on the negation of the current order, in the form of a negative attitude to what is accepted in modern society as the norm. It should be noted that utopia differs from satire in that utopia contains not only a critique of the modern order but also a story about another, better arrangement of the human community, that is, about the world. utopia has creative potential. On this basis, it can be said that "Gulliver's Travels" by J. Swift has utopian motives but is a satirical-fantasy novel.

The main feature of utopia is the image of the social ideal. This image of the ideal, in turn, is characterized by the following features. All processes that take place in this community are regulated (for example, the written constitution granted by the founding king named Solamona, in Bacon's New Atlantis), and all rules are strictly observed by all members of the community. And almost every utopia emphasizes the finality and indisputability of such a document, which leads to the peaceful coexistence of citizens

[420] Chertkova E.L. Utopia as a type of consciousness. Social sciences and modernity. – 1993. – N 3. – Pp. 72.
[421] Ibid. Pp. 71.
[422] More T. Utopia. – Moscow, 1978. – Pp. 132.
[423] Novgorotsev, P.I. About public ideal. – Moscow, 1991. – Pp. 271.

without any conflicts and debates. With the emergence and establishment of a perfect system, the ideal society seems to fall out of time, since the embodiment of the ideal means the end of history. The aphorism "only lies have a history" in the context of utopian works means that since the best order is identical with the true one, it has no history since its establishment it has no need for transformation. A perfect system cannot pass into another, qualitatively different from it, because perfection means completion, achieving complete harmony of all elements and sides of society, resolving all its contradictions[424]. That is why no utopian community is portrayed as being transformed in time, it is frozen in a still-perfect state from the moment a new, absolutely just order is established. For the same reason of perfect harmony, there can be no pluralism in opinions, since it is obvious for everyone and in any situation how to act, what will be the best solution on this issue. Here lies the reason for the unanimity and uniformity of all the members of a perfect society. The individuality of each person is manifested only in two aspects of life, and only in those utopias where inequality in the rights and abilities of people from birth is recognized. The first aspect in which personal differences are manifested is the intensity of the trait, i.e. the rationale for why people can't do everything equally well. People, being well versed in all the sciences and crafts, still take a special interest in something that they can do especially well. Another aspect is related to estates and private property: for example, in Fourier's case, a higher-ranking person is entitled to a larger plot of land.

The ideal societies described in utopias are fenced off from the world around them. They are forced to live in secret with other communities for their own safety or because other peoples are not yet ready to accept the light of truth. Relations with the outside world can be trade and colonization, for example, in the" Voyage to Icaria " by E. Cabet, the peoples of other countries can be used for wage labor, as in Thomas More's Utopia, but the utopian community maintains secret contacts with the outside world through its people sent to other countries to have access to the inventions, languages, and wisdom of these countries, as in Bacon's New Atlantis.

The essential assumption of the utopian tradition is the belief that human potential is unlimited and that man can make the world a better place without help (this idea appeared

[424] Chertkova E.L. Utopia as a type of consciousness. Social sciences and modernity. – 1993. – N 3. – Pp. 74.

after the Renaissance), as well as the belief that the world is so flexible that any established and theoretically significant model can be applied, implemented, and function in reality.

The social ideal, often portrayed by utopia, is based on the principle of total rationality. This manifests itself in an attempt to solve even social problems with the help of a rational device. Not only society, but also the individual is seen as a set of rational properties that can be easily described, manipulated, and managed. This assumption is based on the proposition that society is the product of the conscious and directed human activity, hence the idea that it can be completely and easily reoriented and changed. All previous attempts that failed to achieve the goal were declared unsuccessful because the foundations and principles on which these societies were built were put forward incorrectly. These grounds were inaccurate that's why the results were unsatisfactory. The task of Utopia is not only to identify rational grounds but also to subordinate all social life to these grounds, as well as to control their observance. An example that demonstrates the above is the peculiarity of most utopias: the history of the appearance of a perfect people on a certain land is usually explained by emigration from lands where life was unbearable and miserable. The people, tired of war, famine, disease, and the ruler, go to distant lands and there, on a New Land, arrange a new order of their life — happy and perfect. The utopian, using new rational grounds, "construct" the world, considering it as a product of human thought, and re-introduces man into it.

E. Tarbouriech, the author of the utopia "City of the future", said: man does not create anything, either physically or mentally. We can only imagine the future world as consisting of elements of modern society. However, bold our imagination may be, it can only combine, subtract, group, and add to more or less complete models only those forms that seem to us more appropriate for the future life[425]. In this case, even if life and social structures have a limited number of elements from which various connections arise, then an infinite number of combinations of reality can be made from these elements, and this is what most utopianists consider as creativity. The history of this process of combining elements to build a coherent theoretical system can be considered as the history of utopian ideas.

There are two fundamentally different understandings of utopia. Utopia can be understood as an ideal of social structure and relations that should be equal to the current

[425] Sventohovsky A. The history of utopias. From ancient till the end of XIX century. – Moscow, 2012. – Pp. 418-419.

society, or as a project designed to free the current society from its deplorable state and bring it closer to a better state than the current one. Utopia as an ideal image of a perfect society does not assume its embodiment, the author does not seek to fill it with forms borrowed from real life, it is a kind of fantasy on how based on human needs and ideals, if possible, to rebuild the human community. On the contrary, the utopian project takes the form of a clear plan, a step-by-step transformation of individual spheres of human life to achieve an ideal state based on existing foundations. It is the second understanding of utopia as a project that has defined the modern negative attitude to utopia as an attempt to limit human freedom as much as possible, although many authors believed that by implementing such a project, they would open up new horizons for man, thereby expanding his real freedom. This negative attitude arose simultaneously with the realization that projects can be implemented in practice, and even then, there were, albeit in miniature, communities that arranged their lives in strict accordance with utopian projects. However, E. Batalov shows that this is only partly true, because none of the communities were able to achieve the simultaneous realization of all ideals in a single system[426].

In the organization of utopias, there are also two basic principles for building the entire community: progressive and regressive. The progressive principle is the construction of a society based on the improvement and simultaneous complication of all spheres of society's life, removing the ideal hostel from the existing foundations by improving them. This principle may have a greater propensity for technocracy or social dominance. That is, in one case, the improvement of society is accompanied by technical progress, which helps in solving the problems of producing necessary and multiple goods; in another case, changes for the better begin from within, based on social regulation, building fundamentally different relationships between subjects in society. The ideal hostel in the second case is achieved by the joint efforts of all members of society, its components. An example of progressive construction is Francis Bacon's utopia "New Atlantis". The regressive principle is implemented in the form of maximum simplification of the entire social life of individuals, erasing social statuses, proclaiming absolute equality and equality in everything, and moving

[426] Batalov E.Y. In the world of Utopia. Five dialogs about utopia, utopian consciousness and utopian experiments. – Moscow, 1989. – Pp. 247.

to a less complex system of relations between members of the community. An example of this principle is Gabriel de Foigny's utopia "The Southern Land known".

Utopias are unevenly distributed across cultures and historical eras. European civilization is the most productive in the utopian discourse, with the largest number of utopias appearing in France and England. The famous Polish utopian historian Alexander Sventohovsky explains it this way: the most utopian were the soberest, practical, and happy societies. People who are on a higher cultural level and have better material conditions are much more able to think and dream of better forms of life than those who are blunted by ignorance and crushed by poverty. To demand a lot, you need to have something. A dream is a lace woven from the threads of reality[427]. Another explanation is given by Lan Shu-min: there are three ideal cultural archetypes that correspond to three different ways of solving life's problems: the culture of the West, China, and India. Western culture represents the will to fight, Chinese culture represents reconciliation, and Indian culture represents austerity[428]. He suggests that the history and tradition of European thought itself determine this spirit of struggle. Revealing the spirit of struggle on the implicit level of European culture, the author concludes that the struggle for their rights, dissatisfaction with their position, the desire to improve their living conditions, including the example of utopian discourse, criticism, and satire, are an integral feature of European culture. Thus, regardless of the reason for the European desire to protect what has already been achieved and to try to increase the benefits and improve their lives, this trend is recognized and shared by the entire European community. You can find this link saved in J. Huizinga's work "About historical life ideals" when he talks about the universally revered struggle for freedom[429] as an independent ethical value of European culture.

The evolution of utopian views can be seen as a chain of successive projects, and the distinctive feature will be those features of the world that utopians draw for themselves. The world of these utopias is changing not only because of changes in the views of utopianists themselves but also under the pressure of the real world. Over time, thanks to the awareness

---

[427] Sventohovsky A. The history of utopias. From ancient till the end of XIX century. – Moscow, 2012. – Pp. 420.
[428] Tsverianishvily A.G. Cultural views of Lan Shu-min. Social and political thought of China. – Moscow, 1988. – Pp. 188.
[429] Huizinga J. About historical life ideals. – Moscow, 2019. – Pp. 1143.

of new and new human problems, often man-made, caused by great zeal for the transformation and domestication of nature,"... The history of European utopian thought is gradually moving from a "brave new world "to a better world than ours and a world that will survive[430]. At the same time, only the first world can be called a classic utopia, describing a better world, a happy and ideal one. This type corresponds to the original goals and objectives of the utopianists. Sargent wrote: “in classical utopia, the moral ideal is transcendent, and the social organization is secondary, serving only the purpose of realizing this transcendent ideal. In modern utopia, the main thing is a reasonable organization. This is not a transcendent utopian ideal”[431]. In other words, some utopias describe a "better world than ours" and are built as a project to change existing structures, the goal of which is only to improve the current state of things, but not to build an ideal. Their task is to make a person not quite happy, but a little less oppressed than in real life, by reforming the social system.

1.2 Typology of utopias

Gradually, along with the growth of the number of utopian projects, there was a need for their research. Historically, the first studies in the field of utopian thoughts were catalogs. A comprehensive study of utopias required all works that could be classified as utopian. The need to organize the catalog led to the study of utopian types and the creation of their typologies, which became the first criteria for the categories of new catalogs. Let us turn to the various typologies of utopias to consider utopia on a general level.

The famous utopian scholar Lewis Mumford distinguished the "utopias of escape" and the "utopias of reconstruction", implying the various spiritual needs they satisfy. First provide an opportunity to escape from the cares of the real world, provide a refuge where people find peace and relief from their suffering. The utopia of Thomas More may be considered as one of this type. In his book, the author himself concluded that: I readily admit that there are many things in the utopian state that I would rather wish for our countries than hope that this will happen[432]. Another researcher, Kautsky K., said that everyone saw in

[430] Chalikova V.A. Utopia and freedom. – Moscow, 1994. – Pp. 99.
[431] British and American Utopian Literature 1516-1978. Boston,1979. Pp. 13.
[432] More T. Utopia. – Moscow, 1978. – Pp. 279-280.

"Utopia" a book that gives the rulers of State instructions on how to better manage the country[433], but not a real guide to action. The utopia of reconstruction is in a way a plan, small changes to produce a revolution, too big to produce reforms[434]. The consciousness of this kind of utopian moves from criticism of reality through setting goals to a plan of action to improve the current state of society. It offers ways to change the external world that will bring society in line with human needs. These include R. Owen, C. Fourier, and E. Cabet, who not only expressed these ideas, but also tried to agitate in their favor, and also made attempts to implement their views in practice, or their followers did it for them: "New Harmony", the company of Frances Wright, Mackleria, the Brook Farm Institute of agriculture and education, the North American phalanx, The Wisconsin phalanx, the Pennsylvania and New York groups, the Illinois colony, and others[435].

The division of utopias into "escape utopias" and "reconstruction utopias" was continued in a different typology. Utopias are divided into vertical and horizontal ones. Vertical utopias assume a hierarchy of ideals in which their utopian ideas occupy the highest point. An example of this type is Thomas More's Utopia. Horizontal utopias have a plan of transformation, building a plan for the development of society from its current state to a more productive form. To some extent, this typology duplicates the division of L. Mumford. It divides utopian projects according to the orientation of the ideals hidden in them: reflections on the ideal state of society in general-a vertical utopia, reflections on the ideal or best state of society, based on its current state and prerequisites for development — a horizontal utopia.

Another division was proposed by A. Sventokhovsky. He divided utopias into collectivistic, anarchic, and individualistic. By collectivistic, Sventokhovsky means a utopia in which the collectivist system of society is thought out and proposed; an example of such utopia is the extensive work of Ernest Tarbouriech, "The city of future". By anarchic utopia, Sventokhovsky understands a social theory based on the principle of individual autonomy; its example is Jean Grave's "The future of society". Individualistic-such a utopia in which society is formed on the basis of unlimited freedom and economic equality. A society that

[433] Kautsky K. Thomas More and his utopia. – Moscow, 2011. – Pp. 298.
[434] Sventohovsky A. The history of utopias. From ancient till the end of XIX century. – Moscow, 2012. – Pp. 248.
[435] Ibid. Pp. 151-227.

certainly preserves the right of the individual to dispose of himself, to ensure that everyone has full and unlimited use of the fruits of his labor[436]. An example of this utopia is the "Freeland", written by Theodor Hertzka. This typology belongs to the end of the XVIII and the beginning of the XIX century, and its criterion is the question of social justice and the type of cooperation. In an individualistic utopia, the task is formulated as follows: to arrange the life of society so that, with an equal distribution of rights, duties, and profits, the complete independence and freedom of the individual is preserved[437]. In an anarchic utopia, every citizen, doing what he wants, and only what he wants, takes a direct part in making laws and governing, just as he takes part in the production and exchange of values[438]. In the collectivist system, everyone, to the best of his ability, but with the unconditional recognition of what brings his own benefit, works for the benefit of a society in which men and women are equal in their rights, and each has his own nationality, will receive according to needs[439].

V. Volgin, following Sventokhovsky in his research on utopian socialism, classifies utopias according to the method of justifying the ideal of social order. He distinguished historical, religious, and rationalistic utopias. The first are based on a scientific worldview, the second on a religious one, and the third on a metaphysical one[440].

Polish researcher E. Shatsky in his book "Utopia and tradition" proposed one of the most detailed systems of utopian typology. The first division was the division of utopias into escapist and heroic. I refer to escapist utopias, all those dreams of a better world, from which the call to fight for this world does not follow. Modernity can be condemned here with the greatest pathos and sharpness, but in practice, they do not fight it, they run away from it into the realm of dreams. It indicates what is good, it does not indicate how to achieve it[441]. Of utopia, which I call the heroic — it is a dream, combined with a program and call to action[442]. An example of an escapist utopia is Thomas More's "Utopia" or Tommaso Campanella's "The city of the sun"; the heroic utopia is the views of C. Fourier and E. Cabet's "Voyage to Icaria". Escapist utopias serve as intellectual entertainment, heroic ones

[436] Sventohovsky A. The history of utopias. From ancient till the end of XIX century. – Moscow, 2012. – Pp. 317.
[437] Ibid. Pp. 350.
[438] Ibid. Pp. 305.
[439] Ibid. Pp. 285-286.
[440] Volgin V.P. History of socialistic ideas. – Moscow-Leningrad, 1928. – Pp. 34.
[441] Shatsky E. Utopia and tradition. – Moscow, 1990. – Pp. 102.
[442] Ibid. Pp.103.

become a matter of life and death, according to E. Shatsky. The basic principle, recognized By E. Shatsky, is borrowed from L. Mumford and his division of utopias. However, E. Shatsky in his division does not stop at this stage and extends his typology, dividing the escapist into utopias of place, time and timeless order. He divides the heroic into the utopias of the order and the utopias of politics. Utopias of a place-descriptions of a happy somewhere, some blissful space[443]. A similar character had "Utopia" by T. More, "New Atlantis" by F. Bacon, "History of the Sevarambes" by D. Vairasse, "Voyage to Icaria" by E. Cabet," Freeland " by T. Hertzka. The utopia of time-peace reigns between peoples, this picture of a better world differs from the " utopia of place " only in that the year or century of such changes is clearly declared[444]. For example, these are the books of L.-S. Mercier "the year 2440", R. de la Bretonne "Year 2000", B. Enfantin "Notes of the industrialist 2240". Utopias of a timeless order — those concepts that were presented without the mediation of "talking pictures", but with the same intention to oppose the dominant other relations and offer in contrast to them a certain set of desirable social values[445]. Plato's "Republic" is an example of this utopia. E. Shatsky shares heroic utopias in this way: sometimes they seek to transform the entire society, and sometimes they do not believe in such a possibility or do not believe in it as a close opportunity and offer it, so they go along the path of isolating a handful of righteous people within a corrupt society. This second path I call the utopia of the order[446]. This includes E. Cabet and R. Owen. The utopia of politics begins where someone — a person or a group-sets itself the task of rebuilding society from its very foundations, a persistent desire to bring the bone reality closer to the ideal. Utopia is a protest against the absolutization of actual political lines of demarcation, it is an attempt to start anew a dispute about the form of society[447]. An example is the utopianism of H. de Saint-Simon.

E. Batalov gives an example of the division of utopias, which is based on socio-cultural filling of the ideal[448]. On this basis, he divides utopias into romantic, technocratic, and theocratic. Romantic utopias are aimed at uniting man with nature. In technocrats, the ideal

---

[443] Shatsky E. Utopia and tradition. – Moscow, 1990. – Pp. 116.
[444] Ibid. Pp. 152.
[445] Ibid. Pp. 196.
[446] Ibid. Pp. 226.
[447] Ibid. Pp. 228.
[448] Batalov E.Y. In the world of Utopia. Five dialogs about utopia, utopian consciousness and utopian experiments. – Moscow, 1989. – Pp. 51.

is a rational type of thinking, and the promotion of science and technology is the main way to solve the problems of the ideal device. Theocratic – those in which the central place in society is occupied by religious values, and power is given to religious institutions.

To understand the significance of utopia, it is important to define the functions of utopia. One of the most detailed concepts was presented by E. Batalov: we can talk about the five main functions of utopia – critical, normative, cognitive, constructive and compensatory[449]. As you can see, the functions are significantly correlated with the main features of utopias as a cultural phenomenon. The critical function is carried out in the ability to question the vector of development of the existing society and indicate the aspects of life that move reality away from utopia. Since no utopian project, by definition, was limited only to criticism of the social structure, utopia, putting forward a certain alternative, performs its normative function-embodies a certain ideal[450]. Cognitive, as the name implies, captures the knowledge of social reality. By identifying the untruth and delusions of this utopian project, this function simultaneously indicates the features of its ideality. It is also aimed at understanding the human consciousness, suggesting the possible realization of utopia, for example, with the passage of scientific and technological progress. The constructive function of utopia is realized in its influence on the course of history. Projects or ideas about the ideal future have a direct impact on it, because the future is constructed from existing elements. The compensatory or, as E. Batalov also calls it, psychotherapeutic function is realized through the gift of hope. Moreover, it should be noted that the reader receives ready-made forms for consolation and hope, which are described by the utopian. The utopianist creates this hope based on ideas about what is most necessary for a person, without ready-made solutions and clearly defined problems.

1.3 Ideals of English utopian projects

Based on the objectives of this dissertation research, the most interesting for us is the English utopian tradition, and the author's concepts that can be clearly correlated with the

[449] Batalov E.Y. In the world of Utopia. Five dialogs about utopia, utopian consciousness and utopian experiments. – Moscow, 1989. – Pp. 69-70.
[450] Ibid. Pp. 57.

socio-cultural context, time and have a clear form a published printed text. Based on the above, English utopian projects often belong to the classical ones, also, the English utopian tradition has large historical coverage, a sufficient number of utopian texts are distributed throughout the history of utopian ideas. Also, the English utopian tradition is characterized by an indispensable interest in the utopian discourse on the part of British authors. This interest, which was born (and not only terminologically) under T. More, after many interpretations, is still characteristic of English authors in a dystopian form[451]. Let us turn to a more detailed consideration of the selected utopian concepts of English utopian thought.

Thomas More, in his "A truly golden handbook, not less beneficial than entertaining, about how things should be in the new island of Utopia", first published in 1516, presented his view of how it is possible for a sovereign who thinks not about by hook or by crook to acquire new kingdoms, but about how to adequately manage the acquired ones[452] to make his state flourish.

Assessing the current state of England, T. More says that the pitiful poverty in the life of the peasants and the immoderate luxury of the household, the monarch, and his entourage lead to the fact that the majority drags out such a poor existence that the monarch seems to him the guardian not of the Kingdom, but the prison[453]. In global terms, T. More notes that wherever there is private property, where everything is measured in money, it is unlikely that it will ever be possible for the state to be governed fairly or happily[454]. The only way for a prosperous society, Thomas More sees the ad in all equality, after which people of these lands do not consider themselves to be their masters, but rather farmers. However, he notes the impossibility of everything to be good since not all people are good[455]. That's why most of the book by Thomas More tells about how life works in Utopia and how it became possible on the island of "Utopia" for all people to become happy and good.

The life of Utopians is very simple: even the laws that govern their state are very few, but they are all carried out successfully because in Utopia there is general prosperity. It is,

---

[451] Andreev G.S. The role of labor and its ideal in the history of utopian ideas: the cultural and philosophical analysis. /Society: philosophy, history, culture. – 2019. – N 2. – Pp. 65.
[452] More T. Utopia. – Moscow, 1978. – Pp. 126-127.
[453] Ibid. Pp. 156.
[454] Ibid. Pp. 162.
[455] Ibid. Pp. 160.

however, hidden from prying eyes due to the island location and additional barriers, natural in the form of rocks and underwater rough currents, and artificial, which do not allow the conquerors to capture the island. All that Utopians need for a happy life, they have or produce, but if they do not have something in the village or city, they get it from their authorities simply and without any exchange and money. They do not have a monetary system and the concept of money in principle, as well as property – they change their homes every ten years, casting of lots. Because of the abundance, there is no fear that someone will take more than necessary, these fears are also deprived of citizens because they do not take more than what they need for the day. To maintain prosperity, all citizens, both men, and women, have one common occupation – agriculture, and also master one or more, for their love, crafts. Everything is arranged in such a way that everyone is diligently engaged in his craft – but he would not work incessantly from early morning until late at night, tired, like a pack animal. Because this is worse than the life of the slaves[456] because only six hours are allowed for work every day, which is enough time to provide the whole island with everything necessary for life on the principles of utility and convenience, but also to produce a certain remainder. The time remaining after sleeping, working, and eating can be used by every Utopian at his own discretion, but not for laziness or abuse of excesses, but to occupy himself, free from his craft, with other useful pursuits, such as science, as most of the inhabitants do. Utopians are not familiar with disastrous amusements, such as various games.

It takes a small amount of time for utopians to prepare clothes for themselves, their dress is usually one for two years, it has a simple cut, the same for everyone and for all times, it is pleasant to look at, it is adapted for cold, heat and any body movements. At work, they cover themselves with skins that last them for seven years. However, this lack of diversity does not mean that utopians do anything badly, on the contrary, most crafts take them much less time than ordinary people. This is because utopians see human happiness in spiritual freedom and education, not in bodily slavery.

Outside the city walls, they have hospitals that are provided with everything to restore health. However, if the disease cannot be cured, the patient must take his own life or allow others to do it with consent, such a death is considered laudable among them because it saves

[456] More T. Utopia. – Moscow, 1978. – Pp. 184.

other Utopians from suffering.

No one dines at home, although this is not forbidden, for Utopians, there is no reason to spend time preparing food worse than in the hall for his reception, where everything is in the necessary quantity and, moreover, beautiful. Here, wives serve their husbands, and younger serve their elders.

Utopians by all means try to keep gold and silver in their infamy[457]. They use it to make massive chamber pots and chains for slaves. Slaves perform the dirtiest and most difficult work that can deprive ordinary people of mercy. Utopians do not consider prisoners of war and children of slaves as slaves, however, condemn their citizens to slavery for shameful acts, as well as those who were sentenced to death in other lands. Slaves from the Utopians are worthy of more severe treatment because they had an education that prepared them for virtue, not evil. Slaves, however, can be pardoned and become free citizens for diligent work. It happens that poor citizens of other countries voluntarily become slaves in Utopia because the attitude to them will be much more pleasant than it was at home. For every malicious act, the Senate appoints punishment, the most terrible offenses are punished by the yoke of slavery, repeated crimes in marriage are punished by death. Sin saddens more than punishment[458], the Utopians themselves it's evident for them by representation.

Among Utopians, it is customary to create a family at the age of eighteen for girls and at the age of twenty-two for young men. when choosing their pair, they see each other naked, so that nothing can be hidden, because residents are content with a spouse for life, and they do not have brothels. It is allowed to enter into a second marriage, but because of the death of the spouse or by mutual consent and with the permission of the Senate.

The one who wants to deceive to get any position, loses any hope for any[459]. Every thirty families choose an official-syphogrant, there are two hundred of them on the island. Syphogrants choose by secret ballot of the Governor of the four candidates elected by the people. He will hold the post for the rest of his life if he does not arouse suspicion of tyranny. All other officials are selected for one year. Utopians live in love because all

[457] More T. Utopia. – Moscow, 1978. – Pp. 204.
[458] Ibid. Pp. 235.
[459] Ibid. Pp. 237.

officials are not arrogant and not terrible[460]. They have few laws because utopians believe that it is unfair to bind people with so many laws that cannot be read. A lawyer in Utopia is anyone, they reject regular lawyers, and their laws are made to remind them of their responsibilities. They also do not accept contracts, they note that the habit of concluding them for some reason prevents their implementation.

Utopians never wage wars of conquest, they only defend their borders and fight off their enemies. Victory using cunning and art is marked with special praise among them. The Governor tries to save his population from danger, so he declares great rewards for those who will destroy the enemy by bribing them, and they send hired soldiers to war, despite the high training of their own.

Utopian religions are diverse, everyone is free to believe what he wants, it is forbidden only to agitate in favor of their beliefs. It is also forbidden to believe in the death of the soul after the death of the flesh. The noble king Utopus, who became the first ruler of the island: left the whole matter open and allowed everyone to be free to believe what he wants and foresaw if one religion is true, the truth will someday come out and reveal itself (if the case is conducted reasonably and moderately)[461], until then, no religion is forbidden. The priests of Utopia are distinguished by rare piety, among which there are women, so there are not many of them on the island. They are engaged in the education of young citizens, develop morality and virtue, in their native language, superior to the rest of the more accurate transmission of thought. In temples, there are no images of any gods, so everyone can represent their own.

Only such society Thomas More considers as the best, as well as the only one that can rightfully claim to be called a commonwealth[462]. And the main wealth of this country he calls devoid of any worries, fun and quiet life. Thomas More calls pride the one of the main problems of modernity, the eradication of which in Utopia was made possible thanks to its fair order.

The basis of Thomas More's concept in his Utopia is the declaration of equality among people, the basis of which is the abolition of private property and the declaration of property

[460] More T. Utopia. – Moscow, 1978. – Pp. 237.
[461] Ibid. Pp. 259.
[462] Ibid. Pp. 273.

equality. Utopians are free to choose an occupation for themselves, their spouse, and their own beliefs. Spiritual freedom is the basis of utopian life in T. More's Utopia. The citizens of his country have everything necessary for the realization of their natural needs and everything possible for the realization of their spiritual needs.

Francis Bacon's "New Atlantis", published in 1627, tells the story of an island that has not been visited by strangers for thirty-seven years. Travelers who ran out of supplies were saved from death by the inhabitants of Bensalem island, led by a duty of mercy. These people were well versed in European languages and full of humanity. The inhabitants of this island are well aware of other regions, but they themselves remain unknown.

The religion of this island is Christianity, and they themselves admit that the ark that saved the rest of the old world from the flood saved our land from unbelief[463]. The king Solamona, who by right is considered the legislator of the country the goal of his life believed solely in making the country and the people happy[464]. For fear of innovations and everything alien to them, a law was introduced that forbade the appearance of strangers for no particular reason, and, on top of everything else, prohibited travel to foreign lands for all ordinary citizens. However, every twelve years, six members of the Salomon's house are sent on two ships of the Kingdom to familiarize themselves with the affairs of the countries to which they are going. They bring information about the sciences, arts, inventions, and industries to the island along with books, tools, and samples. During the history of Bensalem island, only thirteen people were transported on the island's ships to their native lands.

The Salomon's house-established by the ruler Solamona studies the works of the Lord. Religion on the island is considered the strongest means to curb vices, as well as self-respect, which is, however, below religion. The law of God is a guide to how to act.

Along with the laws of Solamona, the inhabitants of the island respect the laws of nature. The purpose of their society is to know the hidden forces and causes of all things and to increase the power of man over the forces of nature until all things are possible for man. There is nothing more beautiful among mortals than the chastity of this people[465]. Not only marriage but also the heads of families are particularly revered. In honor of the head of the

[463] Bacon Fr. The new Atlantis. – Moscow, 2018. – Pp. 206.
[464] Ibid. Pp. 211.
[465] Ibid. Pp. 219.

family, who will give birth to thirty living children and grandchildren, a family holiday is held, at which the head of the family is awarded special honors from the king. After that, the king addresses the head of the family as a friend. Marriage, according to the islanders, is intended to be a means against illicit desires, and the natural desire for a person should be an incentive to this marriage. There is no same-sex love on the island, there is only a true and unbreakable friendship. Polygamy is prohibited on the island, and it is also forbidden to marry earlier than a month after dating. A marriage that has not received consent is recognized but is punishable by a special law on inheritance. Their children are considered part of themselves, so they do not understand how they cannot be valued.

The inhabitants of the island produce everything that can be imagined, and this production is at the highest level, for the purpose of the possible practical application of these items and things, but useless things are not produced. Society is divided into strata, some are impoverished, and each family has its own property. They live together and disputes are not typical for this country, because of the principle of humanity and the fact that truly the Lord has revealed himself in this country[466]. The people of this country do not shed blood, and strangers who have not shed blood in the last forty days may come ashore.

The kingdom pays a decent salary to all officials, because those who accept gifts from them, they call "twice paid", this is declared low behavior, unworthy of a person.

Art is shown here in eloquence and clothing: their conversation is pleasant, reasonable and logical, their clothing is made skillfully, decorated with insignia. The sculpture has a historical function - to preserve the faces of great men for future generations. The gallery displays not works of art, but the best inventions — these are real masterpieces of art for the islanders. The city in which the travelers found themselves looked picturesque only because it was well built up.

The basis of the concept of Francis Bacon is to set up human life to achieve the main, in his opinion, goal-the omnipotence of man. Bacon focuses on the development of human capabilities and the knowledge of the causes of all things. At the same time, in ordinary life for people Bacon gives little space to freedom: the laws regulate the behavior of all citizens, dictate to them the true religion for belief, the industrial sphere is vast and limitless, but

[466] Bacon Fr. The new Atlantis. – Moscow, 2018. – Pp. 200.

subordinated to the main goal-to bring benefit to society.

Gerrard Winstanley calls his utopia "The law of freedom" (1652) because he believes that all the great aspirations of the heart are directed to finding out what true freedom is[467]. Winstanley defines true republican freedom as the free use of land. True freedom is where a person gets food and the means to support life, and this consists in the use of land[468].

Lawyers, according to the author, who should bear the name of justice, in reality, turned out to be a great evil. They support the interests of the conqueror and slavery of people. No one should apply the law for remuneration or money. The text of the law should be literal and be a guide for every citizen. The law is the true ruler of the country, not those who use it to deceive ordinary people. And all officials and observers must be re-elected every year to prevent the emergence of ambition and greed[469]. The hereditary transfer of power only brings misfortunes to the inhabitants, and a person who has a restless character, quarrels with everyone and insults them, can't be chosen until he is corrected. All men who are not convicted by law have the right to vote freely. And at the age of forty to sixty, a person can run for office himself, but if he begs to be chosen and inclines the people to do so, he should not be chosen at all, just as if his opinions and speeches differ in fact from his actions. The choice should be experienced in the laws of the republic, reasonable and honest citizens, restrained in conversation.

A person will live in peace in his country only when no one can oppress him for his actions and judgments in questions about God. A person will take care of the personality of others and do what others should do to him. If he deprives a person of an eye or a tooth, he will lose an eye for an eye, a tooth for a tooth, a life for a life. Freedom in the republic will be lost by the person who tries to stir up discord between neighbors and citizens with his talk and slander.

To ensure that every citizen is provided with everything necessary, laws should be introduced against idleness, and for the convenience of work, all farms should have all sorts of tools: tools for cultivating the land, plowing and reaping. Free labor will provide the

---

[467] Winstanley G. The law of the freedom. Utopian socialism. A compilation of works. Ed. A.I. Volodin. – Moscow, 1982. – Pp. 111.
[468] Ibid. Pp. 112.
[469] Ibid. Pp. 116.

republic with an abundance of not only food but also everything necessary. If someone refuses to learn a trade, work in the field or in a warehouse, but wants to dress and eat, they will be punished by forced labor until they obey the correct order. Each family will receive everything they need from the warehouse, all the necessary items will be in the warehouse, for the convenience of citizens, warehouses will be arranged in each city.

No one has the right to deprive another person of their freedom if a man rapes a woman, and this fact is proved by two witnesses and a confession, then he will be put to death, because this is a theft of personal freedom, and the woman will be free.

Anyone who tries to sell or buy anything will be deprived of their freedom. However, if this criminal decides to sell land that does not belong to him, he will be executed. However, every free person will have the freedom to use the land, to cultivate and build on it, to receive freely from the warehouses all that he needs, and will use the fruits of his labors without any restriction[470]. Everyone who loses their freedom will be dressed in white woolen clothing to distinguish themselves from others, will do hard work, and will be under the direction of a caretaker who will choose his work. Those slaves who give a clear proof of their humility, diligence, and effort to observe the laws of the republic may be restored to their liberty at the expiration of their term of servitude[471].

Every man and woman will have complete freedom to marry someone they choose for love and from whom they can achieve reciprocal feelings. Neither dowry nor descent can become a barrier in marriage, because we are all of the same blood, all we are human, and as for dowry, public warehouses are a dowry for every man and every woman[472]. If the woman has a child, then the man is obliged to marry this girl because the child needs both parents for a full education.

The basis of G.Winstanley's concept is about the idea of free use of land that is declared common to all citizens. Buying and selling is prohibited, citizens freely receive products and items from common warehouses. Every citizen is free to choose their spouse and their religion but must work and obey the fully accepted order of behavior in this utopia.

---

[470] Winstanley G. The law of the freedom. Utopian socialism. A compilation of works. Ed. A.I. Volodin. – Moscow, 1982. – Pp. 118.
[471] Ibid. Pp. 121.
[472] Ibid. Pp. 122.

Utopias "The law of freedom" and J.Harrington "The commonwealth of Oceana" (1656) have a very specific appearance and are purely political in nature. The absence of an element of fiction is the main reason, according to the researcher of English utopia A. Morton, that "... these utopias are now so thoroughly forgotten»[473]. As suggested by A. Morton, for Harrington fabulous form of utopia serves as a convenient screen for the image of his model Constitution; in his utopia, there are no people, there are only instructions and regulations.

The ruler of the Oceana, Olphaus Megaletor, having received the highest authority, renounces it in order to establish a free Republic on the basis of the constitution, of which he is the creator. J.Harrington, however, believed that " ... the nature of the republic depends on the nature of the distribution of land ownership"[474]. Because of this, "...if the whole nation is the owner of land or the land is divided that no one person or group of people, the few or aristocracy, are not more than the people, the land owners, the state is a Republic"[475]. That's why, the basic law of Oceana was agrarian, according to which most of the population was given land, but not all, however, no one had the right to own a plot worth more than two thousand, and the size of the plot for each was determined by its status. There is no birthright in the Republic, and the land is divided among all the sons in equal parts. The land must be divided, and in the event that someone's estate becomes more than the established limit, any surplus must be divided among the sons of the family. Land can only be owned by citizens whose income exceeds one hundred pounds a year, and only they have the right to participate in the election of members of the Senate. The legislative bodies of the state consist of a Senate of three hundred people and a people's representative office of one thousand and fifty people, elected by the less affluent sections of the population. "The reins of government are in the hands of the annually elected Lord strategist, Lord orator, and two censors, as well as the commissioners of the great seal and Treasury, who are elected every three years"[476].

J.Harrington wanted to introduce a democracy that, however, would not allow abuse and bureaucracy on the one hand, and protected from the arbitrariness of the common people and their "irresponsible actions" on the other. "Stagnant water goes bad...Some officials, after

[473] Morton A. The English utopia. – Moscow, 1956. – Pp. 88.
[474] Harrington J. The commonwealth of Oceana. Cambridge., 1992. Pp.52.
[475] Morton A. The English utopia. – Moscow, 1956. – Pp. 95.
[476] Sventohovsky A. The history of utopias. From ancient till the end of XIX century. – Moscow, 2012. – Pp. 96.

sitting in their seats, are so overgrown with moss for lack of movement that they hardly agree to talk to old acquaintances"[477]. To avoid this, J.Harrington proposed to include as many people as possible in the administration by introducing multi-step voting, and the members of all elected institutions would be replaced completely every three years. The principle of rotation is chosen as the main mechanism that supports the Republic in its free state. A prerequisite for the political freedom of the Republic Harrington sees in religious freedom.

The basis of Harrington's concept is the declaration of political freedom and the establishment of its basis — religious freedom. These freedoms will ensure the successful functioning of the Republic, which will ensure the happiness of its citizens.

William Morris called himself a socialist, and about socialism said that from his point of view "...this is a social system in which there should be neither poor nor rich, in which the conditions of life will be equal for all people"[478]. He believed that in a society where need disappears, greed will disappear after it, but the needs of the people of his utopia are small. From a young age, he learned the principle of the unity of good and beauty of J.Ruskin remained faithful to him in his work, not recognizing the difference between physical and mental work. He believed that the inhabitants of the new world will be able to perceive art, because they themselves will be its creators. According to A. Morton, W. Morris created a utopia in which not only you can believe, but also one in which you want to live.

The hero of Morris's utopia "News from Nowhere" (1890), describing utopia for us, woke up in the morning and left the house to find the country of the twenty-first century, completely changed. Its inhabitants look very young, they are strong and healthy, people are durable, their suits are simple cut, but always bright and elegant. In explanation of their youth, the neighbors, as they called each other, told him that "…a person gets old quickly if he is surrounded by people who live badly"[479]. However, they believe that this has its advantages: unhappy people are interesting for writers, that's why utopians don't have a lot of literature. On the contrary, they make people look good-natured, cheerful, and genuinely happy. The situation in England of the XXI century has also changed. now everything was

[477] Harrington J. The commonwealth of Oceana. Cambridge., 1992. Pp.87.
[478] Morris W. How I became a socialist. – Moscow, 1973. – Pp. 53.
[479] Morris W. News from nowhere. – Moscow, 1962. – Pp. 50.

built thoroughly and very beautifully, the pipes of factories disappeared, which created a sense of freedom, height, and space.

The children of this country study independently of any system and spend as much time on the street as possible. "Now we are rich and can afford to grow slowly"[480]. However, residents believe that their children know a lot, proving this, for example, by the fact that they do not have a single child who can't swim. They study here in earnest, and there is no commercial memorization here. However, this does not mean that children are taught only practical information, they also learn languages and sciences, mostly natural, but history is not popular among them, they believe that interest in it is great during periods of strife, struggle, and adversity. And the state of civilization for them is a sign of the happy life of people which hasn't come yet, as well as the large prevalence of literature, which was necessary in order to make someone else's fictional life brighten up the misery of their own. Residents believe that " ... the energy of the people should be directed mainly to creative work"[481]. Children often serve people in the markets, and residents find it useful for them, because children get acquainted with various things, learn how they are made and what they are made of. And neighbors consider laziness a hereditary disease and believe that "...direct descendants of those who in bad times forced others to work for themselves were subject to it. So-called slave owners and employers"[482]. No one is forced to do anything, so the residents choose their own business and try to do it very well. "And when things are going well and you have fun with your friends, everything seems like a joke. You feel so happy"[483]. The work of the inhabitants of this country is in abundance and they perform it with pleasure, and the payment for it is-life.

Also, people are not required to live permanently in one place, they are free to travel. Residents " ... are strong, healthy and live an easy life. They spend it in a reasonable struggle with nature, developing not one side of their nature, but all its sides, and with the greatest pleasure take part in the life of the whole world"[484]. It is a matter of honor for them not to imagine that the whole world will cease to exist from the suffering of one person. It is

[480] Morris W. News from nowhere. – Moscow, 1962. – Pp. 114.
[481] Ibid. Pp. 60.
[482] Ibid. Pp. 81.
[483] Ibid. Pp. 92.
[484] Morris W. News from nowhere. – Moscow, 1962. – Pp. 103.

important to " ... not put yourself at the center of world-life"[485].

The morality of buying and selling in the utopia of W. Morris died out. Everyone gets what they need in shops and bazaars. Also, residents do not understand how you can take "gifts" for their direct actions, because they do not know what to do with such "proofs of friendship". Quarrels about private property between residents do not happen, because everything is common. There was no code of public opinion, no fixed moral rule. "The flowering of beauty is directly related to our freedom and sanity. Joy begets joy"[486]. Residents are always happy to welcome guests, they do not close the doors.

The people of this country believe that it is impossible for a person to get rid of the troubles associated with the relationship of the sexes. However, the inhabitants of this country have freed love from commercialization and property disputes and courts, do not allow to arrange squabbles because of children who are the fruits of love. The selling pleasure also disappeared[487]. Men also have no right now to enslave women, as well as vice versa, the woman has ceased to be the property of men. "Women, like men, do what they know how to do well and what they are inclined to do, and men are not offended at all"[488]. The mother no longer feels anxious about the future of her children. There is no reason to believe that any prejudice will make her children unequal, relative to other men and women, mothers are now free from such fear. The inhabitants believe that the horrors of poverty in the old days were unbearable and conclude that only habit helped people to endure it.

Residents of the country love order: clarity, clarity, and cleanliness in everything and they call their country a garden. They "...simplified their lives, discarding many of the conventions and perceived needs"[489]. People act honestly with all their neighbors, and for this, they are not considered as "saints" after their death, as it was in former times.

There are no prisons in the country now, as well as professional criminals. After the abolition of private property, the crimes came to an end. The principle of "do not steal" was replaced by the principle of "if you want to live in happiness, work". The punishment, they say, which was widely discussed, was actually applied foolishly, and was itself only a

[485] Ibid. Pp. 111.
[486] Ibid. Pp. 112.
[487] Ibid. Pp. 109.
[488] Ibid. Pp. 110.
[489] Ibid. Pp. 134.

manifestation of fear. In the new society, in the absence of a fixed punishment, remorse follows the crime. A person is not tormented, so that his remorse does not turn into resentment, and then into a desire to take revenge.

"Their politics are excellent — they don't have them"[490]. The country's Parliament is now the entire nation. The former Parliament building has been converted into a fertilizer and manure warehouse. The government of past times is called by the inhabitants of the future the court, which was supported by military force by the executive power, which the deceived people allowed to be used against them. Inequality and poverty were declared the law of God and the bond that prevents the destruction of the world. The hardships of the common man are considered such that the question of foreign conquest is puzzling to them: they do not believe that it would be harder for the ordinary peasant if his master was not an Englishman, but a Frenchman, if the payment for the work of a man only allowed him not to starve, but to live another day.

Racial diversity, they believe, makes nations pleasant and useful to each other.

The goal of the residents is to live the day with the greatest benefit and they conduct their business accordingly: together they make important decisions, affectionately calling it "the tyranny of society". Having been able to decide their fate together after the revolution, they decided to make themselves happy to prevent counter-revolution and unrest. The great force of the revolution was the desire for freedom and equality. The system of slavery has proved hopeless, and the only goal for anyone who wants to improve the world is the equality of all people. "They have achieved happiness by the absence of coercion and by allowing everyone to freely do what they are most capable of, and by studying the question of what products of labor are most necessary"[491]. In ancient times, things were made for sale, not for use, which they have now completely abandoned.

They call art work-pleasure and note that it has become an integral element of any person's work. Inventions are not common among them because they free people from the necessary labor, and "…only slaves and slaveholders can rely on machines"[492]. The main thing for the inhabitants of new times is " ... the world in which they live, the world of which

[490] Morris W. News from nowhere. – Moscow, 1962. – Pp. 142.
[491] Ibid. Pp. 154.
[492] Morris W. News from nowhere. – Moscow, 1962. – Pp. 278.

they are a part, and which they will love with all their heart"[493]. The world exists not only to drink, sleep, and eat, but to bring a part of your soul into it by loving it. Not as it was in the old times when people despised life and feared death.

This is how Morris imagines the people in their era of calm when they "...threw away wealth and found prosperity"[494]. The basis of the Morris concept is the complete liberation of a person and giving him a happy life. The man of his utopia is free to choose the business of his choice and is free from laziness, the inhabitants are free to travel. Utopian citizens are free from politics, courts and lawyers, strict education systems, prisons, and professional criminals, as well as inventions.

[493] Ibid. Pp. 248.
[494] Ibid. Pp. 297.

CHAPTER 2. Utopia and freedom

2.1 Border of freedom in utopia

Previous analysis of the author's English utopian concepts shows that the idea of "freedom" plays a great role in them. The question of a free life in utopia has deep historical roots. One of the first utopianists (after the appearance of the term "utopia"), T. Campanella was criticized for the fact that despite his confessions that"...I have been in prison so many times that I can't remember a month of true freedom, only exile"[495], he created one of the most closed and unfree utopian communities. The search for a balance between freedom and coercion was one of the central positions in utopian projects of different years. This has led to the emergence of a typology of utopias, based on the problem of freedom. Fernando Ainsa divided utopias into two groups: utopias of order and utopias of freedom. "Thomas More's book became the originator of the utopias of freedom, and Campanella's "The city of the sun" gave birth to the utopias of order"[496]. The utopia of freedom is based on the principle of recreating the ideal person. the utopia of order is based on the norms that should be fulfilled by the ideal citizen of society.

All utopianists, without exception, call the happiness of people the main purpose on the way of establishing a perfect state of society. Thomas More sees it in spiritual freedom and education, C. Fourier defines it as an excess of internal and external, W. Morris sees happiness in bringing benefits to society, other utopians know only how to achieve it: as, for example, G.Winstanley believes that all people will be happy after all the land and means of production become common, but most authors agree that happiness will be in not having anything, but having everything that is necessary. Among utopianists, the idea of a happy life varies, but the main dispute is the vision of the roots of people's misery. Among the most popular utopianists consider ignorance, inequality, laziness, deviations in sexual relations, tax oppression and oppression in rights. Depending on the understanding of the causes that make people unhappy, the utopianist in his project struggles with various sources of human

[495] Gorfunkel A. H. Tommaso Campanella. – Moscow, 2010. – Pp. 9.
[496] Ainsa F. Reconstruction utopia. – Moscow, 1999. – Pp. 27.

misery. These troubles are based on an order in which people's relations were unequal because the order itself was unfair. It should be noted, however, that the injustice that the utopian conquers in his work is real. As M. Lasky notes: "the utopian dream of the future, with its sources in fantasy and alienation, suggests the presence of the nightmare of the present"[497]. Utopianists draw this injustice from the present reality and overcome the oppression of the injustice of their contemporaries. However, a different problem arises in the utopian path at this point. People around are unhappy because they are under the external yoke of social determinism. The utopian in his work grants people freedom from this oppression, but the achievement of happiness inevitably leads to the introduction of certain restrictions on freedom. Closed borders of the island or moral standards-become the price for the happiness and well-being of the island.

Discussing personal freedom in utopia, utopian researchers differ in their views on this problem. A. Sventokhovsky, for example, says that freedom in some utopias is so limited, thoughts and feelings are settled in them in advance, and "... whoever wants to obey them, must stop being a person"[498]. Another researcher, E. Shatsky, believes that: "... utopia does not threaten human freedom, since 'true freedom' is realized just within its framework"[499]. Karl Kautsky notes that the society described by T. More "...is the only one to which the name "free " applies"[500]. Lewis Mumford writes that in utopia " ... everyone is able to be a man because no one can turn into a monster"[501].

Karl Jaspers noted that " ... perhaps the deepest contradictions between people are due to their understanding of freedom"[502]. However, this is not the only explanation for this range of assessments of personal freedom in utopia. This difference of opinion is also explained by the fact that in his work "The principle of hope" Ernst Bloch described as a break in ties and the impossibility of absolute and correct reading. This ultimately leads to the destruction of the cultural context. This leads to the difference in views and differences between the modern ideals of freedom and the ideals of the society of the time of T. More or J.

---

[497] Lasky M. Utopia and revolution. Utopia and utopian thought: anthology of foreign literature. Ed. V.A. Chalikova. – Moscow, 1991. – Pp. 174.
[498] Sventohovsky A. The history of utopias. From ancient till the end of XIX century. – Moscow, 2012. – Pp. 409.
[499] Shatsky E. Utopia and tradition. – Moscow, 1990. – Pp. 45.
[500] Kautsky K. Thomas More and his utopia. – Moscow, 2011. – Pp. 294.
[501] Mumford L. The story of Utopias. New York., 2008. P. 78.
[502] Jaspers K. The origin and goal of history. – Moscow, 1990. – Pp. 166.

Harrington. T. More's Utopia was published in 1516, projects of F.Bacon, G.Winstanley, and J.Harrington were printed in the seventeenth century: in 1627,1652 and 1656. "News from nowhere" by W. Morris was published in 1890, it is evident that the ideals of freedom were transformed during this time.

As noted by Z. Bauman, the Oxford English dictionary since 1483 records the use of the term "freedom" as an opportunity to go anywhere. Since 1578, freedom has been defined as an action without restrictions. By 1697, the use of the term freedom is recorded as getting rid of duties, works, and taxes. "In ancient and middle English, freedom always meant a privilege-getting rid of the tax, duty and the jurisdiction of a lord"[503].

Given such definitions, it is hardly possible to call the lives of people in English classical utopian projects free: the main example is universal labor service, no one leads an idle life in utopia. Those who compare utopian orders with the idea of J. Bentham's Panopticon, which is based on total control, are right. The tasks that Bentham set for the Panopticon: to punish the incorrigible, correct the vicious, treat the sick, instruct those who wish in any branch of the craft, or educate a young tribe on the path of education, are also set for the creator of utopia. But the starting point of Bentham's idea is the difference; the main idea of utopia is equality. It should be noted that the most important question about the chief overseer, which in reality remained debatable, is solved in utopia, and the law is recognized and appointed as the main one over all. This is made possible by the principle of interiorization. The external norm is assimilated by new generations and passes into the internal principle of self-organization. Here it is worth saying that the principle of interiorization in utopia takes on a more complex character. In fact, it is intended for new members of utopia, for generations following the establishment of the ideal public hostel. The civilizing process, which results in the internalization of the norm, passes, as N. Elias writes about it, in four stages. The first is concerned with thematization on norm, the second step involves the detailing of norm and formation of the object, which directed the public consciousness, the third stage is the extension of sanctions for disregard of the norm, in the fourth stage, there is a disappearance of norm, but compliance of it, it means the transition

[503] Bauman Z. Freedom. – Moscow, 2006. – Pp. 22-23.

from the external to internal principle and individual environment of a person. The civilizing process is characterized by the fact that under the pressure of an increasing number of external norms of coercion, the process of self-coercion[504] increases, and in utopia, although the structure of processes is identical in appearance and description, the internal processes of the mechanism differ. Utopianists usually point out that from the oppression of laws and slavery citizens believe to take refuge in utopia, where a small number of laws, the criterion of which is the highest degree of intelligence. Thus it turns out that people themselves are looking for external coercion, even with the help of reasonable laws, and thus interiorization takes place with the permission of the utopian citizens themselves, but in organizing utopia where they choose the norms from which their self-coercion will develop by themselves. And this self-compulsion is fully consistent with human nature and these norms are highly reasonable, so in utopia, the principle of interiorization does not lead to an increase in coercion, but an appeal to the nature of human self-control. There is no understanding of freedom as a privilege because there is no power over anyone except yourself. This leads to an important difference from traditional society, where "... some people set norms, others follow them"[505] because, in utopia, all people set norms and strictly observe them, that is, people set norms for themselves.

Until the end of the sixteenth century, freedom was synonymous with noble birth and the privileges of birth. The change in this order was influenced by utopian projects, which often proclaimed equality in the rights and duties of all citizens. However, such definitions do not take into account an important aspect: the ideal of spiritual freedom and its philosophical interpretation.

The English philosopher of the XVII century, Thomas Hobbes, referring to the topic of freedom, noted that human actions are like the waters of a river: they have not only freedom but also the need to flow along their own channel. "We have the same combination in actions performed by people voluntarily...Since voluntary actions spring from the will of men, they spring from freedom, but since every act of human will...it comes from some cause, and this

---

[504] Elias N. The civilizing process. Vol. 2. State formation and civilization. – Moscow, St. Petersburg, 2001. – Pp. 237-256.
[505] Bauman Z. Freedom. – Moscow, 2006. – Pp. 38.

cause comes from another in a continuous chain...then they come from necessity"[506].

Another English philosopher, John Locke, believed that human freedom consists in the fact that " ... an individual can act or not act according to his choice"[507]. Man has the ability to think about his actions, the power to postpone his desires, and the freedom to consider objects.

E. Fromm noted that for many years after the destruction of the Medieval way of life, " …the innate desire for freedom inherent in human nature ... reasserts itself again and again"[508]. And even says that " ... the core of modern European and American history is the effort to achieve freedom from the political, economic, and spiritual shackles that bind man"[509]. Asking the question: "why is freedom a desirable ideal for some, and a threat for others?"[510], E. Fromm himself believes that the answer is that the oppressed, those who are not happy with their situation, are fighting for freedom. But in the end, when investigating the roots of human activity, he believes that "...human existence and freedom are inseparable"[511], freedom, in this case, is understood as an immanent property of man. In the biological weakness of man as a species that does not have a biological program and means of protection, E. Fromm sees the basis of freedom – work, as a multivariate means of adaptation to life. Fromm also gives an interesting interpretation of freedom, noting that you can call the point of its beginning. "One of the most eloquent representations of the fundamental connection between man and freedom is given by the biblical myth of the expulsion of man from Paradise"[512]. The myth gives an idea of the starting point of human history, directly related to the act of free choice, which was not a person, while emphasizing the sinfulness of his freedom, since the first free action of a person was a violation of the ban. Freedom – as one of the factors for achieving a happy life, understood not in its negative sense as freedom from, since freedom is a concept not only quantitative but also qualitative – something that should be directed the efforts of modern man. To develop

---

[506] Hobbes Th. Leviathan or the matter, forme and power of a common-wealth ecclesiasticall and civil. – Moscow, 2001. – Pp. 146.
[507] Locke J. Two treatises of government. – Moscow, 1988. – Pp. 317.
[508] Fromm E. Escape from freedom. – Moscow, 2018. – Pp. 12.
[509] Ibid. Pp. 15.
[510] Ibid. Pp. 18.
[511] Ibid. Pp. 42.
[512] Ibid. Pp. 43.

independently, it is necessary to abandon the mechanisms of escape from freedom-totalitarianism and conformism and return to your own life, to realize yourself, your desires and by using positive freedom, which consists of "... spontaneous activity of a full and complete personality"[513], spontaneity, in this case, should be understood in the Latin meaning- "at your own free will".

G. Simmel, in his essays about "Metropolis and mental life", gives this evolution of freedom: "If the XVIII century calls for liberation from all historically formed fetters that bind a person – in the state and in religion, in morality and in the economy-so that the initially good nature, which is the same in all people, can develop unhindered; if the XIX century, in addition to just freedom, requires that man and his activities also have a specialness based on the division of labor, which makes each individual incomparable with others and as indispensable as possible..."[514], then by the XX century, the spiritual essence of a large European city "... provides the individual such personal freedom of a kind and in such an amount that in other conditions there was no equal in the history"[515], while noting that the reverse side of this freedom does not mean a comfortable sense of self for a person.

The destruction of the cultural context allows as Bloch writes in "The principle of hope", to reveal new ideas when reading, to rise to a higher level of generalization, to examine more closely not individual fragments, but the whole idea of the utopian, and most importantly to evaluate the ideals that lay at the foundation of a new perfect society. This can be confirmed by the recognition of A. Morton that the ideal of absolute freedom of W. Morris, collected from many small details of the life of future generations in utopia, remains the ideal of our society.

There are at least three aspects that influence the construction of a utopian system: genre features, cultural context, personal preferences and views of the author. Each of these aspects affects the concept of freedom that develops in each individual author's utopia.

Among the features of the utopian genre are the following: dialogical construction of the text; description of the social ideal that does not require subsequent transformations; hence the peculiarity of the image of utopia outside of historical time and based on the island

[513] Fromm E. Escape from freedom. – Moscow, 2018. – Pp. 248.
[514] Simmel G. The metropolis and mental life. – Moscow, 2018. – Pp. 75.
[515] Ibid. Pp. 93.

principle, which allows to isolate utopia from the outside world; also the belief in the limitless possibilities of man and the principle of total rationality.

The peculiarity of constructing utopian text on the dialogic principle (even in the case of micro dialogs or a formal question-and-answer form of presentation) the newfound invention of the Renaissance (ancient dialogues) allowed the authors of utopian projects to introduce elementary human communication. This increased the freedom of description, made it possible to animate the text, make it more relaxed and not like a moralizing text or a commentary on the Bible, and also created the effect of a plausible narrative that imitates a situation possible in real life.

Another feature is the description of the island utopia was dictated by several reasons. The island location made it possible not only to hide the inhabitants of an ideal country from prying eyes but also gave a faint hope that such an island could be discovered one day in all its beauty. "Of the seventy - five British utopian and dystopian works published between 1700 and 1802, all except three of them focused on islands or uncharted territories"[516], - David Wilson cites statistics. However, the island location of utopia limited the ability of residents to travel.

The connection between the cultural context and the concepts of utopian freedom is expressed in general cultural attitudes that are translated through social ideas and ideals. "All the English utopia, no matter how universal they are, always mean first and foremost his own country"[517]. This is shown in the epigraphs: "a fairy tale is told about you", as in J.Harrington or in the image of future England as in the utopia of W. Morris. This is also indirectly indicated by the fact that English utopias rarely deviate from the tradition of depicting an island state, this is certainly due to what was described above. England, an island nation, has always been a platform for speculative experiments of its citizens.

It is important to note that in England, the authors of utopias usually were intellectuals and took part in political life of homeland: Sir Thomas More was Lord Chancellor and son of sir London judge, Sir Francis Bacon was Lord Chancellor, Baron, and Viscount, Gerard Winstanley was born in the family of a rich silk merchant, James Harrington graduate of

[516] Wilson David A. The history of the future. – Moscow, 2007. – Pp. 78.
[517] Sventohovsky A. The history of utopias. From ancient till the end of XIX century. – Moscow, 2012. – Pp. 95.

Oxford, William Morris was born in the family of a wealthy industrialist and was also a graduate of Oxford. Among English utopians, there were no such people as Tommaso Campanella, who was the son of a poor shoemaker, or Robert Owen, the son of a small shopkeeper, who also did not receive a systematic education. Most English utopians received a good education and took an active part in the political life of their homeland.

For English utopias, it is not characteristic of the practical assertion of what is due as being, which is characteristic of French utopian views. English classical utopia is characterized by a theoretical justification of the possibility of due, the search for the right reasons, arguments about the best order, but not the declaration of already found reasons as true or the demand for the speedy destruction of the current order. For English utopian creativity is not characteristic of such a kind that E. Toffler called praktopia. Praktopia is a system of social reforms aimed at building a world that is not ideal, but better than ours. The French will achieve all the charms of utopia sooner by revolution; English utopianism will choose reform more readily, if it is possible, and revolution only if it is absolutely necessary.

Officially, England did not know a totalitarian regime. It is believed that " ... the English utopia is characterized by a forced attitude to freedom, assuming religious tolerance"[518]. English utopia is characterized by the use of the term "freedom". In English utopias, human freedom is proclaimed from the primitive joys of luxury dresses or huge houses, " ... but utopians find spiritual freedom, the opportunity to live a rich spiritual life"[519]. In More's utopia, there is an attitude of religious tolerance, proclaimed by the king, until the light of true religion is revealed. G. Winstanley in his utopia "The law of freedom" proclaims agrarian freedom, and declares its main advantage-the ability to work on a common, owned by all in equal shares, and not owned by anyone completely, land. J.Harrington proclaims equality in voting rights and religious freedom. He believes that political freedom will be ensured by involving the largest number of citizens in the reasonable management of their country and by the free and constant rotation of all public officials. Fr. Bacon, in his utopia, places his hopes on an idol-free human mind and proclaims the triumph of the human capabilities of the inhabitants of "New Atlantis" in their endless skills, technologies, and

[518] Shadyrsky M. I. Literary utopia from More to Huxley. Attainment of island. – Moscow, 2007. – Pp. 14.
[519] Osinovsky I.N. Thomas More. – Moscow, 1985. – Pp. 89.

crafts. W. Morris, freeing future generations of England from politics, judicial fetters, prisons, and imaginary needs, sees their happiness in the fact that they spend every day for the benefit of all, and, therefore, for themselves. Interestingly, the majority of English utopians proclaim free labor, which, however, is declared mandatory for everyone, all citizens are equal in their labor duties and honors.

The concept of freedom in utopia is also formed under the influence of the utopian's personal views, acquiring its final form. As noted earlier, the majority of utopianists are unanimous in their vision of the causes of human misery: inequality, ignorance, laziness, deviations in sexual relations. However, the question of how to solve this problem remains on the conscience of the utopianist. It is clear that the ignorance is solved by establishing a reasonable system of education, the problem is laziness allowed the introduction of general labor service, and the inequality can be solved through fair laws that also govern the sexual relations. But the system of education in English utopia can range from a traditional public school with its gradual system of increasing knowledge, like Bacon's, to the free assimilation of basic practical skills and additional scientific knowledge for those who wish, as Morris describes[520].

Ultimately, these three aspects give a complete appearance to the concept of freedom described and implemented in utopia.

Speaking about the peculiarities of ideas about freedom in English classical utopia, it should be noted that almost all English utopianists free their ideal societies from an important parameter: the monetary system. Changes in the system of consumption, production, and accumulation of utopian products make it possible to eliminate the monetary institution and all negative manifestations in society associated with it.

Another important step on the way to abolishing the yoke of past failures is associated with the mandatory introduction of a new language system on the island, which always has roots with other languages and grammars, but allows better and more productive communication. Such a step allows us to get rid of past untrue language forms, eliminate all possible contradictions and leave the system of thinking with forms in which human misfortunes, hunger, injustice, and slavery were possible. The emergence of a new and better

[520] Andreev G. Value conflict: the forming of dystopia. / Philosophical thought. – 2019. – N 2. – P. 66.

language makes it possible to establish communication in a utopian society to such an extent that understanding between fellow citizens becomes complete and absolute because language means gives an opportunity for citizens to fully and clearly express their thoughts and feelings.

As for specific measures related to finding a balance between order and freedom, they will be discussed below. Thomas More's utopia seems at first glance to be a sufficiently free state. Everyone is free to choose a craft for love, however, his utopia introduces a common occupation for all women and men - farming. Residents must work six hours a day, but they spend their free time at their own discretion. Under the established minimum of utopian laws, they became free from private property and property equality was introduced for them. All products and items for maintaining a happy life are freely available in public warehouses, in the required quantity. Citizens of utopia are free to choose their spouses. There are no lawyers on the island and no contracts are accepted. Every citizen is free to believe what he pleases, provided that he does not call others to do so. All officials are freely elected by the people. Residents neglect material goods for the sake of spiritual freedom, which they recognize as their happiness. One of the main features of T. More's society is that there is slavery on the island. Of course, they are not treated very harshly, however, they do all the dirty work on the island, though they can be freed from slavery, having worked the necessary number of years for the benefit of utopia. Slavery is the main punishment on the island, which emphasizes the special importance of freedom as a value that is deprived of citizens for crimes.

Francis Bacon's society believes that the goal of educating all citizens is not happiness, but the possibility of everything for humans. So that a person, having known all the reasons, is free to do everything possible. On the way to this goal, they have already achieved success, the inhabitants of the "New Atlantis" produce everything that can only be imagined and that can be applied to the benefit of society. At the same time, the island's only religion is Christianity, and they call God's law a guide for acting in life. On the island, everyone has to work and receives a salary for it, each family has its own property, and trade flourishes. To avoid the destruction of the ideal state of society, king Solamona prohibited any contact with the outside world and the travel of ordinary citizens, to protect the island from everything

new. Salomon's house is dealing with this issue on the island.

Gerard Winstanley defines freedom in society as the free use of land that provides the necessary sustenance and livelihood for people. The land is declared common among all citizens, everyone is free to cultivate it and build on it, and every family receives everything necessary from public warehouses, over the replenishment of which all citizens work equally. Buying and selling in utopia are prohibited. The law is declared the true ruler, and lawyers are not needed. The inhabitants are free in their judgments about God and you can marry a person of their choice. The main punishment for crimes, like More's, is slavery. Slaves perform the hardest labor, but they can become free again if they dutifully perform slave labor for a certain time. Elections on the island are free, and free people can run themselves.

James Harrington sees the happiness of society in religious and political freedom. The main principles of its utopia are the principle of free rotation of officials and multi-stage elections, which allows attracting the largest number of citizens to run the country. These principles will allow the Republic to function most successfully.

In the utopia of William Morris, the inhabitants choose their own business, at their discretion, freely develop all sides of their nature. All citizens are obliged to work, there is no laziness on the island, all that is necessary residents get in shops and bazaars without money, the morality of buying and selling is dead. Residents are free to travel, both within their state and outside it. There is no private property or politics on the island, as well as courts and lawyers. Men and women are equal in their rights and responsibilities. The island is free of prisons and professional criminals who have attempted to steal private property. The crime is followed by remorse, but not punishment. All residents of the island are equal, and citizens welcome racial diversity. All things and objects in utopia are made freely and beautifully for use, not for sale. Residents are free from inventions that take away useful physical labor and turn it into a slave or slaveholder.

2.2 The problem of freedom in utopia

According to Z. Bauman: "the meaning of freedom remains clear as long as it is thought

of as the abolition of oppression"[521]. Thus, when in a utopian project the inhabitants are freed from the yoke of the imperfections of the past system, the question of the "quantity" of freedom remains open, but since the concept of "freedom" has a long history and many meanings, this question concerns two main understandings of liberty — negative and positive.

In the negative sense, " ... to be free means not to experience interference from others"[522]. Absolute freedom is unattainable because it assumes that a person does whatever he wants, and in the conditions of human society this is impossible. However, the complete rejection of freedom leads to self-destruction, so "... some part of freedom must be given up in order to preserve the rest"[523]. But the more non-interference space there is, the more freedom there will be. The wider the space for intervention, the closer such freedom will come to the concept of "privacy". "Privacy — the right to prevent other people from invading concrete places, at concrete times, or during concrete activities"[524].

With this understanding of freedom, there are several features that need to be noted. The first of these concerns the fact that in the concept of negative liberty, coercion, as the suppression of human desires, is in itself an evil, although it should be used to prevent a greater evil, and non-interference is in itself a good, although not the only one. The second feature is related to the relative modernity of this concept. In the ancient world, individual freedom as a conscious political ideal was not actually discussed, but "... the desire to live by oneself is a sign of high civilization of both the individual and the community"[525], and this understanding of freedom is hardly older than the Renaissance and the Reformation. The third feature is related to the fact that a negative understanding of liberty is compatible with certain types of coercion and sees the problem of the border of control as one of the main issues, but not its source. A negative understanding of liberty is characterized by the statement "I am not a slave" and the question of how much power interferes with a person's personal affairs.

Something that is called free in theory is not always free in real life. The components of

---

[521] Bauman Z. Freedom. – Moscow, 2006. – Pp. 66.
[522] Berlin I. Philosophy of freedom. – Moscow, 2001. – Pp. 47.
[523] Ibid. Pp. 49.
[524] Bauman Z. Freedom. – Moscow, 2006. – Pp. 68.
[525] Berlin I. Philosophy of freedom. – Moscow, 2001. – Pp. 50.

free action are not only the absence of coercion or non-interference but also the motive, as well as the resource for performing such action. The lack of a resource for free action leads to the fact that, regardless of other parameters, the right to freedom remains unrealized. Freedom can be declared in society, but if there are no resources to carry out free actions, it is impossible to freely exercise your will in such a society.

The problem of the source of control or government arises from a positive understanding of liberty, which is characterized by the statement "I am my own master" and discusses the question of who rules me, i.e. who has the right to say what I should do. The meaning of this understanding of liberty arises from the individual's desire to act on his own will and be the master of his own life. This interpretation of freedom assumes that a person in his own life is a subject, not an object. Positive liberty is presented as a requirement to follow one's own goals and considerations, to do so without the influence of external causes, pressure or strict regulation. According to I. Berlin, for a person who wants positive liberty obstacles can be the actions of people, the laws of nature, and even accidents. "These forces may be more powerful"[526]. Because these desires can never be fulfilled, the person can give them, while maintaining their freedom intact. However, this process has two sides: the positive side is resistance to your own unbridled desires and reasonable control over them. The negative side is the process of approaching suicide of the individual, in the case of permanent rejection of everything that can hurt a person. Another aspect of positive liberty is related to the question of how to make people intelligent individuals with free will, so that they themselves, being intelligent, can, if necessary, establish the same laws as in utopia. The logical solution seems to be the education of these people, but education is also a kind of compulsion, and in this regard, the question of the limits of intervention in human life is raised. Here, too, the question arises as to who can be entrusted with this education for the benefit of man, and whether it is legitimate to argue that the ignorant empirical self, forced to the right course of action, is not oppressed and suppressed, but on the contrary, becomes free. In this "...ideal case, freedom coincides with the law, and autonomy with power"[527]. This is the ideal case, and most of the authors of projects on the best world order, their utopia. J.S.

[526] Berlin I. Philosophy of freedom. – Moscow, 2001. – Pp. 52.
[527] Ibid. Pp. 58.

Mill, for example, states that: "... freedom is not applicable as a principle in this order of things when people are not yet capable of self-development through freedom"[528].

Two theses of R. Safranski: "…only the truth will make us free"[529] and " ...freedom will make us true"[530] in the position of utopia take the status of non-contradictory. It is when a person, based on true grounds, creates an ideal society in which everyone will be happy and free, that all the best properties of his true nature will manifest, which are still under the yoke of social injustice.

Utopian thought chooses an island as the object of its transformations, guided not only by tradition. "Island life provides the best possible solution to the border problem, which is particularly sensitive to utopia, which is born at the junction of the real and imaginary worlds"[531]. The island also allows, due to its spatial separation and protection from other lands, to minimize contacts with the external imperfect world, not to make any communication with external neighbors and thus have full and absolute freedom of action at the national level. Indirectly, this need for freedom for the utopian community is also confirmed by the fact that despite the knowledge of other languages and the wisdom of the utopian people, their own language is always universal and completely unlike any of the existing ones, so that the old categories, errors or prejudices of utopians are not transferred to a new and ideal life.

Another opposition in the utopia that has been examined is related to the relationship between the "new" and the free on the one hand, and the "static" and the perfect on the other. In this case, freedom is associated with the ability to create new things, but in utopia, the existing ones are reproduced. Since utopia declares that the ideal state of the human community has been reached, which all reasonable members of this community generally consider being just, it does not require any further changes. The absence of the need for external changes leaves only internal management, which is reduced to monitoring the implementation of the best and shortest laws, as well as overseeing the timely distribution of general (in most cases) benefits. Dreams of a better commonwealth arise in the individual

---

[528] Mill J.S. On liberty. – Moscow. 2000. – Pp. 298.
[529] Safranski R. Free variations about freedom. // Positions of contemporary philosophy. – 2004. – N 3. – Pp. 57.
[530] Ibid. Pp. 60.
[531] Panionova T.S. The archetype of the island as a mythological component of utopia. – Rostov On Done, 2004. – Pp. 81.

when the individual is not satisfied with the world outside of him, and this world is not arranged in the best way or has the potential to develop in a positive way. The order inherent in the external world does not satisfy all the requirements of the individual's freedom or does not allow them to be fully realized. "The inner self works on what is outside"[532]. However, if the world were a field of completed facts, or more broadly a realized utopia, no single thing could be transformed under the individual's desires. Thus, if nothing happened outside of us or everything was static, even if it was perfect, then nothing would happen inside the individual either. It should be noted that in this state of affairs, however, there is no possibility of endless changes, which often at a certain stage become the goal of themselves and are, as G. Simmel noted in the work "The crisis of culture", one of the aspects of the crisis of culture, namely the substitution of human goals by means to achieve them[533]. Goals, even if they are common to utopian citizens, remain unshadowed and can thus be freely realized by means, the best of which are already in the hands of utopian citizens.

The above, however, does not postulate that the impossibility of introducing something new into life makes the inhabitants of utopia unfree. Freedom as a rational self-education on the one hand, and recognition of the importance and equality of other individuals on the other, enables to call reasonable or free the state, "...if it is the rule, freely accepted by all reasonable people; in other words, such laws, which they would establish, if asked, as reasonable people, that they need"[534]. This statement corresponds to the basic principle of the organization of all life in classical European utopia, starting with Thomas More.

The opposition of personal freedom and society can be considered in the example of F. Shelling's arguments. The philosopher believed that " ... a separate member, such as the eye, is possible only in the integrity of the organism; nevertheless, however, it has a life for itself, a kind of freedom, the presence of which is proved by the fact that it is subject to disease"[535]. Using Shelling's metaphor and imagine an individual member of society as an eye, it is impossible to say, by analogy with the eye, that an individual is not free within the framework of society. Although both of them are under the power of the brain and the entire

---

[532] Bloch, E. The principle of hope. Utopia and utopian thought: anthology of foreign literature. Ed. V.A. Chalikova. – Moscow, 1991. – Pp. 50.
[533] Simmel, G. The crisis of culture. Selected works. Vol 1. Philosophy of culture. – Moscow, 1996. – Pp. 492 – 493.
[534] Berlin I. Philosophy of freedom. – Moscow, 2001. – Pp. 56.
[535] Shelling F. Philosophical inquiries into the essence of human freedom. – Moscow, 1989. – Pp. 97.

body, the other-the society, this does not mean that they do not have their freedom. Even in a deterministic position with respect to society, an individual member has a part of personal freedom that does not intersect with the interests of society.

In Russian thought, the question of freedom was covered, for example, by Leo Tolstoy. He believed that for three reasons, man " ... cannot imagine complete freedom or complete necessity"[536]. This is because a person can't get a concept of freedom in space, in time, and the absence of a cause. He argues that a person, for example, raises and lowers his hand when discussing his actions, assumes that they were performed freely by him, but admits that he moved it in a direction in which there were fewer obstacles for this. And "...for my free action, it is necessary that it does not meet with any obstacles"[537]. The second reason is related to the fact that a person is chained by the moment of time at which the act is performed. It is possible to judge only about the moment that has been passed in which the hand was not raised, however, the raising of the hand in the next moment is not proof of the free possibility to raise the hand in the previous moment, because neither the hand nor the air is the same as before. Thus this movement, to call it free " ... must be imagined in the present, in the face of the past and the future, that is, outside of time, which is impossible"[538]. Speaking of the third reason, Tolstoy notes that when I raise my hand to perform an act independent of any external cause, I want to perform an act that has no cause, which can be confidently called the cause of the committed act. Thus, Tolstoy recognizes that nothing definite can be said about freedom and necessity separately from each other.

In the history of European philosophy, there is an idea of freedom as utopia. It is connected with the fact that the idea of absolute freedom is only speculative reasoning and in practice, it is absolutely impossible to implement it. In particular, because "...freedom should not turn into arbitrariness and destroy the community of the social whole"[539]. Utopianism is perceived here as a synonym for impracticability. But it is worth noting that there is also the idea of utopianity of utopia. I. Kant, arguing in the "Critique of pure reason" about the Plato's "Republic", wrote: "Although this perfect system will never be, nevertheless, the

[536] Tolstoy L.N. War and peace. Vol. 4. – Moscow, 2006. – Pp. 361.
[537] Ibid.
[538] Ibid. Pp. 362.
[539] Kagan M.S. Esthetics like philosophical science. – St Petersburg, 1997. – Pp. 41.

idea, which puts this maximum as a prototype, guided by which, we need to bring the law-like social structure to the greatest possible perfection should be considered as right"[540].

The question of creative freedom, which the author has in the course of working on his speculative project, is completely different. The author of utopia, in the course of his work, is not limited by any framework, only by his common sense and imagination. "Nature has not set any limits to our hopes," wrote N. d. Condorcet. And I. Kant concluded that "... everything depends on freedom, which can step over any given border"[541], meaning by the border – the gap, "... which must remain between the idea and its implementation"[542]. The utopianist decides what his society will be, what elements of the social and cultural structure will get a new life in his project. Even the genre itself does not have strict compositional rules for utopia as a work of literary art. For example, D. Vairasse in his "History of the Sevarambes" led the story in the first person, and not in the form of a dialogue, as was customary, and G.Winstanley set out his views in sixty-odd paragraphs, framed as clear rules with a brief commentary. Even the island location of the described project allowed the author to freely place his utopia anywhere in the world. At different times, utopias could appear in the lands of the new world, Oceania or Atlantis, or the lands of England.

If we consider the concepts of freedom in English utopia from the point of view of philosophical assessments, it turns out that the question of a resource for the implementation of free action is solved in this way: any action that is not declared prohibited or illegal, and is also useful for the prosperity of the entire society can be carried out. The main motive of all human actions in utopia is reasonable behavior within the best laws and self-improvement of all sides of their personality.

The island border of utopia does not restrict the movement of citizens where travel is permitted. The issue of minimal contact with the outside world is logically explained by the security of citizens and the preservation of their happy lives.

The opposition of personal freedom and society is resolved by mutual intersection, sometimes by superimposing one on the other. This is because, in the performance of their duties, the main of which is to work, the citizen of utopia fulfills his duty to his homeland,

---

[540] Kant I. Critique of pure reason. – Moscow, 2011. – Pp. 290.
[541] Ibid.
[542] Ibid.

whose task is to ensure a happy life for its citizens. The happiness of citizens consists of the multilateral spiritual development of all sides of their personality, with the benefit of their fatherland. Thus, the citizen, developing, benefits his utopia, which is his happiness, and utopia from developed citizens receives a lot of products of labor, which, due to legal distribution, fully benefit citizens equally, which provides them with further life and the opportunity to develop, even more, to bring even more benefits.

The opposition to "happiness" and "order" is initially linked to the fact that to establish a happy state of society, each member must give up a certain amount of their freedoms. Since the order in utopia is perfect, a person refuses the minimum set of these freedoms but gets the happiest life today and a guarantee of the same quality tomorrow.

The opposition of the "new" and "free" is connected with the completion of all processes in utopia, and its actual loss from the field of possible reform and improvement. Since there is no internal dissatisfaction with the external order, and there is no need for the individual to change it, the emphasis is shifted from this process to the process of self-education and self-improvement.

Separately, we should say about Francis Bacon's "New Atlantis". This project stands apart from all the other considered classical English utopias. In his work, Bacon describes a society in which private property is not abolished, monetary and commercial relations are present, and the morality of buying and selling is not eradicated. This leads to class fragmentation of society, which is called one of the main human problems on the way to establishing an ideal community among English utopianists. The text never uses the term "freedom" in relation to utopia itself, and there is no distinctive English religious tolerance. However, this utopia belongs to the classical ones and its features should also be taken into account when considering the ideas of freedom in the English classical utopia, because its main ideal is to gain power over all things so that everything becomes possible for a person, and he becomes free in his actions.

Based on the features of the concepts of freedom described in the English classical utopias, we can draw the following conclusions about them: it is better to call these ideas prerequisites for the formation of the concept of "positive liberty", as Isaiah Berlin argues about it. It is this freedom, for the preservation of the established ideal state of society, that is

described in utopia. It is reduced to a minimum of compulsion: labor duty and the implementation of a minimum number of perfect laws, in addition, because of the high degree of development of people, these compulsions are recognized as absolutely necessary and, moreover, are not recognized as a duty, but rather as a pleasant necessity. In the words of R. Safranski, truth (or the ideal state of a happy society) makes them free, because it grants laws consistent with the human mind and excludes factors that negatively affect human life: private property, money, laziness, which drew borders between people and turned them into slaves. However, declared equality of rights and duties in utopia does not imply recognition of personal equality of human capabilities, on the contrary: utopia acknowledges the differences of all people, and it makes a society harmonious built and developed by the variety of people and races nourish this perfect society and not allow him to develop only in one direction.

Given the typology proposed by F. Ainsa, it should be noted that several conclusions can be drawn from the consideration of five classical utopian texts. The first is due to the fact that based on the ideas described by utopians, three works relate to the utopias of freedom — these are utopian projects of Thomas More, Gerard Winstanley, and William Morris. The utopias of order include the projects of F.Bacon and J.Harrington. These two classic English projects tend to maximize the regulation of all spheres of life of their citizens, reducing the area of making independent decisions of people to a minimum. This demonstrates the tendency of the project's internal tension: for example, Bacon's belief in unlimited human possibilities is most eloquently described, but this belief does not concern the area of independent decision-making at all. On the contrary, the English utopias of freedom assume an extension of the framework of personal decision-making, with one important remark: only when the laws of the utopian Republic are truly just and ideal. It is interesting to note that the author of the typology, despite the presence of a class of slaves, refers to the utopias of freedom projects of More and Winstanley. This is explained by the fact that the ideal of freedom plays an important role in the life of these communities, so the main punishment for any crimes and actions that can shake the ideal order is the conversion to slavery.

Another conclusion is related to the fact that English classical utopian thought in its attitude to freedom does not adhere to the general European trend, which was to increasingly

regulate and dogmatize utopian life, which eventually led to its collapse in the eyes of supporters and oppositionists. Even in the nineteenth century, which would be followed by the rise of dystopia, Morris's utopian project appeared in England, which many researchers recognize as "... the height of freedom-loving utopian thought"[543].

Utopias considered in the context of the concept of positive liberty can be analyzed for the" quantity " of freedom and the question of power. Since utopia describes a society in which individuals fully recognize the validity of their laws, they do not need external coercion or control, because they themselves agree to comply with them, i.e. they themselves act as authorities for themselves. The one who is chosen as the ruler of the country is not responsible for the order in it, but for its prosperity and foreign policy decisions, since there is no need to supervise the implementation of the law and enforcement of the established order. It is the classical utopia that represents the ideal case in which the understanding of freedom coincides completely with the law, and autonomy is the power of a utopian country.

If we turn to the problem of understanding freedom in the context of the English classical utopia, we can say that the presented utopians were characterized by an axiological approach to freedom. Taking into account the typology of values, which divides all values into three types, namely: final, instrumental, and derivative, we can draw the appropriate conclusions. The analysis shows that the ideal society in English utopians is understood as a society where everyone is happy[544]. Happiness-is the highest and final value of all the considered societies, but one and the main tool (and applied to various areas of public life) for achieving this happiness in the English utopia is freedom. Freedom is thus understood as an instrumental value that serves to achieve and preserve the final value – happiness. This provision is of great importance in the context of the entire study.

J. Habermas and his text "The future of human nature" can give a new meaning to the problem of freedom in the context of utopia. Speaking about human opportunities and human freedom on a global scale, Habermas notes that man has not yet managed to subdue one process – the birth of a child. "Until now", he writes, "we could assume that the gene pool of the newborn and, consequently, the original organic conditions of its future life

[543] Ainsa F. Reconstruction utopia. – Moscow, 1999. – Pp. 29.
[544] Andreev G. Historical and cultural context of forming representations about freedom in English classical utopia / Contemporary science. – 2019. – N 2. – P. 13.

history are excluded from the sphere of programming and purposeful manipulation carried out by other persons"[545]. In many countries, experiments on embryos are prohibited, in the "... respect for the human being from the beginning of life"[546]. However, it is obvious that if society constantly returns to this discussion, today we are on the threshold of increasing our freedom. Decoding the genome will allow you to embed yourself in it and influence the characteristics of a person, the next step of which may well be to program the "need" or "right" people and use the person as a tool.

Let's have a look at some of the issues that Habermas highlights in more detail. The freedom of medicine and the decoding of the genome will allow a person to gain freedom from diseases. Goal-setting is certainly one of the distinctive properties of man, but if you look at the history of science, you can see that many of the modern human achievements are accidental, for example, penicillin or shatterproof glass, and when the level of science is such that a certain technology becomes possible – it will certainly be invented – an example is still with the same radio. Many times a person on the threshold of discoveries argued that this would give the world energy, provide everything necessary, and in the end created weapons and used them, as in the case of the atomic bomb, which for many authors is a symbol, the apogee of the crisis of humanity of the XX century. Some might argue that weapons are only a side issue, but the promised ones are only weapons, and nuclear energy has not provided everything necessary. And yet the problem is in the person, in his activity, which often turns out not to be what was planned. And although: "in carrying out his plan, the "programmer" intervenes in the interaction, rather as an ally; within the game space of the programmed person's activity, he does not act as an opponent"[547], the consequences are the main things we need to think about.

Among the most significant are three aspects. The first is related to what Habermas calls the position of "therapist" and "designer" Being in the first position with the embryo, the "therapist" treats the embryo as if it is already the person it is going to become. The position of the "designer" differs in that it combines the modes of the engineer and the breeder, it simultaneously constructs and gives certain properties to the future person. The

[545] Habermas J. The future of human nature. – Moscow, 2002. – Pp. 23.
[546] Benoist A.de Against liberalism. – Moscow, 2009. – Pp. 357.
[547] Habermas J. The future of human nature. – Moscow, 2002. – Pp. 74.

second position for Habermas is related "...to the improvement and reification of pre-personal human life"[548]. This will lead not only to the reification of man in terms of terminology, as now, but also in the physical aspect. People will become something else, also the man-the result, as will now be the result of purposeful activity and people in general because they will get an opportunity to get a person as a result that was previously unavailable.

In this regard, a second aspect arises. "The change will happen in the minds. The change in consciousness will occur as the result of a shift of perspective, the transition from performative installation, perceiving himself as the main actor in his personal life to the perspective of an outside observer, in which his own human body from birth is perceived as an object of intervention"[549]. In this regard, Habermas sees two perspectives – it will turn into self-alienation or it will turn into a solution to the question of who is a person for himself forever. In the first case, a person will experience his situation as a deep crisis of the presets of his life, in the second-he will simply accept his new nature and live with it, knowing its conditional "secret".

The third aspect is related to the issue of responsibility. A person is used to consider himself as the source of his own actions and aspirations, which allows everyone to perceive everyone in the community in this way. In the case of introduction into the human genome, what will be the degree of responsibility of the creators of such a person, and what will be the limits of responsibility of the person himself? The problem of responsibility also highlights another problem, freedom. The freedom of the creators of the first generation of such people will certainly increase here and now, but what will the future hold for humanity? Will the implementation depend on someone or something, will people remain without the implementation? Is there any danger of giving a tool to reduce personal freedom to the state, but this time leaving no place for personal freedom at all? And will a person lose himself completely if he deciphers his own genome?

It is obvious that these problems that Habermas covers are extremely relevant for the authors of dystopias, but they were also relevant for the authors of utopias, just the prospect

---

[548] Habermas J. The future of human nature. – Moscow, 2002. – Pp. 112.
[549] Ibid. Pp. 66.

of implementing their utopias did not threaten their own freedom. And also, because " ... in the past, utopian literature ... played an almost crucial role in ordering people's dreams of alternative futures"[550]. Today, dystopia has taken care of the alternative future.

[550] Toffler A. Future shock. – Moscow, 2004. – Pp. 507-508.

CHAPTER 3. Dystopia and freedom

3.1 Forming of dystopia

Over time, interest in actual utopian projects began to decline markedly. Most often, utopia researchers consider the XX century to be the time of dystopian advancement. This is primarily due to the greater popularity of dystopia in the face of utopia. This is also confirmed quantitatively, in 1981, L.T. Sargent, one of the largest experts in the field of utopia, noted that 39 utopias and 199 dystopias appeared in English literature over a quarter of a century. It is obvious that now the situation has changed even more: in 1989, E. Batalov called the situation - " ... the dystopian boom in literature"[551].

Of course, the promotion of dystopia does not mean the decline of utopia: utopian works appeared. But much in these works speaks of the decline of the genre. For example, in the book "Modern utopian fiction: from H. G. Wells to Iris Murdock" by P. Firchow, published in 2008, the author connects the end of utopia with Wells's text " The time Machine". He saw the trend towards the decline of utopia in its transforming form, which became, on the one hand, more like fiction, in order to meet the demands of the modern public and to move away from long dreams to the area of specific forms of embodiment of these dreams. On the other hand, according to Firchow, Wells used a special technique for constructing fiction. This technique allowed Joseph Conrad to call Wells "a realist of the fantastic". The point of Wells's technique was not to make "everything possible", but to change only one aspect of reality: in this case, time travel in order to change the rest of the structure of reality according to this change. This gave maximum realism to the fantastic version of the future.

The main reason for the desire for realism Firchow considers the decline of utopia. Utopia moves away from the perfect conditions and seeks to become closer to reality and look more plausible in order to have a better chance of being evaluated by the reader as a plausible possibility, and thus forever moves away from the utopian ideal, which previously could not be changed in favor of realizability.

---

[551] Batalov E.Y. In the world of Utopia. Five dialogs about utopia, utopian consciousness and utopian experiments. – Moscow, 1989. – Pp. 266.

At the same time, Firchow notes another feature: the authors of utopias of the past were mostly philosophers, and in the late XIX-early XX centuries, utopia moved into the field of fiction. Firchow confirms this with the example of W. Golding's book "Lord of the flies", which he refers to utopian works.

Firchow attributes this transition to the fact that the function of utopia has changed. Authors such as More, Bacon, and Harrington saw their task in using utopia "...as a tool for describing what an ideal state might look like"[552]. Since the middle of the eighteenth century, by which time the utopia of W. Morris belongs, the authors saw their task in criticizing the modern institutions of government, and not in portraying the ideal, which is more reminiscent of Firchow satire. Firchow states that the task turned from positive into the negative. Literature, with its specific means, is more convenient in this respect than a utopian treatise, so the philosophical utopian discourse is gradually replaced by a literary one. At the same time, Firchow notes that the literary utopia of the XX century has much in common with dystopia.

L. Sargent, in his book "Utopianism: a very short introduction", writes that another prerequisite for the rise of dystopia is that by the middle of the twentieth century, utopias had reached their limit. Utopias were written from all possible positions: there are also "...socialist, capitalist, monarchist, democratic, anarchist, environmental, feminist, Patriarchal, egalitarian, hierarchical, racist, left-radical, right-radical, reformist, utopias of free love, nuclear family, large family, sexual minority utopias, and others"[553], what Toffler called an adhocratic utopia, i.e. a utopia for every necessary case.

For Sargent, it is obvious that utopias began to offer a single way to build an ideal: reform by changing laws aimed at transforming the political, economic, religious system, public school, and more intelligent use of technology and the use of science from the point of view of the socialist, capitalist, or other position from the above list. The list of positions is extensive, but still not infinite, the result of which, in his opinion, "nostalgic" utopias, following the example of "News from nowhere" by W. Morris, returning to the past state of the people of today, simplifying their complicated relationships. The idea of progress,

---

[552] Firchow P. E. Modern utopian fictions: from H.G. Wells to Iris Murdock. Washington, D.C., 2007. Pp.190.
[553] Sargent L.T. Utopianism: a very short introduction. Oxford., 2010. Pp. 21.

together with attempts to invent something new, turned into utopian proposals to go not forward, to a bright future, but back, to a bright past. This proves that in the twentieth century, utopia not only reached its limit as a genre but also that the ideals that were at the heart of utopia were "shaken".

Firchow concludes his book by noting several events that influenced not only utopia but all humanity. He cites a whole chain of events, each of which further undermined the value system of European humans in the XX century. "The first World War, the subsequent Holocaust of the Second World War, and the Soviet Gulag made it increasingly difficult to believe that humanity itself and its institutions (or both) could become ideal"[554]. Along with these reasons, E. Batalov calls "... scientific and technical progress...as a factor that contributed to the crystallization of dystopia"[555]. The situation was such that the desire for progress led humanity to the death of modernism in the furnaces of Auschwitz, as J. F. Lyotard wrote about it, picking up this symbol after T. Adorno. These arguments were summed up by Berdyaev's idea of the fundamental feasibility of utopia, an idea that Mannheim already expressed, but which has a completely different pathos in N. Berdyaev: how to prevent the final realization of utopia. That a new century of intellectuals will be accompanied by the idea of how to return to less perfect and freer society and avoid the realization of a utopia that has never been so possible. This idea became an epigraph to the"Brave new world " of A. Huxley, who, along with G.Orwell created a new English and world tradition, which has now become dystopian and fixed the attitude to utopian projects.

The essential feature of dystopia, according to Batalov, is "... the crisis of socio-historical hope"[556]. At the same time, for him, the dystopia "...is not just a dispute with utopia, but its fundamental negation"[557], in which "...the normative function is manifested in a negative form"[558]. Thus, in his opinion, dystopia is a concept completely opposite to the utopia and in terms of the fate of the future of humanity, which considers the pursuit of utopia and its implementation to be fundamentally harmful. It is difficult to say how accurate this

---

554 Firchow P. E. Modern utopian fictions: from H.G. Wells to Iris Murdock. Washington, D.C., 2007. Pp.191.
555 Batalov E.Y. In the world of Utopia. Five dialogs about utopia, utopian consciousness and utopian experiments. – Moscow, 1989. – Pp. 266.
556 Ibid. Pp. 269.
557 Ibid. Pp. 264.
558 Ibid. Pp. 272.

definition of dystopia is.

I would like to note that the tone of complete denial of the utopian idea itself can't always be clearly traced in the text or even read between the lines. Some authors have works of both utopian and dystopian character, and their position remains completely hidden. An example of this is Huxley and his utopian "Island" and dystopian "Brave new world". In addition, Sargent, tracing the origin of the dystopian tradition at the same time as the utopian one, calls the first dystopian author Aristophanes, later called "the father of comedy", and insists that he touched on topics similar to the Greek utopians, although there were no such terms yet.

In modern literature, there are studies devoted to the differentiation of the terms "dystopia" and "cacotopia". "Dystopia" – ("bad place", from Ant. Greek. "dys" – "bad", "topos" – "place") a term that traces its history back to J.S. Mill, who first used the word "dystopian", more characteristic of the Western tradition. "Cacotopia" – ("bad place", from Ant. Greek. "kakos" – "bad", "topos" - "place") I. Bentham's term for describing the worst place. However, for this work, these differences haven't fundamental importance.

Everything that has a negative character to utopia, we will call dystopia for convenience, because the purpose of the work is to analyze the values of utopian works that have negative utopian motives, "utopian warnings". What matters, perhaps, is that the term "utopia" appeared much earlier, and the term "dystopia" 2.5 centuries later, when dystopian works began to play a significant role for researchers and their research. R. Baccolini and T. Moylan define dystopia as the "dark side of Utopia".

To understand the values of modern dystopias, it is necessary to understand the relationship between the concepts of utopia and dystopia and the reasons why people and their preferences have changed. The reasons mentioned above are certainly the main and most significant, and at the same time, quite general, characteristic of many spheres of life of the European human, not only his utopian research. We propose to delve into the philosophical reflection of that time and hope to find out additional reasons for changing the vector from utopian to dystopian.

Baudrillard in his book" Symbolic exchange and death writes:" ... this is the fatal fate of any system, which by its own logic is doomed to complete perfection, and therefore to

complete collapse...therefore, only a catastrophic strategy is possible here...to bring everything to the limit, and then it turns itself into its opposite and collapses"[559]. This is what happened with utopia, as Sargent showed, after going through all the possible options, when utopia reaches its limit, it turns into a dystopia, that is, it revolts against itself. So, it will happen with freedom, as Toffler believes, freedom, when it reaches its limits, will deny itself. All this Baudrillard reduces to a new system - "... a purely structural game of value"[560], a new stage of value-relativity, substitution and simulation. For example, the simulations of utopia in dystopia, where the author, in order to achieve the goal of criticizing reality, creates a world that, by simulating utopia, is perceived as a utopia and as a future society, being neither one nor the other, but only signs of these two phenomena.

Also interesting in the context of utopia is the idea that as a result of the destruction of goals or, in our case, ideals, including utopian ones, the means begin to be used incorrectly because new goals are not developed, and the movement is carried out as if by itself. In other words, the goals of utopian discourse – the idea of progress, evolution, and improvement-were destroyed, and utopian means remained and now serve the dystopian discourse, whose main goal remains to prevent the complete destruction of the system and the destruction of humanity. We are not talking about a happy existence: "... production has died. Long live reproduction!"[561]. Reproduction, in this case, is perceived as a way out of the situation for the modern system of social relations, in which the extension of life is preferable to death.

In the context of utopia, this idea has an intersection with the thought of another philosopher, G. Simmel. Unlike Baudrillard, when analyzing the crisis of culture, he speaks of the substitution of means for goals. The means developed for the realization of the goal so captivate a person that he only moves away from the goal, as happened with utopia. Over time, the authors of utopian projects have moved so far away from discussing the idea of happiness or the values of the future society that they have begun to focus only on measures, i.e., means that will allow them to achieve it.

Numerous attempts to implement utopian projects in real life also served for the end of utopia. Their goal is still called the happiness of people, but in practice, it turned out to be

[559] Baudrillard J. Symbolic exchange and death. – Moscow, 2000. – Pp. 47.
[560] Ibid. Pp. 52.
[561] Ibid. Pp. 84.

only a means to increase control, deprivation of freedoms and violation of human rights. All this did not bring man closer to a utopian future. It is not surprising that utopian ideas about limiting certain aspects of human life did not correspond to changes that occurred with the person himself. As Simmel points out, human values are now growing "...from the individual's protection of the independence and originality of his own being from the superior forces of society, historical heritage, external culture, and the technique of life"[562].

Besides, an important role in the formation of dystopia was played by the feature of modern culture noted by G. Simmel, in which objective culture (material objects, mainly) is superior to subjective culture. In relation to utopia and its decline, this idea is also quite applicable: a person notices that the number of things around him increases (Toffler, for example, gives such calculations: "... when a person reaches the age of 70 years, society will produce 32 times more than when he was born"[563], if the current pace of development continues), and the properties of his spirit do not progress in this way: he is as far from utopia as 70 years ago.

Among the consequences of the cultural crisis, Simmel singled out, in addition to the above, the fact that the number of elements of culture has increased so much over the course of progress that it suppresses human nature. And so is the fact that day after day things are getting "smarter and more complex", and the average person, you can say, has reached certain limits and "stands still". Things and objects overwhelm a person, thus, not only by their quantity but also by their content, which, thanks to technology, becomes more difficult to understand every day. Both of these consequences have profoundly influenced the attitude of modern humans to utopia.

In his book "Contingency, irony and solidarity", R. Rorty, discussing the transformation of society, draws attention to a completely different sphere that has shaped modern man, calling it more practical. Speaking about the historical process and development of man and society, Rorty notes that for him there are two types of reasoning about a person: a person as a person whose main efforts are directed inward, and a person as a citizen who pays great attention to the external environment, i.e., society and the world. In accordance with this,

---

[562] Simmel G. The metropolis and mental life. – Moscow, 2018. – Pp. 75.
[563] Toffler A. Future shock. – Moscow, 2004. – Pp. 37.

Rorty divides both people and authors, some writing about autonomy, others writing about justice. Thus, Rorty touches one of the most important aspects of criticism of utopia and the transition of utopian projects to dystopian ones – the clash of the private and the common. It is the disparity in the fact that in utopia more space was given to the construction of external, common and larger structure-the ideal society, and less to a separate unit, the individual-that led to global shifts in the utopian tradition. Rorty writes that:"...the novel, the film, and the TV show gradually and thoroughly replaced the sermon and the treatise as the main means of moral change and progress"[564]. Despite the fact that Rorty does not speak directly about dystopia, his thought confirms the actual trend: from a utopian treatise or essay, utopian projects turn into dystopian novels.

Rorty sees his task and the task for a new, post-metaphysical culture in the "... seeing people who are alien to us as companions in misfortune"[565], and thus to bring closer the solidarity that is possible, and which he himself calls "a liberal utopia". Speaking in absentia as an opponent of the pessimism of Baudrillard and other authors who argue about the sad role of the twentieth-century human, and that it is not possible to go beyond the role of a simple performer, already predetermined for everyone, Rorty notes that one of the key moments was the moment of overcoming this theological and metaphysical contradiction by posing an entirely new question. A question that " ... helped us replace truth with freedom as a task of thought and social progress"[566]. Thus, Rorty notes that it is the question of freedom that is most important for the modern man.

In contrast to Baudrillard, who believed that the reign of complete freedom had come "... universal no-attachment, no-obligation, no-trust"[567] and associated it with a new type of value production that triggered a universal reaction of absolute nondeterminism, Rorty speaks of freedom in the social sense as a task of the future, a dream that has not yet come true.

All this leads us to the idea that the turn from utopia to dystopia is largely related to the global trend of the formation of modern man while giving a clear indication that the central

---

564 Rorty R. Contingency, irony and solidarity. – Moscow, 1996. – Pp. 21.
565 Ibid. Pp. 20.
566 Ibid. Pp. 18.
567 Baudrillard J. Symbolic exchange and death. – Moscow, 2000. – Pp. 52.

place in this formation is the question of freedom.

An absolutely different concept for "the crisis of European man" offered J. Huizinga. His book " Homo ludens. The experience of defining the game element of culture " brings a completely new understanding of the consideration of utopia as a cultural phenomenon. The game and utopia have a much closer relationship than it might seem at first glance. The well-founded view that utopia as a term is based on a play on words, which was mentioned at the beginning, gives us the opportunity to talk about utopia as a game in a certain context, as well as about poetry, which Huizinga himself referred to as a game.

Competitive character, boundaries, rules, loyalty, awareness, and the desire to be deceived are characteristic of both the game and utopia. Utopia can be viewed as a game within a game, since not only is the work itself a speculative experiment and can be interpreted as a game, but also the society proposed by the utopian as an ideal one is built on the principles of free play, where the author realizes that they are a game and, like More, for example, put forward this game only as an option for consideration, realizing the seriousness of the future reforming project.

Of most interest to this work is a question about the crisis as it presents itself Huizinga. Speaking about contemporary culture, he notes that one of its features is that: "Modern culture is hardly already played, and where it seems that it is still played, this game is fake"[568]. While, as a result of his research, Huizinga came to the conclusion that " ... culture, in its initial phases, is played. It doesn't grow out of the game...it unfolds in the game and as a game"[569].

This is exactly how does utopia is in dystopia look like: it is fake because it only imitates the game of utopia. Seriousness comes to the fore in a dystopia, the author of which is seriously concerned about the current state of society. This is perhaps the only thing that unites utopia with dystopia – what Huizinga has called competition in slighting.

The slighting character of utopian satirical notes about modernity has not lost its continuation in dystopia. On the contrary, the slighting nature of images of reality has taken one of the central places of dystopia. It is interesting that both utopianists and dystopianists

[568] Huizinga J. Homo ludens. – St. Petersburg, 2015. – Pp. 286.
[569] Ibid. Pp. 242.

chose the British author J. Swift as one of their sources of inspiration and follow his principles of hyperbolizing contradictions and bringing them to the point of absurdity.

For understanding the complete comparative analysis in greater detail, we will use another Huizinga's term outlaw. Outlaw is a violator of the rules of the game, a figure that emerged in the dystopian tradition in the XX century since it is impossible to imagine outlaw in utopia. In dystopia, there are two outlaws at once. The first is a dystopian author who opposes the utopian game and presents us with a mock utopia in his novel. The second is the lyrical hero of the novel or their group, which opposes the proclaimed utopia. Just as the lyrical hero tries to put an end to utopia within the boundaries of the novel, or at least to question its ideals, so the dystopian author tries to end utopia in real life, with the help of his entire novel. Using the game concept of culture for consideration, we have an interesting conclusion: the modern dystopian tries to put an end to the games of the past forever. But whether he will end up with a culture that is based on the game, and what kind of culture he sees if it is not based on the game, remains to be seen. This will help us to a closer analysis of the texts of dystopian novels with the use of Huizinga's terminology.

All these concepts allow us to better understand the reasons for the turn from utopia to dystopia, expand our understanding of this turn, but consider the person of this period from the standpoint of global changes in the entire culture. But what is this man and what are his values?

3.2 Core value of dystopia

The question of value in a dystopia can be raised in two ways. The deductive method consists in raising the question of the value of the dystopia and the values of the dystopian picture described in it. The value of the dystopia itself depends on the individual text. For example, the text is aimed at criticizing the consumer society and considers all its negative consequences as a consequence of blindly following the increase in consumption and, if the forecast comes true, the value of foreseeing this work will be high, although somewhat untimely. But this is the fate of dystopianists-to judge the future while in the present.

The values of the dystopian world set out in the text are very difficult to recognize.

Often, the author focuses on portraying the vices of reality as metaphorically as possible and showing the entire inner emptiness of the nominally described utopia, and he does not have a task to outline the direction of development of the future society that has replaced the utopia-tyranny. "Although dystopian texts make assumptions about what a good society might look like, often such assumptions are very short or unclear..."[570]. In this regard, a very big difficulty arises: in a normal system, following the rules of logic, one could use the anti-values of dystopias and complete the axiosphere of the future after the destruction of the dystopia instead of the author. But the theory of values will not allow this, and the absence of a rigid dialectic can be illustrated by a simple example. Let's say we're looking at a dystopian text. Among other points of criticism, the walls are painted green everywhere. The routine of life, some event in the life of the lyric hero makes him realize that he hates the green color of the walls, and in general, he now sees the struggle with this color of the walls as the purpose in his life. Numerous events, deaths, victory over the green color of the walls and here it is the long-awaited sunset, illuminating the new walls, a new color. But what will they be? For example, red is not the opposite of green. Each color can be instead of green, so how to figure out which one the author would choose? Or maybe he was on strike against a certain shade of green? Or against all the walls being the same green color? Or maybe green is a symbol, but then what does it mean for the author? It is the same with values in dystopia, and there is no way to tell about many of them. More precisely, there is a possibility, but our assumption will almost certainly be inaccurate, we will only attribute our thoughts to the author of the dystopia, say for him something that he might don't assume.

The second way to ask about value, inductive, is to ask directly: is something specific valuable to this society? The problem is that the list can be huge, and a simple conclusion-yes, it is valuable - will not reflect for us the intensity of the value, the hierarchy, or any more detailed picture associated with the values of dystopias.

Based on this, the most appropriate option is to analyze the value core of the dystopia, which has not changed so much over time, since it is the basis of the dystopian worldview. The reasons that were described above as the basis for the dystopian promotion have one

[570] Stillman, P.G. Twenty-first century critical dystopias // More after More. Essays commemorating the five-hundredth anniversary of Thomas More's Utopia. Edited by Ksenia Olkusz, Michal Klosinski, Krzysztof M.Maj. Krakow., 2016. Pp. 58.

common place. One term is the most common, and it is safe to say that this term is suitable for answering the question of value asked in both ways. This term is freedom.

Freedom is at the heart of most modern dystopias, the ability to have the possibility of something different than what happened to you yesterday and will happen tomorrow. The very case, as Rorty says of it, that can be "... considered worthy of determining our fate"[571] appears as the main value in dystopia. Moreover, almost everything that had the adjective "free" was called valuable at different times, depending on the dystopia. Everything that could be free was evaluated positively. However, this answer – freedom, if we take a closer look, in fact, does not give us anything fundamentally new or objective in the consideration of dystopia, as well as the consideration of these concepts, based on anti-values.

As M. Kagan wrote: "... the value unity of mankind...is only possible, not real..."[572], so the common understanding of freedom even in dystopia is only a possibility, and very illusory. Here we encounter another paradox: freedom has acquired so many interpretations and definitions during its existence as a term that it is impossible to say for sure that two dystopian authors who argue that society should be free from control understand this relatively equally. On the other hand, the context and content of some works leads us to the fact that, for example, freedom from labor for one author means exactly what free labor means for another. That is why, in order to say with confidence that not only freedom is a value of modern dystopia and is understood approximately equally by all authors, but also to say how it is understood and what is considered free, it is necessary to study several additional problems.

The context of dystopias is inextricably linked to utopias. Even a crude definition of dystopia as a utopia with a prefix expressing its negation directly refers us to the roots of dystopia. Therefore, it was necessary to consider the value of freedom in English classical utopian projects, the context of their formation, and after that, it became possible to begin analyzing the value of freedom in dystopia. It is also necessary to consider the context of modern dystopia and freedom, their proximity, even synonymy, and the concept of responsibility associated with the concept of freedom.

---

[571] Rorty R. Contingency, irony and solidarity. – Moscow, 1996. – Pp. 45.
[572] Kagan M.S. Philosophical theory of value. – St Petersburg, 1997. – Pp. 121.

One of the main reasons for the birth of the dystopia was mentioned the collapse of the Communist idea, an attempt to implement which was made by the USSR. Here it is worth emphasizing that the utopian tradition was influenced by two factors at once: the potential for the implementation of the communist project and its actual appearance, which had significant differences from the original idea. The potential implementation factor is interesting because such a project, which can be classified as utopian, has never been so large-scale, it has always been limited to the size of the community. In addition, such projects have never affected so many people, not only within the Soviet Union but also outside it: as an ally in the struggle for the communist idea, for some, and as a threat to others. Both the Third Reich and the Communist Party of the Soviet Union, in the opinion of the outside world, unnecessarily claimed the freedom of other people. The way they interacted with others made it clear that it would be impossible to remain neutral. Either you become one and lose your freedom, or you become an enemy and try to preserve your freedom in the new world. The world tended to define its own and others', making it necessary to choose sides and divide common ideals.

Let's turn to the french writer G. Bernanos, who was a contemporary of those events. His book, consisting of essays combined under the general title " Freedom...for what?", aims to discuss the destiny of freedom in the modern world. As the title suggests, the book has a reference to Lenin's phrase, which according to Bernanos " ... expresses a kind of cynical disillusionment with freedom..."[573]. His attitude is similar to that of another totalitarian power, where the Germans went to their deaths to " ... testify that they had transferred their freedom to his (Hitler's) hands"[574]. In the afterword in his essay "The work of art in the edge of mechanical reproduction ", W. Benjamin connects this with two different approaches to politics, the first of which is the politicization of art, the second – the aestheticization of politics, but in the end, both approaches, in his opinion, indicate the highest degree of alienation of modern man. Question: "... why do we need freedom?"[575] according to Bernanos, this is the key issue in the modern world, and it is important for the entire future of humanity.

[573] Bernanos G. Freedom…for what? – St. Petersburg, 2014. – Pp. 101.
[574] Ibid. Pp. 178.
[575] Ibid. Pp. 110.

Bernanos believes that " ... the modern world is essentially a world without freedom...it is a luxury"[576]. The man of this new world is essentially reduced "...to two equally insignificant states: the consumer and the taxpayer"[577]. And strikingly anticipates not only the thoughts of Baudrillard but also says that replacing goals with means, society died, continuing the thought of Simmel. Bernanos notes that the slogans "Freedom or death" during World War II turned into slavery or death. At the end of the war, the lives of prisoners in concentration camps and those outside them did not change: the dilemma between slavery and death remained for them the only one in life. Giving a speech on behalf of any European state, Bernanos writes: "Give me a little more time, work hard, and soon I will completely take care of you, insure you against any risk, marry you, raise your children, what else do you need. Freedom – for what? If I take the trouble to think for you, I will be perfectly able to be free in your place"[578]. This kind of dystopian fate Bernanos predicted to European civilization. And I must say that if he was not right in everything, the fears of most modern dystopian writers remained exactly the same. "Democratic countries won the war and lost the world..."[579], the world in its global sense, the spiritual world, the world of values. And the problem of this world is not only that people have become masses, and the world is now subject to their dictatorship, and not that the consumer society exists only as long as there is something to spend on the production of what is superior to what is necessary, and not that yesterday's neighbors and friends are today's enemies, but that the idea of equality that has won the global war.

The victory of equality for Bernanos means the victory over freedom, the emergence of a new wonderful world, which is not new and not wonderful because this victory turned out to be what he called: "Total equality in universal slavery"[580]. The choice is the central foundation of the human spirit, and since "…there is no responsibility without freedom, and love is a free choice, otherwise it costs nothing"[581], on the free choice the man is built.

Interestingly, when explaining what happened to European civilization, Bernanos

---

[576] Bernanos G. Freedom…for what? – St. Petersburg, 2014. – Pp. 141.
[577] Ibid. Pp. 129.
[578] Ibid. Pp. 109.
[579] Ibid. Pp. 162.
[580] Ibid. Pp. 104
[581] Ibid. Pp. 256.

chooses Manchester, an English industrial city, as the starting point. Technical barbarism that's what gave rise to " ... the civilization of cotton spinning machines..."[582], which turned into the invention and use of the atomic bomb.

The atomic bomb can be considered as one of the symbols of the rejection of utopia and the transition to dystopia. To win back freedom, according to Bernanos, you need to be strong enough and not accept the level of slavery that is common among all. This is what dystopian authors call for to be strong in the fight for your freedom, you must have the courage to bear more responsibility for yourself.

However, not everyone is as positive about freedom as Bernanos and sees it as a good thing. "...freedom cannot be recognized as an absolute positive value – it can also be a source of evil, becoming a destructive force for a person. The value of freedom is potential, and only the concrete realization of this possibility allows you to make a positive or negative value judgment"[583], - notes M. Kagan. At the same time, when discussing the East-West problem, Kagan argues that freedom is the real value dominant of Western culture: "...the West asserts individual freedom as the supreme value that has subordinated all others, giving rise to the idea of political liberty, the principles of "creative freedom" as the main artistic value and "individual taste" as the main aesthetic value"[584]. What does Bernanos argue with, for example, when he says that: "we are all French, we put equality above all else and even prefer it to freedom"[585], thus arguing with the slogan of the French revolution, where freedom comes first.

Many calls freedom only a myth, which is the basis of European culture, because "people are animals, of which some grow their own kind, and others – just grow under their keeping", as some can write and read, and others - not. The idea that, according to P. Sloterdjik, in his work "Rules for the human zoo", is that characteristic of all European folklore, starting with Plato's utopian research, passing through Nietzsche's ideas, that only a few have a will, while the lot of the majority is to be the object of the will of others, and equality is the only thing that can be hoped for by the majority.

---

[582] Bernanos G. Freedom…for what? – St. Petersburg, 2014. – Pp. 71.
[583] Kagan M.S. Philosophical theory of value. – St Petersburg, 1997. – Pp. 124.
[584] Ibid. Pp. 144.
[585] Bernanos G. Freedom…for what? – St. Petersburg, 2014. – Pp. 86.

Of course, some deny freedom at all or deny its presence in the modern world, such as J. Dean: "Freedom and justice are empty signifieds"[586]. Sartre notes that "man is doomed to freedom", considering it as a kind of punishment. One might assume that in the 70 years that have passed since Bernanos, everyone has come to disillusionment with freedom. However, this is not the case and some believe, like A. de. Benoist, that: "Freedom is the main value. It is the very essence of truth"[587]. And M. Kagan, for example, considers the doom to freedom as a sentence " ...to a valuable way of managing their behavior, their activities..."[588].

There is another group of researchers who pay attention to completely different aspects of freedom. Thus, the futurist Alvin Toffler, noting the increasing acceleration of time and the increasingly temporary and short nature of interaction with people and things, says that the bonds that form strong relationships between people necessarily limited their freedom, as well as other features of the old way of life. Freedom of movement, freedom of choice due to abundance will eventually result in the future that "...the problem of each person is not the problem of surviving in hard mode and standardization, and, as we have seen, the problem of survival under conditions of complete freedom"[589]. And the problem of this time will be that the person will "... suffer from a paralyzing abundance of choice"[590], so Toffler responds to the pessimism of his opponents.

But let's return to the question of the nature of freedom, within which dystopias are created. Of course, censorship is one of the tools for restricting personal freedom, but if before the XXI century "... censorship worked by blocking the flow of information"[591], then in the "... XXI century censorship works by loading people with extraneous information...in ancient times, having power meant having access to data, today having power is equal to knowing what to ignore"[592]. S. Zizek cites here Y. N. Harari's quote in a sign that shares his opinion.

The Internet and digital technologies allow you to prohibit something, making it inaccessible among a variety of other information, new communication channels that

---

[586] Dean J. Crowds and public. // Stasis. – Vol 5. – 2017.– N 1. – Pp. 221.
[587] Benoist A.de Against liberalism. – Moscow, 2009. – Pp. 340.
[588] Kagan M.S. Philosophical theory of value. – St Petersburg, 1997. – Pp. 172.
[589] Toffler A. Future shock. – Moscow, 2004. – Pp. 209.
[590] Ibid. Pp. 288.
[591] Zizek S. End of capitalism, end of humanity? // Stasis. – Vol 5. – 2017.– N 1. – Pp. 31.
[592] Ibid.

potentially should open the door to the right, just open the door to the infinite and thus re-restrict the right in a completely new way. But not only has censorship changed, so has the man himself, for whom dystopias are now written instead of utopias.

In the article "The end of utopia", H. Marcuse discusses what can be understood by the end of utopia and what should follow: "…at stake is the idea of a new theory of man-not only as a theory, but also as a way of existence: the idea of the emergence and development of the vital need for freedom and the vital needs of freedom-freedom that is no longer based on the lack and necessity of alienated labor and is not limited to them"[593]. Also, Marcuse recognizes that one of the main differences, or rather the most important, between a socialist free society and an existing society, which he understands as unfree, is freedom. A free society is a society where work becomes a game and exists in harmony with the liberated genuine needs of people.

E. Fromm briefly and magnificently revealed the features of the idea of modern equality of people and its implementation on a par with the idea of freedom. In his work" The art of loving", Fromm insists that the idea of equality in advanced industrial countries had its origin in religion: "Equality in the religious sense meant that we are all children of God, we all share the divine-human essence, that we are all one"[594]. However, the idea of such unity was not opposed to the idea of individuality, but, on the contrary, was developed in it. The idea of equality as the basis for the development of individuality, according to Fromm, was of great importance for the philosophy of Enlightenment and was most accurately formulated later by Kant, here is Fromm's interpretation: "... no one person should serve as a means to an end for another person; all people are equal in that they are the purpose, and only the purpose, and no means for each other"[595]. Following this idea, socialists, including utopianists, thought of equality as freedom from exploitation, from the use of man by man as a means. However, "…in a modern capitalist society, the meaning of equality has been transformed. Equality came to be understood as the equality of automatic-people who had lost their individuality. Today, equality means "sameness" and not the "uniqueness""[596]. Thus, the tendency to

[593] Marcuse H. The end of utopia // Logos. – 2004. – N 6(45). – Pp. 20.
[594] Fromm E. The art of loving. – Moscow, 2018. – Pp. 31.
[595] Ibid. Pp. 32.
[596] Ibid.

achieve equality actually turned into the idea of sameness-similarity. Instead of the unity of equal individuals, the world has become a community of disparate similar people, devoid of individuality. Instead of turning to external changes around the person and achieving equality in rights and opportunities, social progress has followed the path of internal transformation of the person and his standardization, along with his desires, values, and entertainment. "Just as modern mass production requires standardization of products, social processes require the standardization of people, and this standardization is called "equality" today"[597].

Since the tendency to unity in the social system has been lost, it is logical that the system retains its integrity at the expense of something else. A person who does not feel oneness with himself, other people, and nature is gifted with templates – work and entertainment. It is noteworthy that hard work, from which some utopians dreamed of freeing man, turned into work that has little to do with that work, and in the end, freedom from labor man still won for himself. But what are the consequences? Fromm talks about the crucial role of the template. A work pattern in which tasks and even feelings are already assigned to a person from nine to five, as well as a pattern of entertainment prescribed to a certain circle of employees belonging to the same sphere, allows a person to ignore "...their most basic human desires – the desire to overcome barriers and connect with their own kind"[598]. As a result, it is the stereotyping of life and its comprehensive prescriptiveness that allows " ... to forget that he is a person, a unique person and the owner of his only life, with its hopes and disappointments, sorrows and fears, with a thirst for love and a fear of emptiness and isolation..."[599]. After all, it is "Freedom, being an expression of being for oneself, a manifestation of the uniqueness of the individual, that qualifies the nature of man regardless of all his social ties"[600]. But what is the goal of a person who is willing to accept the template, but gives up his freedom? People strive for security, for harmonious interaction with the world. "Modern man is closer than ever to what Huxley portrayed in his "Brave new world". "This is a well-fed, well-dressed and sexually satisfied individual, deprived of a sense of self and all but the most superficial connections with other people, guided by the

[597] Fromm E. The art of loving. – Moscow, 2018. – Pp. 34.
[598] Ibid. Pp. 146.
[599] Ibid. Pp. 36.
[600] Benoist A.de Against liberalism. – Moscow, 2009. – Pp. 348.

principles that Huxley formulated as follows: "when passions are carried away, the foundations of society falter"; "Do not put off until tomorrow what you can enjoy today"; and the catchphrase: "Now everyone is happy".

The happiness of a person today is to "have fun". "Pleasure consists in the consumption of goods, spectacles, food, drinks, cigarettes, people, lectures, books, movies – all this is consumed, absorbed, swallowed. The whole world is one huge object of appetite..."[601], - concludes Fromm. At the same time, as L. Morina notes, the result of this is that "...identity is set by the level and quality of consumption, and not by personal characteristics or spiritual development"[602].

In the modern world, Fromm notes, a person: "... is turned into a commodity, perceives his life force as a contribution that should bring him the maximum income possible under existing market relations"[603]. A logical continuation of this process is that the relations between such subjects have become exchange-based. It occurs when a person is ready to "exchange" part of their freedom for some benefits. And this applies not only to relationships with strangers, where: "…our character is focused on selling and receiving, exchanging and consuming; all – both spiritual and material-values are made objects of sale"[604]. Toffler called this transformation of modern man-a modularization of the individual, by his own admission continuing Simmel's idea, in which a person simply can't acquire strong bonds with those whose presence in the life of an ordinary city dweller is fleeting. Because of this if a person had to react internally to numerous external contacts, this "...would lead him to a completely unimaginable state of mind"[605]. This communicative feature also penetrates into the relationship of love and marriage, where the inner deep connection between the spouses is transformed for each of them into a harmonious interaction and effective implementation of a pleasant life for the other. Relationships that are based on human individuality and a personal desire "... to be loved and to love, you need the courage to consider certain values as the main ones – and make the leap, putting everything on the line for this"[606], preferring risk

[601] Fromm E. The art of loving. – Moscow, 2018. – Pp. 146-147.
[602] Morina L.P. The thing as a mirror of a person. // Studia culturae. – 2018. – N 37. – Pp. 41.
[603] Fromm E. The art of loving. – Moscow, 2018. – Pp. 145.
[604] Ibid. Pp. 147.
[605] Simmel G. The metropolis and mental life. – Moscow, 2018. – Pp. 91.
[606] Fromm E. The art of loving. – Moscow, 2018. – Pp. 211.

to voluntary captivity of well-fed security.

In the brave new world, now "... the main goal is to make a profitable exchange of your skills, knowledge, and yourself – your "personal set" of qualities-with other people who are equally striving for a fair and profitable exchange. Life has no other purpose than to move forward, no other principles than the rules of fair exchange, and no other satisfaction than consumption"[607].

In his earlier work, "Escape from freedom," Fromm called this mechanism of human reaction – one of the options for escaping from freedom. In the preface to the book, twenty-five years after its first publication, E. Fromm argues that the number of reasons for this development has only increased. "The most important event in this regard was the discovery of nuclear energy and its possible use as a destructive weapon"[608]. Also, among the reasons for the deterioration of the situation, Fromm calls the cybernetic revolution and the demographic explosion. In general, a key aspect of the modern crisis for Fromm is "... the meaning of freedom for modern man"[609].

Fromm finds many interesting sources of modern culture. Modern culture is usually criticized, in particular in connection with the decline of morals and too global influence of capitalism. Fromm asks us not to forget that " ... in any society, the spirit of the entire culture is determined by the spirit inherent in the most powerful groups"[610]. The reason is not only that powerful groups, having power, control education, the Church, the press, but also that they have such prestige, "...that the lower classes willingly accept and imitate values and identify themselves with them psychologically"[611]. We should not forget that although the role of the Church has become much smaller in comparison with the Middle ages, and the experience of buying indulgences has ceased, yet it has a history that lasted more than two centuries. "The idea that an exemption from punishment can be purchased not only expresses a new sense of the omnipotence of money but also demonstrates the spirit of a new capitalist mindset"[612].

---

[607] Fromm E. The art of loving. – Moscow, 2018. – Pp. 175.
[608] Fromm E. Escape from freedom. – Moscow, 2018. – Pp. 11.
[609] Ibid. Pp. 7.
[610] Ibid. Pp. 115.
[611] Ibid.
[612] Ibid. Pp. 79.

"People are born equal, but they are born different"[613] - from this position comes Fromm. "Life has only one meaning: the act of living as such"[614], as a process, not a result, this is the kind of life that modern man is hungry for. Not only "... the combination of cynicism and naivety is very typical for modern man"[615], but also ignorance of their own desires. Modern man lives in a situation where there is "...anonymous power...common sense, science, mental health, normality, public opinion"[616], in a situation of soft, but distinct and constant coercion. An absolutely logical response to such a situation is to form an opinion about yourself: "...I am as you wish me to be"[617]. "The ideal is to think and live without emotions"[618], without creative activity, as a manifestation of the person and the right to express their own thoughts, which " ... has some meaning only if we are still able to have our own thoughts"[619]. "The crucial point is not what a person thinks, but how they think"[620], it is complicated, however, by the fact that " ... modern man has significantly lost the ability to believe in something that can't be proved by the methods of natural sciences"[621]. All this multiplied by economic activity under capitalism has led to the fact that a person has not only turned into a commodity but also builds his life in accordance primarily with economic relations. The person began to achieve not their own goals, while completely convinced that these are their interests and goals. "...he sells his physical strength...or personality..."[622], assuming that self-confidence is a measure of the demand for you. "The creation of his hands became a God for him"[623], believing that man is driven by his profit, he serves the purposes of the machine for reproduction, which he created.

Even the achievements of freedom do not please him. In the pursuit of freedom "from", man has achieved significant success, not noticing that the system has transformed and the man now needs freedom "for", for himself and his personality, and freedom "from" turns into a new slavery. In the pursuit of freedom of speech and conscience, a person has lost the

---

[613] Fromm E. Escape from freedom. – Moscow, 2018. – Pp. 253.
[614] Ibid. Pp. 252.
[615] Ibid. Pp. 240.
[616] Ibid. Pp. 165.
[617] Ibid. Pp. 244.
[618] Ibid. Pp. 235.
[619] Ibid. Pp. 232.
[620] Ibid. Pp. 191.
[621] Ibid. Pp. 108.
[622] Ibid. Pp. 121.
[623] Ibid. Pp. 120.

ability to think differently, because it does not contribute to the accumulation of capital – the modern indicator that you are rated highly. "A person ceases to be himself, he becomes exactly like everything that is expected of him"[624]. Fromm notes that the" normal " person can be defined in two ways: the first, from the point of view of society-the ability to perform the prescribed role, the second from the point of view of the individual – the optimal state for happiness and development. Ideally, or in utopia, they may well coincide, but in the modern world this is not the case and the first understanding dominate. You are as normal as you are willing to work on what you are supposed to do. It is in this situation that the modern man finds himself, he has only two options – escape from freedom and the desire for positive liberty. Escape from freedom can take two forms-submission and conformity. For Fromm, progress from negative liberty to positive liberty is most preferable, manifested "…in respect and cultivation of a unique personality...the most valuable achievement of human culture, and it is this achievement that is currently in danger"[625].

L. Ornatskaya writes that "…happiness is the religion of modern man"[626]. He believes in happiness, in its feasibility, in its closeness. And " ... mass culture proclaims the primacy of what is relevant over what is eternal, at its core-the inversion of values"[627]. At the same time, the actual is changeable, but consumption now claims to be eternal in the minds of its followers with the only difference that consumption is absolutely finite. It is in popular culture that the concepts of price and value converge more closely than anywhere else. If everything is a commodity, then economic relations are established in such a world and what has a higher price due to its relevance becomes more valuable.

Culture has acquired its mass character, according to some researchers, since the appearance of modern types of communication. There are various points of reference, one of the most popular consider the radio as the first such type, according to one of the many versions invented, by the way, also in England by sir Oliver Lodge. Thus, England can be blamed again for the emergence of a brave new world. An interesting feature is that one of the ardent dystopianists and enemies of totalitarianism G.Orwell, made his essay "Literature

---

[624] Fromm E. Escape from freedom. – Moscow, 2018. – Pp. 182.
[625] Ibid. Pp. 253.
[626] Ornatskaya L.A. Mass culture and «spirit of the age» // Materials of round table conference. Russian mass culture of the end of XX century. – St. Petersburg, 2001. – Pp. 129.
[627] Ibid.

and totalitarianism" on the radio for the first time, this was also his first appearance on the radio in principle. One of the arguments in favor of the radio as a new type of mass communication is the fact that the inventors of the radio are called a lot of people: in almost every modern country was its own inventor. In fact, a lot of people in one period of time developed one type of technology separately from each other. Also, the invention of the radio refers to the period preceding the First World War, and thus makes it possible to talk about a greater number of reasons that influenced the promotion of a new type of culture. The process of forming a new type of culture can't be considered as a one-time process, and the reasons for its formation can't be reduced to the World Wars as bifurcation points.

An existential vacuum, as V. Frankl called it, which is inherent in the man of the new world, because "... unlike animals, instincts do not dictate to man what he needs, and unlike the man of yesterday, traditions do not dictate to today's man what he should. Without knowing what he needs or what he should do, the person seems to have lost a clear idea of what he wants. In the end, he either wants what others want(conformism) or does what others want him to do(totalitarianism)"[628]. There is also a third consequence – psychiatric, but in this work, we are not supposed to talk about it.

But who is able to go beyond the path of totalitarianism and conformity? A person who has not yet found its meaning, who has not yet been fully socialized, and who has not yet entered into the general fabric of social human existence. "Today, children are the world's last reserve, its last chance"[629]. A teenager – it is among them dystopian genre is popular. Since inculturation "... the internalization of knowledge, values, and ideals accumulated in the history of culture"[630] continues for them. They are the ones who have not lost interest in freedom because they do not value the security of their society that has not yet been acquired, because they have yet to choose their type of activity, but the future of human society depends on them. The future depends on ideals and values which they are taught by environment and dystopia also. The situation is complicated by the fact that teenagers feel more acutely the situation in which they have to make their "free" choice. "...the absolutization of individual freedom led to its egoistic self-isolation and separation of

[628] Frankl V. The human search of meaning. – Moscow, 1990. – Pp. 25.
[629] Bernanos G. Freedom…for what? – St. Petersburg, 2014. – Pp. 107.
[630] Kagan M.S. Philosophical theory of value. – St Petersburg, 1997. – Pp. 177.

people, to the tragedy of individualism"[631] in a situation when the modernism of the XX century finally broke with the tradition as such "...in the name of the absolute freedom of the self-expressing and self-creating Overman"[632].

In the twenty-first century, at a time when humanity is experiencing all of that contradictions simultaneously, teenagers go through "... spiritual consolidation of their group"[633] even through criticism of the values of other groups, as it happens in dystopia, as a form of communication with significant others-the author of the dystopia and other readers, their own, other "I", reflecting on what they read and with imaginary partners-heroes of dystopias, who face the same problems as readers. All this is complicated by the conditions of a globalized world, where everything is potentially as close as ever, and at the same time very far away, and is accompanied by many obstacles.

Orwell, in his essay on literature and totalitarianism, discusses the role of the state in the modern world. He writes that one of the features of a totalitarian state is total control, which now goes to a new level and tries to subdue the human mind, and that: "…it is important to be aware that its control over thought pursues goals that are not only prohibitive but also constructive. Not only is it forbidden to express — even to allow-certain thoughts, but it is dictated what to think; an ideology is created that must be accepted by the individual, they strive to control emotions and impose a way of behavior. It is isolated, as far as possible, from the outside world, in order to close it in an artificial environment, depriving it of the possibility of comparisons"[634]. Orwell in 1941 believed that this would subordinate literature to politics forever, but freedom persists in literature today, at least dystopian.

Following Rorty's thought: "…the world doesn't speak. Only we are only talking. The world can...force us to hold opinions"[635], let's see what opinions the world of dystopia forces us to hold.

3.3 Classical dystopias: G. Orwell and A. Huxley

631 Kagan M.S. Philosophical theory of value. – St Petersburg, 1997. – Pp. 190.
632 Ibid. Pp. 180.
633 Ibid. Pp. 192.
634 Orwell G. Literature and totalitarianism. – Moscow, 2018. – Pp. 127-128.
635 Rorty R. Contingency, irony and solidarity. – Moscow, 1996. – Pp. 25.

Among the most prominent representatives of the dystopian genre in England and throughout world literature are George Orwell and Aldous Huxley. We will begin our analysis of dystopian texts by examining the concepts of their works.

In 1943-44, George Orwell wrote the allegorical story "Animal farm", and in 1948 the novel "1984", which became one of the most popular dystopian works of the world.

"Animal farm" was perceived as a satire on the Russian revolution of 1917, despite the fact that Orwell in the text calls England the place of location of animal farm. This work was banned in many socialist countries, but it remains popular to this day, although the Soviet Union dissolution took place 28 years ago. Therefore, there are some ideas in it that are close to modern man, because as Orwell accurately noted in "1984": "How could you communicate with the future?... Either the future would resemble the present, in which case it would not listen to him: or it would be different from it, and his predicament would be meaningless"[636]. In fact, it turned out that Orwell speaks the same language with the future, which means that we are concerned about similar adversities.

"Animal farm" tells the story of the manor farm, where the animals decided to expel the root of evil and their troubles-man and independently manage the farm and their lives. "Remove Man from the scene, and the root cause of hunger and overwork is abolished for ever"[637] - bequeathed the boar "Major" to the residents of the farm, what they later did. However, as Orwell showed, it was not possible to solve the problems of slavery and starvation by expelling people alone. The author of the story in some of his reflections lays the foundations of society, which will be described later in "1984". Here are some examples. "It was always the pigs who put forward the resolutions. The other animals understood how to vote, but could never think of any resolutions of their own"[638] - mocks the electoral system Orwell, in which there is virtually no space for choice, adding that "...they always found themselves in agreement with the one who was speaking at the moment"[639], at the same time alluding to the fact that the "people" can't decide what or who to vote for. The plight of the farm had not to be corrected, according to the authorities-pigs"...conceal this fact from the

[636] Orwell G. 1984. – Moscow, 2018. – Pp. 9.
[637] Orwell G. Animal farm. – Moscow, 2018. – Pp. 9.
[638] Ibid. Pp. 28.
[639] Ibid. Pp. 46.

outside world. Emboldened by the collapse of the windmill, the human beings were inventing fresh lies about Animal Farm[640]", and this principle - "... had long since been dropped"[641] for clarity, is the basis of all "social" projects on the farm. Fortunately, the pigs at least announced that "...better society now been established"[642] and the inhabitants of the farm immediately became easier to experience adversity, because "They found it comforting to be reminded that, after all, they were truly their own masters and that the work they did was for their own benefit"[643]. All this could be attributed to the temporary difficulties of the new regime, however, some of the details that Orwell describes give us a clear understanding of the end of "Animal farm". The inhabitants of the farm not only have to endure adversity, but also for the sake of a bright future to rally against the friend of Snowball and other animals, declared his spies and spies of people, to work more, eat even less, and make decisions under the pressure of dogs - guards of pigs. All this is combined with the fact that "... they had come to a time when no one dared speak his mind, when fierce, growling dogs roamed everywhere, and when you had to watch your comrades torn to pieces after confessing to shocking crimes"[644], and " ... there were days when they felt that they would sooner have had less figures and more food"[645]. The last quote, it is worth noting, is a reference to the" Futile efforts of love " by W. Shakespeare and plays up the following lines:

Maria

And I had pearls sent from Longueville
And with pearls, a letter half a mile long.

Princess

And you wanted to get it in your heart
Less wordy letter and the longer thread?[646]

Orwell gives the reader a clear example of how the noble plan to build a just state based on the seven commandments in miniature failed and turned into a nightmare. The work is

[640] Orwell G. Animal farm. – Moscow, 2018. – Pp. 64.
[641] Ibid. Pp. 106.
[642] Ibid. Pp. 76.
[643] Ibid. Pp. 97.
[644] Ibid. Pp. 75.
[645] Ibid. Pp. 78.
[646] Shakespeare W. Futile efforts of love. – Moscow, 1958. – Pp. 473-474.

small but has a huge number of vivid illustrations of how the construction of utopia, in reality, changes the life of an ordinary person. From the slavery and poverty "Paradise farm" where Paradise is only the name, having passed through the prism of hope and the hard struggle of "Animal farm", it leads to a new return to "Manor farm" and everything else added that in the first "Manor farm" "...doubtless it had been worse in the old days. They were glad to believe so"[647]. but it was only prescribed faith. The external form of these transformations is clear, as well as the author's opinion about such changes in real life. However, an important role is played by the inner side of these political changes, their role and significance for ordinary people. Orwell's principle of doublethink, which will take its final form in "1984", has already begun to take shape in "Animal farm" on the example of how the seven commandments were transformed in favor of pigs and their progress in the field of humanization, which ended not only with their upright position but also with one commandment that replaced all: "All animals are equal. But some animals are more equal than others"[648].

In the same way, another principle from "1984" began to take shape in "Animal farm" - ownership of the past, which is the basis of ownership of the future. Pigs rewrote the commandments at night, so that what was written corresponded to what was happening so that they could not live by the commandments, but transform the commandments into their own lives. It was for this conceptual reason that it made sense to begin the consideration of "1984 "with its premises in "Animal farm".

In 1984, according to Orwell, the world will appear in the form of three warring superpowers – Oceania, and Eastasia, and Eurasia. The main character Winston Smith lives in London in Oceania, the doctrine of which is Ingsoc, and works in the Ministry of Truth, whose main task is to lie, or more correctly "…change - to clarify"[649] everything that was written earlier and published consistent with what is happening and the future. "There were no laws now..."[650], but there were two types of crimes against him-thoughtcrime – infidelity to the leader-the Big Brother and the Party, and Facecrime- "...when you are not trusting

[647] Orwell G. Animal farm. – Moscow, 2018. – Pp. 94.
[648] Ibid. Pp. 112.
[649] Orwell G. 1984. – Moscow, 2018. – Pp. 36.
[650] Ibid. Pp. 8.

enough to rejoice in victories"[651]. This equation in crime occurred because "…in the eyes of the party there is no difference between an act and a thought"[652], the party is trying to maintain power, and this requires "... controlled madness"[653], and its two main concerns now are "... to find out what a person really thinks and kill several million people"[654]. In general, the world has changed so much that "…books were one of the consumer goods like jam and shoelaces"[655], all mail is opened, the Thought Police is everywhere, and the telescreen watches a person wherever he goes, to check his constant faithfulness. "Everything that can be seen as a love of solitude is suspicious"[656], and the main rule of many now became, as Julian's one, Winston's lover: "always yell with the crowd..."[657], because "…if you follow small rules, you can break big ones"[658], but not for long, because "…no one left the exposure, and everyone confessed"[659], because "…in the face of pain, there are no heroes"[660] and "…the recognition was a formality, but the torture was real"[661].

Once in the Ministry of Love deals with torture, reeducation and spray the enemies of the Party and Big Brother that it was "…impossible to see reality except by looking through the eyes of the party"[662], Winston is recognized in thoughtcrime, betrays their ideals and their love, but instead learns the downside of Ingsoc and the Party. The truth revealed to Winston is given in the remarks of the re-educated Winston and O'Brien, who, pretending to be the leader of the Brotherhood-resistance, turned out to be one of the high-ranking officials of the Ministry of Love. "People are mostly weak, cowardly creatures, they can't stand freedom, they can't face the truth, so they must be ruled and systematically deceived by those who are stronger than them"[663] - concludes Winston, realizing that "…freedom is the ability to say that two plus two equals four"[664], and in the modern world only "…proles and animals are

---

651 Orwell G. 1984. – Moscow, 2018. – Pp. 60.
652 Ibid. Pp. 247.
653 Ibid. Pp. 220
654 Ibid. Pp. 194.
655 Ibid. Pp. 131.
656 Ibid. Pp. 83-84.
657 Ibid. Pp. 122.
658 Ibid. Pp. 130.
659 Ibid. Pp. 105.
660 Ibid. Pp. 243.
661 Ibid. Pp. 244.
662 Ibid. Pp. 253.
663 Ibid. Pp. 267.
664 Ibid. Pp. 83.

free"[665]. The rest are required to "…fully agree on all issues"[666]. In order for the party to retain power, because "…the purpose of power is power"[667]. But this power "...not over objects, but over people"[668], and the power over a person "... consists in inflicting pain and humiliating"[669], former civilizations tried to base on love, this "... is based on hatred"[670].

For this purpose, one of the means is Newspeak, a language whose task is to narrow the horizon of thought in order to prevent thoughtcrime, since thinking, like "…all words grouped around freedom and equality, were contained in one word – "thoughtcrime""[671]. "The word free in Newspeak remained, but it could only be used in such statements as "free boots"," toilet is free""[672]. Because of the tasks of Newspeak, in the first place – clarity of meaning, in the second place to make a speech "…as independent as possible from consciousness"[673]. Make people follow the example of Julia, who saw nothing unusual in lying, and the understanding that all news reports are lying, familiar. The principle of doublethink helps to reconcile the reality and consciousness of people who distinguish a word by meaning depending on the context, said either approvingly in relation to party members or condemningly in relation to enemies. The party's slogan: "War is peace, freedom is slavery, ignorance is strength"[674] can only be understood on the basis of the principle of doublethink. "Slavery in self-denial and freedom in the eternal life of the party..."[675] – this personal principle of life of party members, supplemented by the rule that "…who controls the past controls the future, who controls the present, he controls the past"[676], guarantees the party life, which for people is above their personal life, well-being and freedom.

"It was easy to believe in a society that could not be built"[677], - Orwell writes. This is his thought, perhaps, can be understood as his answer to the question about the causes of the utopia crisis and the popularity of dystopia. Too great are the possibilities of humanity and its

---

665 Orwell G. 1984. – Moscow, 2018. – Pp. 74.
666 Ibid. Pp. 208.
667 Ibid. Pp. 269.
668 Ibid. Pp. 272.
669 Ibid.
670 Ibid.
671 Ibid. Pp. 312.
672 Ibid. Pp. 306.
673 Ibid. Pp. 315.
674 Ibid. Pp. 6.
675 Ibid. Pp. 270.
676 Ibid. Pp. 36.
677 Ibid. Pp. 206.

construction of the society it dreams of, and too great is the risk of getting a new "Manor farm" instead of the expected "Animal farm", where at the end some will become more equal than others.

"Brave new world" Huxley's work written in 1931, quoting Shakespeare in its title, is often viewed by researchers as the opposite of Orwell's" 1984." The first is called an absurd consumer society, and the second is called an idea society. In our opinion, such estimates are not as unambiguous as they seem at first glance. Let's look at the basic principles of the brave new world in more detail.

The motto of the World State: "Community, identity stability"[678], is a red line that runs through the entire life of people. Humans are created for five castes: Alphas, Betas, Gammas, Deltas, and Epsilons-half-cretins. Each caste is assigned its own work, mental and physical level, hypnopaedic education program, color in clothing, and even one of the ten thousand names and surnames for two billion people on the planet. "The whole secret of happiness and virtue is to love what is meant for you"[679]. Predestination depends on the order of the state for a certain individual with the necessary qualities. Production of higher castes individually, lower castes gives an increase Bokanovsky's Process - "…one of the main tools of social stability"[680], producing standard people-twins equal portions as a result of various influences. For the production of lower castes, embryos are negatively affected-dysgenics that slow down their development, because it is impossible to make a society of only Alphas, it will not function happily and stably, because you cannot make the Alphas do the work of Epsilons, they will go mad, and Epsilons will not cope with the work of Alphas. Since "…every change is a threat to stability"[681], all "…who are something…"[682] are sent to the Islands-away from society.

Real art, science, and religion were sacrificed in the struggle for common happiness in this society, because "…when the masses took over power, happiness always became the supreme value, not truth and beauty"[683]. At the same time, society is not devoid of God,

[678] Huxley A. Brave new world. – Moscow, 2018. – Pp. 4.
[679] Ibid. Pp. 25.
[680] Ibid. Pp. 11.
[681] Ibid. Pp. 304.
[682] Ibid. Pp. 311.
[683] Ibid. Pp. 310.

which they proclaimed Ford, but when he treated psychological problems, he called himself Freud. It is considered as deviation among the population not to love sports, not to observe decency, not to have an active sexual relationship with many, because "…everyone belongs to everyone else"[684], to violate decency by talking about the past, because "…history is all nonsense"[685]. Scars, dirt, ugliness and old age all cause disgust, because the aging of all residents stops at thirty years and so, without aging, all live to sixty. "To be infantile, infantile-normal is their direct duty"[686]. "Now everyone is happy"[687] - every inhabitant of the planet can admit, and you can live on the principle of "…do not put off until tomorrow what you can enjoy today"[688]. If the reality for some reason is not admired, then everyone is given soma pills to help fight the melancholy, because "…soma – all the advantages of Christianity and alcohol and not their defects"[689]. All unpleasant things are eliminated, there are no conflicts, there is no place for heroism.

"The world is stable. People are happy; they get everything they want, and they can't want what they can't get. They live in prosperity, in safety; they do not know diseases; they are not afraid of death; they are blissfully ignorant of passion and old age; they are not poisoned by their fathers and mothers; they have no wives, no children, no loves – and, therefore, there are no worries; they are so formed..."[690]. In existence, "…there is no sense, but a lot of pleasant sensations"[691]. All that is required of people in exchange for all the benefits of civilization is to serve cars for seven and a half hours a day. People who are "…as reliable and stable as gears and wheels - people who are healthy in mind and body, obedient, and constantly happy"[692]. It is necessary to load factories with work and consume as much as possible - "…it is better to buy a new one, then fix the old one[693]", and since sitting with the book does not consume much, then do not encourage "...entertainment associated with privacy[694]", as well as the love of nature, which was decided to cancel, because it "... does

[684] Huxley A. Brave new world. – Moscow, 2018. – Pp. 57.
[685] Ibid. Pp. 49.
[686] Ibid. Pp. 136.
[687] Ibid. Pp. 105.
[688] Ibid. Pp. 130.
[689] Ibid. Pp. 78.
[690] Ibid. Pp. 297.
[691] Ibid.
[692] Ibid. Pp. 61.
[693] Ibid. Pp. 68.
[694] Ibid. Pp. 224.

not load factories with orders"[695].

All these truths people learn from childhood, thanks to repetition and hypnopaedia-learning in a dream, but not for understanding, but for moral education so that the basic principles-the imperatives of civilization: "A gramme is better than a damn"[696] were always on everyone's tongue. This is necessary because killing one individual is an easy task, but "…violating accepted norms puts something more at risk...strikes the entire society"[697]. And having understood the axiom that it is necessary: "…not to act with fists, but to influence the brains"[698], the leadership developed programs of moral training for all castes.

Mustapha Mond, the Resident Controller for Western Europe, he is a man who realizes that: "...it would be interesting to live in the world if we could discard the concern for happiness"[699], but at the time chose the path of happiness rather than truth, as he himself admits: "Art and science are not compatible with happiness"[700]. And since this choice is made, he has "... God is in the safe, and Ford is on the shelves"[701]. The only thing that distinguishes him from the ordinary citizen is that he can break the laws with impunity because he sets them, but still, he is fully aware that: "Industrial civilization is possible only when people do not renounce their desires, and indulge them in the highest degree"[702].

It is obvious that in such a society there is no freedom of choice in the usual sense, the freedom is limited only to the choice of the type of Golf that can be played today, and that of its two types. In addition, the right to be free for the brave new world is a requirement of "...the right to be unhappy"[703]. Freedom for them is the right to be a loser, a wretch, a restless and unfit person.

As for the reasons for the emergence of dystopia, it can be noted that with his story about the Cyprus experiment of Alphas utopia and its failure, Huxley makes it clear that he does not see the possibility of building an ideal society of sages. But what about the ideal Epsilon society? In the brave new world, perhaps, he succeeds.

---

[695] Huxley A. Brave new world. – Moscow, 2018. – Pp. 33.
[696] Ibid. Pp. 79.
[697] Ibid. Pp. 202.
[698] Ibid. Pp. 71.
[699] Ibid. Pp. 243.
[700] Ibid. Pp. 305.
[701] Ibid. Pp. 313.
[702] Ibid. Pp. 321.
[703] Ibid. Pp. 326.

As can be seen from these descriptions of "1984" and its ideological predecessor, "Animal farm" and "Brave new world" can only be called opposites in form, in fact, they describe the same process. The process of gradual reduction of personal human freedom, and an increase in the predetermination of his life. The authors see different reasons, but the result is the same: the ordinary person becomes small, quickly replaced, impersonal detail in the mechanism of a large state, whether it is a totalitarian state built on hatred or a hedonistic state built on happiness and consumption.

In connection with freedom, an interesting plot arises again to consider dystopias in the context of Huizinga's concept of game culture, namely for the game's violators – outlaws.

In "1984" such outlaws you can call Julia and Winston. Julia breaks the rules of the Big Brother system out of her own spirit of resistance. Ideological book of Goldstein and ideological fight her a little concerned. As for Winston, he breaks the rules consciously, knowing that he is rebelling against the system. It is also interesting that Orwell gives examples of other outlaws in his book-Syme, Winston's colleague, and Mr. Parsons - but they were dispersed, not re-educated, like the enemies of the party-Winston and Julia, who turned from outlaws into faithful members of the party. Definitely, a new round of struggle is its futility, ending not with the death of a martyr, but with re-education.

The brave new world is replete with outlaws of different kinds. Bernard, one of the main characters of the work is like this because he does not fit into the general system of his caste and suffers from the fact that the system does not accept him. Lenina succumbed to the feelings towards John and has violated one of the main rules is not to become attached to one person. John is an outlaw for the reason that he became his own among strangers and a stranger among his own, without becoming an Indian, and without accepting the values of the civilized world. Linda tried to live a normal life where another was accepted, and she also had a liking for one Indian and was therefore not a true believer. Helmholtz, a friend of Bernard, felt the opposite of Bernard's feelings, he corresponded to the caste, but did not feel inner unity with it, and therefore violated the rules, unlike Bernard, to whom success with the savage brought the necessary peace and compliance.

One conclusion can be drawn from the above: classic dystopias are full of all sorts of outlaws, but the systems are so calibrated and work so stably that no one can influence them

alone. But the system regularly detects violators and gets rid of them. This was the case in classical dystopia, but let us turn to popular contemporary dystopias to find out their relationship to freedom and violation of the rules of the system.

CHAPTER 4. Contemporary dystopia

4.1 Dystopian reflection: A. Huxley and A. Burgess

Before proceeding to the study of contemporary dystopias, you should pay attention to two very important books – "Brave new world revisited" by A. Huxley, written in 1958 and "1985", written in 1978 by A. Burgess.

Let's start with "Brave new world revisited". It is worth admitting that the researcher rarely gets additional comments on the work from the author himself, revealing the course of his thoughts when writing the work. This is especially true for dystopia, because the tradition in these works, as it seems to commentators, is of great importance, if not key.

This work, "Brave new world revisited, has global significance for researchers of dystopias. Huxley, conducting some revision of his "Brave new world", allows us to get additional material for the entire study and understanding of the world by the author of dystopias.

It is necessary to start with the fact that A. Huxley puts the actual sign of equality between the total organization of the Ford era described by him and the world described by Orwell. "Freedom and even the desire for freedom are beginning to gradually dry up"[704]. And in this Huxley sees the danger of a much faster approach to the Brave new world than he could have imagined, while at the same time noting that "...freedom for us is the highest value"[705]. A distinctive feature of dystopian classics is that they often admit that the fears about the reality that they have developed have produced far more terrible results than they could have imagined.

Huxley believes that the systems of the Brave new world and "1984" are equal in terms of non-freedom, so they can be compared. However, it is recognized that in the context of recent animal observations and scientific research (scientific optimism and belief in progress give Huxley an author who is directly related to the utopian genre), it seems to him that since

[704] Huxley A. Brave new world revisited. – Moscow, 2018. – Pp. 7-8.
[705] Ibid. Pp. 190.

the desired behavior is easier to develop than to prohibit the undesirable, the probability of a Brave new world is higher. Nonviolent methods, he believes, are sufficient, including not only physical but also psychological manipulation. Also, to exercise control, "…there are two types of propaganda – rational, encouraging action...and irrational, which ... is guided by passions, blind motives, subconscious drives, and fears..."[706].

There are several reasons for this development and the approach of the Brave new world, the main one, according to Huxley – is the growth of the population against the background of depletion of natural resources. "Overpopulation will create conditions under which individual freedom and a decent life ... will become impossible and even unthinkable"[707]. The progress of medicine leads to an increasing survival rate of people and, as Huxley believes, "…in parallel with the decline of physical health, there will be a decline in intelligence"[708].

Here Huxley reveals us the paradox around which many arguments in dystopias unfold (for example, it will be so in "The children of men"). Describing this dilemma, Huxley calls it a moral problem: it would seem that we know that achieving good goals does not justify the means. "But what to do in such situations when ... morally justified means lead to bad results? Huxley wonders. Acting out of good intentions, using good methods, doing a good thing for one person or group, on a universal scale, we can bring disaster closer. Huxley expects that by the year 2000, humanity will reach the mark of four and a half billion people, this forecast terrified Huxley himself, but history has shown that he was very optimistic because the real figure by the year 2000 reached the mark of more than six billion people, that is, 30% more.

The problem of centralization is what Huxley calls the problem of technological progress. As an example, he cites the situation of the emergence and increasing strengthening of large companies, the concentration of power and capital in the same hands, which displace small production with their efficiency, cheapness, and complexity of technologies at the same time. They provoke mass consumption at the expense of mass production. "Capitalism

---

[706] Huxley A. Brave new world revisited. – Moscow, 2018. – Pp. 52-53.
[707] Ibid. Pp. 18.
[708] Ibid. Pp. 26.

is dead, consumption reigns"[709]. Here he refers to E. Fromm, whose work we have already considered. In order not to repeat ourselves, we should only note that Huxley agrees with Fromm on the point that in an attempt to create human uniformity, the greatest violence is committed against man and his nature, because "...the differences between individuals are great, despite the intensive cultural smoothing..."[710]. Besides, excessive organization and centralization lead to the dehumanization of the individual, the result of which is that for a person "…existence loses its meaning and purpose"[711].

This is completely unacceptable, because the "ideal individual" that is being worked on so hard, a person who remains loyal to the collective in any situation, with an ineradicable desire to belong and a "dynamic conformism" will give the organization primacy over the individual, which will ultimately mean for Huxley subordination of the goal to the means. Do not forget that "…communities of people are not organisms...communities of people are ad hoc organizations for successful cohabitation"[712]. In conclusion, Huxley says that " ... people are not completely social; they are only moderately sociable"[713].

The man who is completely devoted to the collective is no longer an independent unit, he is only a part of the human mass. "An individual poisoned by ... poison is deprived of responsibility, reason, and morality, turning into a mad, brainless animal"[714]. This is how Huxley explains that in the" Animal farm "the majority opinion was on the side of the speaker at the moment, because "...the masses are always convinced that the truth is on the side of the attacking aggressor"[715]. This is where propaganda picks up a person, which, thanks to education and literacy, has gained access to almost any adult. In modern propaganda, success is achieved by repeating slogans, suppressing facts, and rationalizing passions. Postulating a very high degree of human suggestibility, Huxley asks about the measures that should be taken to limit the influence on a person and his freedom, when the fundamental question is asked: "is individual freedom compatible with a high degree of

[709] Huxley A. Brave new world revisited. – Moscow, 2018. – Pp. 78.
[710] Ibid. Pp. 164.
[711] Ibid. Pp. 39.
[712] Ibid. Pp. 164.
[713] Ibid.
[714] Ibid. Pp. 68.
[715] Ibid. Pp. 78.

individual suggestibility?"[716]. Huxley's response is clear and given in the form of a Brave new world and an internal revolt against such prospects for individuals and the whole of humanity, with the comment that "... freedom is a great good, tolerance is a great virtue, and excessive regulation is a great misfortune"[717]. "Freedom is under threat and learning to be free has become a necessity"[718], - Huxley concludes. And suggests that "…education for the sake of freedom must begin with the public establishment of facts and the proclamation of values..."[719]. This, in his opinion, is where we should start and start as soon as possible. By facts, he means the disclosure of the facts of human diversity and genetic uniqueness. among the main values, he singles out freedom, the values of compassion and charity, based on the fact that love is necessary for everyone and "...the value of intelligence, without which love is powerless, and freedom is incomprehensible"[720]. "...as long as there is still freedom in the world..."[721] it must be recognized that the absence of physical restrictions is an insufficient condition for freedom since it is also influenced by demographic, social, political and psychological factors. "The victim of manipulation does not realize that he is a victim"[722]. A person today "...is not locked up, behind bars, but is at the same time a psychological prisoner, forced to think, feel and act as representatives of the state or certain private individuals wish"[723]. However, "…the slavery in which the victim is held is strictly objective"[724]. "People can't be safe without information"[725], - continues Huxley after Jefferson.

But is everyone as suggestible as Huxley writes? Far from it, the author notes: "...teenagers are deprived of life experience on which their rather developed critical attitude to the world could rely"[726], perhaps that is why so often now contemporary dystopia appeals to teenagers who tend to have a different attitude to the future than the older generations, trying to find in them a critical response to everything that happens, which faces the

[716] Huxley A. Brave new world revisited. – Moscow, 2018. – Pp. 152.
[717] Ibid. Pp. 154.
[718] Ibid. Pp. 173.
[719] Ibid. Pp. 152.
[720] Ibid. Pp. 172.
[721] Ibid. Pp. 190.
[722] Ibid. Pp. 175.
[723] Ibid. Pp. 174.
[724] Ibid. Pp. 175.
[725] Ibid. Pp. 56.
[726] Ibid. Pp. 87.

problems that Huxley wrote about much earlier than he expected. There is another problem that Huxley writes about, the problem of voluntary renunciation of freedom. Having received a minimum of comfort, a person will refuse to claim more, as a Dodo will refuse to fly, getting food on the ground.

In 1968, A. Sakharov in the "Progress, coexistence and intellectual freedom " in one of the two central theses of his arguments defending the viability of the positions of socialism, as threats to the world considering similar causes a potential catastrophe of all mankind: the threat of thermonuclear war (guns and bombs once again as a symbol of this conflict), famine for most of the population, bamboozle with "mass culture", spreading of mass myths. All this leads to the disunity of mankind, the inevitable result of which is death, according to Sakharov, who, following Huxley, considers the downsides of technological and social benefits, the understanding of which lags behind their progress. It is the consideration and analysis of these seemingly obvious "benefits" that are produced in allegorical form in dystopias. Because in the struggle for the life of humanity, according to Sakharov, a person needs intellectual freedom: receiving and distributing information, discussing it, and the freedom to receive, exchange and discuss it without authorities and prejudices.

The first part of the novel by A. Burgess, representing an "imaginary interview" with Orwell, provides a certain opportunity for Burgess to clarify some of Orwell's positions. He believed that he had parsed the original text fairly well and could present his ideas to the court that were close to Orwell's real motives and responses. For example, he revealed the most famous version of the origin of the formula for checking freedom in Orwell, about the possibility of saying that two plus two equals four, and not five, as was the case with five-year plans in the Soviet Union which is made in the epigraph "1985". The analysis turned out to be largely linguistic and bold in relation to the conclusions of Orwell's work and the author himself.

Orwell's "1984" was banned until 1988 in the USSR for ideological reasons, as was "Animal farm", perceived as an open mockery of the new communist world. However, Burgess brilliantly showed that even in Orwell's Ingsoc "...there was more English than

socialism"[727]. He confirms this with artistic facts: referring to the old monetary system poetically, or talking about a pint as an ideal measure of liquid in Orwell's dystopia, which resonated for every Englishman-Orwell's contemporary, because according to Burgess, "1984" was certainly about the sad English reality of 1948.

The idea of writing a similar revision of "1984" by Burgess arose in connection with the approach of the real year 1984 and Burgess's understanding that everything will be different than Orwell presented to the public.

The moral basis for this bold book for Burgess was Orwell's doublethink, which Burgess believed Orwell practiced in life. It's not just about the fact that George Orwell's real name is Eric Arthur Blair, but about the moral issue, as Burgess calls it, of choice-freedom. Burgess accuses Orwell of trying to make himself love the proletariat and the worker to "fight" for freedom, but he never really managed to do this. At the same time, Orwell needed the worker, because the slogan "Intellectuals of the world unite"[728] could not be effective and inspiring for the truly large mass of people needed to fight for freedom.

"...the war must not end"[729]. This is how Orwell was supposed to describe the new world, according to Burgess. The constant continuation of the war should have been taken as usual in the nightmares of the twentieth century, which opened with the first use of the atomic bomb. "You begged for the daily bread of minimal comfort, and you were handed the stone of progress"[730] - this is the slogan that characterized the time Burgess-Orwell. In reworking the Jefferson Declaration based on the principles of Ingsoc, but not Newspeak, since it would not have worked out more precisely than Orwell described it – thoughtcrime - Burgess speaks of following not the food, but the feeling that it was and was eaten by a new person. The subject of suggestion, which we mentioned above in connection with Huxley, has an echo here.

"None of us know for sure how free we really are"[731]. Burgess is also concerned about another dystopian dilemma, which consists in the fact that for the author, a uniquely good act and a correct one is not always the same act.

---

[727] Burgess A. 1985. – Moscow, 2018. – Pp. 32.
[728] Ibid. Pp. 39.
[729] Ibid. Pp. 7.
[730] Ibid. Pp. 23.
[731] Ibid. Pp. 67.

Burgess also reveals a new round of social contradiction. "There is nothing new in distrust or fear of the state"[732]. "Modern man has chosen happiness between happiness and freedom, but dreams of freedom – a choice on which a moral judgment can be made"[733]. And "…it is the duty of all good states to return Paradise and burn out the serpent of freedom"[734] because now this is the choice of the man himself. Once human preferred the torment of choice to happiness, now he is ready to renounce freedom, which inevitably turned into suffering. But the point is that life in civilization, according to Burgess, should be adequately fed and quite boring, this is its order. Moreover, he believes that "…we cry out for more and more freedoms, and usually get them"[735]. But, "...a person's freedom comes into force only when he understands the nature of this gift"[736]. And yet the state remains a monster, which is logical according to Burgess because it can't be a benefactor that exists on someone else's money. For example, we are not free now, he echoes Huxley, not from education.

And here Burgess moves on to perhaps the most interesting encounter for us. Looking at the historical roots of dystopia-E. Zamyatin's "We" and the historical roots of the struggle of youth – M. Bakunin's theory of anarchism, Burgess brings to the fore the war of puberty and maturity and the gap between them. A confrontation transferred from the spatial dimension-the struggle for territories and resources-to the temporal dimension-youth and old age, which is actually the "eternal war".

This happens for a reason related to freedom. Young people's views on freedom are such that they appear to mature people as permissiveness and therefore require restrictions. "Young people tend to be idealistic"[737], they do not have their own property and do not share the aspirations of their parents to possess it, and they are bored by the state. In these restrictions they see the root of evil, and rejecting the tradition, believing that the new is better than the old and the new opens the opportunity for them to express themselves and share their beliefs with like-minded people, they get anarchy, which in fact, according to Burgess, only a place for dictatorship. It doesn't matter to the dictates of one person or a

[732] Burgess A. 1985. – Moscow, 2018. – Pp. 85.
[733] Ibid. Pp. 62.
[734] Ibid.
[735] Ibid. Pp. 84.
[736] Ibid. Pp. 97.
[737] Ibid. Pp. 90.

group, what matters is that people will be held captive by the opinions of a few, destroying the state system that allows them to keep their freedom of choice for the time being, according to Burgess. Hence the fascination with contemporary dystopia, which not only allows you to find like-minded people in a society of isolated individuals without fear of being ridiculed but also offers to destroy the vicious system (which becomes obvious, based on the criticism of reality) of modernity, in which mature people are afraid to lose what they have acquired and achieved. And the case for which students are ready to fight, for example, "...becomes the idea that is currently on the ear, and therefore seems to be the most important"[738], again echoes the "Animal farm". So, they come together as enemies-reason and maturity against the moment, the impulse, the youth.

Burgess concludes that "...it is impossible to take away fundamental human rights"[739], and it would be better for him if the hooligans from the "A clockwork orange" walk the streets than for the individual to remain without freedom, it's the price of modern freedom. "It's hard to love your enemy, but the difficulty is what makes the “game” interesting"[740].

Let's move on to the second part of the work, where Burgess presents his version of the future order. His world is a world where "...what was on TV is real"[741] and even "...there was a house, anywhere, as long as there was a TV"[742]. Gangs of teenagers who seek knowledge because erudition is now anti-social have moved from "A clockwork orange" and continue to attack people whose "…free days have passed[743]" because even a strike has turned from an act of self-defense into a forced weapon of pressure. But this is culture, which, as a product of society, must translate social values. Work has become an inevitable evil, and the working day is a purgatory because the main human right is to work and get an adequate salary. The debt is in the past, now there are only rights, the main of which is the ability to refuse to work, i.e. the strike, as a result of which the main character lost his wife, which forced him to become an outlaw, as Huizinga would say, involuntarily. His remaining daughter, a TV addict who had stopped developing, who spoke poorly but consumed well, like most

[738] Burgess A. 1985. – Moscow, 2018. – Pp. 96.
[739] Ibid. Pp. 120.
[740] Ibid. Pp. 123.
[741] Ibid. Pp. 157.
[742] Ibid. Pp. 172.
[743] Ibid. Pp. 149.

children, became an incentive, like his dead wife, to make sure that the culprit did not get away with the strike. But he couldn't achieve his goal, and only the main character was worse from the fight. The only consolation was that "…the dogs didn't have a union yet"[744] and they couldn't start a strike, and then it was just an observation, because everyone had lost their right to know, and the reality was impossible even to fully understand. "Cooperation is the essence of life"[745], in which the main thing is to feel equality, in all probability, equality, and helplessness before your own or someone else's strike. God was replaced by plastic, it is also everywhere and indestructible, Big brother was replaced by Bill-a symbolic worker. The only problem is to survive - you need to meet the conditions.

Writers have lost their ability to make predictions, but Burgess decides to still predict that perhaps Orwell is right and will not need a war, its threat alone will be enough. However, he believes that there will inevitably be those who believe that life is not a salary and useless consumer goods, but "...life is beauty, truth, spiritual aspirations, ideals, eccentricity..."[746]. And let life most likely go to the fact that the historical process will be reduced to the formula poverty-communism-capitalism, and the average person will change a lot of TVs during this time, but all other household items will remain the same around him, but freedom, in which few people believe and few people understand, is the most important thing for Burgess.

"Utopias were opposed to dystopias, but both terms fall under the utopian cap"[747]. And according to Burgess, utopia, as the More's term, means only a fictional society. Thus, a bad or good, fictional society always has a utopia in it, with a different vector of relation to this very fictional society, confirming our reflections on the continuity of utopia and dystopia.

4.2 Postclassical dystopias: D. Lessing and P.D. James

Before proceeding to consider the latest dystopias, it is worth paying attention to the fact that the dystopia has undergone many changes over the years. The dystopia took an unusual form, being realized in the "stream of consciousness", as it happens in D. Lessing's "

[744] Burgess A. 1985. – Moscow, 2018. – Pp. 296.
[745] Ibid. Pp. 196.
[746] Ibid. Pp. 292.
[747] Ibid. Pp. 60.

Memoirs of a survivor", then in the detective, as in P.D. James's "The children of man". This was a necessary way to express additional feelings, to give additional meaning to their dystopias, against which the formation of a new, different person developed. Let us turn to these works in order to try to establish what new literary searches have brought to the dystopian genre.

The dystopian Memoirs of a survivor by D. Lessing were written in 1974. Winner of the Nobel prize in literature (2007), she chose for her dystopia not only an unusual form, but also the content. Let's turn to a detailed analysis.

As we noted above, "Memoirs of a survivor" have the form of a "stream of consciousness", recorded in the diary shell, so no logical preamble to the story and no explanation in the course of it is waiting for us. "All forms of organization of society have collapsed, but life went on and we pretended that nothing happened, at the same time adapting to the new conditions"[748]. This is all we will learn about the situation against which the dystopia unfolds: the situation will deteriorate and progress, but what actually happened will remain a mystery. More precisely, it is not a secret, nothing special happened, no disasters, no wars, just the result of the development of civilization, in her opinion. The emphasis is shifted to the area of feelings, experiences of the main character, in whose care the girl Emily was once left, and her thoughts about how to live in the new world.

Gradually, over time, the benefits of civilization-light, water, began to disappear from people's lives. Every day there were more robberies and lawlessness on the street, but the authorities did not care. Social committees and their activities on issues of increasing the monetary allowance of pensioners, when money gave way to natural exchange, or entering into a discussion with roaming gangs, the heroine called simply "…spitting against the hurricane wind"[749]. Worries about what no longer matters in the face of truly global problems. The question of why this happens, according to the main character, has a simple answer. "Perhaps our tacit agreement to believe that nothing...is happening is due to the fact that our true enemy is the reality because we do not want to allow ourselves to know what is

[748] Lessing D. Memoirs of a survivor. – St. Petersburg, 2013. – Pp. 22.
[749] Ibid. Pp. 25.

happening"[750]. Unwillingness to accept what is actually happening does not mean that it will stop happening or that the impact of what is happening will not be real. "But there are times when the game we agreed to play doesn't fit with reality"[751]. Pretense in this game, as in the children's game, plays a key role, but in order to keep the ground under your feet, pretense and the usual order of things are sometimes necessary for a person, "...because to stop and look around is too painful..."[752]. As for the authorities, "…the antagonism between "us" and the authorities, the division into "they" and "we" was taken for granted, and we all imagined that we were living in an anarchic society"[753]. "Blabbermouths. Bureaucrats. And they maintained in themselves and, if possible, in others the illusion that nothing had happened"[754]. So it went on, some pretended that nothing had happened, and for them it was true, others lived in changed circumstances, trying to maintain the illusion that nothing was happening, but "…officials did not trust the population"[755]. "Situation-conference-resolution"[756] - this was the management that lost contact with reality, and "…basically everyone agreed, came to the conclusion that nothing can be done, and therefore nothing should be done"[757], "we avoided real decisions"[758].

Gangs replaced each other and got younger. Ruin and decay were rampant on the pavement where they gathered, but the bureaucratic machine did not fall apart and functioned properly somewhere out there, "…adjusting to events and pretending to define them"[759]. A utopia ingrained in the minds of the people of the city of those times – a quiet, kind farming family. The reality of the streets turned into masses of teenagers who gathered together to "…make a leap out of childhood, break with the freedom of dreams"[760], and families and individual adults who joined them. "Very few of the people gathered at all existed in the world, if we adhere to the official point of view"[761]. But they existed, just as

---

[750] Lessing D. Memoirs of a survivor. – St. Petersburg, 2013. – Pp. 23.
[751] Ibid.
[752] Ibid. Pp. 89.
[753] Ibid. Pp. 9.
[754] Ibid. Pp. 114.
[755] Ibid. Pp. 56.
[756] Ibid. Pp. 138.
[757] Ibid. Pp. 90.
[758] Ibid. Pp. 115.
[759] Ibid. Pp. 189.
[760] Ibid. Pp. 67.
[761] Ibid. Pp 190.

there were things "...for which there was no longer any use"[762].

"Outcasts of the affluent society"[763], masses of people who "...have no personal responsibility and a displaced personal point of view"[764], their individuality is blurred, "non-personal", their general impressions are full of alternatives and freedom of action and self-expression, they "...do not tolerate loneliness, the mass is their home, their base of self - consciousness"[765]. The main character saw the structure in them, observed the logic of their actions, trying not to justify "...the desire of the older ones to push the young ones into a box with the inscription: "I do not understand this!" or "I refuse to understand this!"..."[766], explaining this to himself by the fact that "... everyone was once young"[767].

The population, each individual, no longer thought about changing the government, they wanted to forget about it. On the streets, you could find out that someone had moved and settled, and they were now "…living there for us. We also lived"[768], trying to get and exchange information about products or something else, information that "...became a kind of independent currency"[769].

The main character talked about how life will develop further, assuming that, for example, sexual taboos will disappear, but new ones will arise that will be easier to bear, property and care for it will disappear, problems will be solved together, the long-awaited "...freedom will come. Freedom from what is left of "civilization" and its shackles. Endlessly longed-for freedom"[770].

Why does the main character speak so highly of civilization, why does she ask whether we value civilization too highly? She answers this question with another question: "here we are sitting on the ruins of this rocket-artificial fiber civilization – why not think about whether it is necessary if it leads to such results?"[771]. Indeed, the question is very difficult. How can you be so sure that a person will continue to pretend that nothing is happening

---

[762] Lessing D. Memoirs of a survivor. – St. Petersburg, 2013. – Pp. 215.
[763] Ibid. Pp. 129.
[764] Ibid. Pp. 39.
[765] Ibid. Pp. 40.
[766] Ibid. Pp. 52.
[767] Ibid.
[768] Ibid. Pp. 217.
[769] Ibid. Pp. 55.
[770] Ibid. Pp. 176.
[771] Ibid. Pp. 88.

when the means are turned against the goals? Unless, just as in Lessing's novel, a crisis gradually comes, unspeakable in some words and not consisting of some catastrophes, but being the everyday development and end of the values of modern man.

The crisis was brewing gradually, probably in the novel "The children of man" by P.D. James, published in 1992, but its consequences are different from Lessing's. Suddenly, but predictably, children stopped being born all over the world, and there were no pregnant women left. And so, twenty-five years have passed and the year 2021 has come, in which the main character Theodore Faron, Ph. D., a cousin of Xan Lyppiatt the Warden of England, begins to write his diary. Humanity is coming to an end, there is a catastrophe of life, but only human, children's toys, strollers are burned, playgrounds are destroyed, schools are boarded up, children are left only recorded on film. Their place in the hearts of people was taken by dolls, kittens, which some baptized in churches or despair. What is life like now without a future? Life is only in the present, the past is not for anyone and there is no one to save, because "…history, which studies the past to understand the present and compare it with the future, is the most useless science for dying humanity"[772]. Sterile sex has become less and less interesting to the population, despite the opening of numerous porn stores. Having become, as well as fines for the suicide of young people imposed on the family, a useless measure of the struggle for the future, which few people saw as bright without humanity. "Romantic and idealized love has replaced gross carnal pleasure..."[773]. The pleasure now lay in other things, such as golf, which "…has now become a national game"[774], a pleasure guaranteed by the warden to every citizen of England. The official regime was the dictatorship of the Warden and his Council, a regime "...combining constant surveillance and universal permissiveness"[775]. He was both strict and uncompromising, such as the need for everyone to take double two-week survival courses in case they survived the demise of civilization, but the choice of courses was free: "Xan always showed wisdom, giving the right to choose in cases where the choice did not matter"[776]. "...civilizations arise

[772] James P.D. The children of men. – Moscow, 2008. – Pp. 22.
[773] Ibid. Pp. 15.
[774] Ibid.
[775] Ibid. Pp. 21.
[776] Ibid. Pp. 49.

and collapse, but man remains"[777], but this time, perhaps, the man comes to an end. "Ignorance of the past humiliates a person, without hope for the future, he becomes a wild beast"[778]. People have turned into mules, without heirs, they still carry their burden.

But what is left for people? What the warden promised them: "freedom from fear, freedom from need, freedom from boredom"[779], who believes that without "...the first, all other freedoms are meaningless"[780]. In conversation with Theo, Xan makes it clear that he is aware of what the administration, and understand, for example, that "…when a benevolent government, this is happening on other people's money, at the expense of security, at the expense of the future"[781], as well as understand that the criticism Theo makes him a person who longs to achieve the goal without caring about the means, not wanting to understand that the funds may not always like. At the same time, "…the phone number of the Council is known to every citizen. This apparent accessibility was part of Xan's politics"[782]. The ruler is not without his views, believing, for example, that "...if we have a choice, we should not allow those who have a criminal past or whose families are not in harmony with the law to reproduce"[783], thus becoming, perhaps, himself involved in the fact that humanity is facing death.

But not everyone is happy with what you have to offer the people of Xan and his Council. Five people (as well as the number of people in the Council), calling themselves "Five fishes", having completely different motives for fighting Xan, agree on one thing: they demand compassion, justice, and love from the state for themselves and other people. They demand this in their leaflets, which they have sent to every citizen of London, and in acts of defiance, setting off explosions of ceremonies. But their activities are easy to hide, do not give publicity to this news, "…do not voice them and all[784]" - says the recipe for freedom from fear of one of the members of the Council.

The "Five fishes" require five things from the Warden of England. Canceling testing of

---

[777] James P.D. The children of men. – Moscow, 2008. – Pp. 116.
[778] Ibid. Pp. 136.
[779] Ibid. Pp. 126.
[780] Ibid. Pp. 134.
[781] Ibid. Pp. 135.
[782] Ibid. Pp. 292.
[783] Ibid. Pp. 142.
[784] Ibid. Pp. 170.

men and women for fertility and closing offensive porn stores. Stopping the deportation of all those convicted of any crime to a separate island where lawlessness is happening. Cancellations of the "calming end" ceremony, in which old residents are killed because they are a burden to a society where resources are limited. The purpose of the general election and the announcement of the policy to the people. Granting "temporary residents" - migrants, equal rights with citizens and decent life, and the abolition of their deportation at the end of the employment contract. As Theo himself says, "Five fishes" amuse themselves with a game more dangerous than golf while realizing that Xan "…needs the appearance of a threat to public order coming from within. It helps maintain his power"[785].

But in the fight for these requirements, the "Five fishes" has a powerful argument: one of the participants, as it turns out, is pregnant.

Theo, torn by internal disagreement with Xan's opinion: "we plan for the sake of planning, pretending that humanity has a future"[786] and love for Julian, one of the members of the group, is forced to join the group when one of their members is captured. A pregnant Julian and the "Five fishes" with Theo try to escape as far as possible, since Julian does not want to hand the child over to the Xan - a criminal, in her opinion, although Theo insists on this, knowing Xan personally. The potential father, Rolf, is also against Xan and sees the child as a tool for seizing power for himself, which Theo opposes, believing that "...you are proposing to replace one dictatorship with another. Fair this time. All tyrants start like this"[787]. In the campaign, the group loses Luke-the priest and the real father of the child, who suffered from epilepsy in childhood, because unproven, and Rolf, who, not being the child's father, tried to bargain for a pardon from the Council, betraying the group. In the end, Theo, desperate for the loss of his daughter and marriage and living on his little pleasures – lectures, museums, food, and drink-killed Xan and took his ring, the symbol of power, becoming the Warden of England, taking care of Julian, who gave birth to a boy, and the Council accepted them.

"So it starts all over again"[788] - James sums up his novel, but what the new world will

[785] James P.D. The children of men. – Moscow, 2008. – Pp. 196.
[786] Ibid. Pp. 143.
[787] Ibid. Pp. 223.
[788] Ibid. Pp. 316.

remain a mystery. In any case, she tried to show and "...prove that good can come from evil, but it is much more difficult to prove that evil can come from good"[789], and if a person does not realize this, then the potential catastrophe of the world that James described, consisting in the death of not the world, but only the human world, man as a species, is much more real than it may seem.

In postclassical dystopias, new versions of how outlaw's figure will look like in the future appear: from a new protest in the form of helpless activity to preserve the old rules under the new order, to a struggle that will end the dictate. But what will happen next – the same dictate or something else is still a mystery to us, perhaps.

4.3 XXI century dystopias: Ph. Reeve and D. Mitchell

The 21st-century English dystopias stars with Ph. Reeve's "Hungry city chronicles", with the first book of the quartet - "Mortal Engines", published in 2001. This dystopia got its title from a quote from the play by W. Shakespeare "Othello" and thus continued the English tradition of invariably referring to W. Shakespeare in almost all dystopias directly or by references, as here.

"Movement is life! Let's help the Guild of Engineers keep London moving!"[790]- says a poster on one of the seven levels of London. Life is movement, said Aristotle, not assuming that in the future, as a result of a Sixty Minute War with the use of atomic bombs and projectiles with viruses, all cities will be on the move. London-on the crawler, others will go up in the sky, others will go down on the water, and all will go for resources, blessed by the Goddess of moving cities– Perepatetiya.

New people who rightly note that "…rolling city doesn't grow moss"[791] have lost many technologies and secrets of the past as a result of War, such as "...heavier-than-air aircraft and instant noodles"[792]. Now they live on the principle of Municipal Darwinism: "...large cities consume small ones, and those-even smaller ones and the smallest towns eat up scanty fixed

[789] James P.D. The children of men. – Moscow, 2008. – Pp. 296.
[790] Reeve Ph. Hungry city chronicles. Mortal Engines. – St. Petersburg, 2018. – Pp. 24.
[791] Ibid. Pp. 202.
[792] Ibid. Pp. 34.

settlements"[793]. On the surface, the same principle applies: "what you find is yours..."[794]. And what or whom doesn't matter. Cities vary in size, some of them are pirates, and some are driven by slave power. Like London, where only criminals work in the engine room- "…petty theft, tax evasion, criticism of the Lord Mayor…"[795], "…they don't need medical care"[796], their menu is an experiment in making delicious and nutritious dishes from waste, "...prisoners only feed on this. Unfortunately, they are constantly dying. But these are undoubtedly temporary difficulties"[797]. And, of course, all the remnants of the past must be abandoned, "…the engineers claimed that hair is an unnecessary excess, a relic of the static life of the past..."[798], the inhabitants of the upper levels, however, had luxurious hair.

In this atmosphere, we meet our main character – Tom Natsworthy, a student-historian, a resident of London and an employee of the London Museum, which stores many antiquities of the past-ceramics, samples of Old Tech civilization electronics, or statues of "...Pluto and Mickey-deities with animal heads, which were believed in long-dead America"[799]. The book is devoted to his adventures and revision of his ideals, which for him seemed unshakable and obvious.

Here in London, as in Brave new world, people are divided and have a color in their clothing that corresponds to their Guild, which is directly seen as a tradition. Of the four Guilds – Merchants, head of money matters, Navigators who curse the London by maps and routes, Engineers who believe that they are the future, whose motto "everything in it will fit"[800] answer for the machine are the most powerful Guild and the last – Historians, their business history, which "...is no less important than the bricks, iron, and coal"[801], but they are the only one aware of it. London on the tracks put the engineer Nichola Quercus, who is remembered by the people of London as often as Ford is remembered by the people of Brave new world. Lord Mayor Crom, an engineer, that restore a weapon of old times, called MEDUSA that will help, in his opinion, London do away with the Earth, and then absorb

[793] Reeve Ph. Hungry city chronicles. Mortal Engines. – St. Petersburg, 2018. – Pp. 20.
[794] Ibid. Pp. 90.
[795] Ibid. Pp. 167.
[796] Ibid. Pp. 169.
[797] Ibid. Pp. 166.
[798] Ibid. Pp. 191.
[799] Ibid. Pp. 16.
[800] Ibid. Pp. 166.
[801] Ibid. Pp. 25.

Mars, Venus, and asteroids.

Its opponents are the Anti-Traction League, which opposes the movement of cities in principle. As a result of their collision, London is killed, which in addition to weapons has an army of Stalker slaves-resurrected, dead people whose brains were placed in a robotic body and who obeyed the will of Crom. Dies as well and the League, whose fleet was destroyed. This is also the fault of Tom, who, with friends and foes, did away with the weapons of London. But the root cause is a passion for Old Tech: "history allows you to learn from the experience of countless centuries, and they are only interested in machines..." - states and warns us Professor of history.

The question of guilt in the death of London and its habitual life is one of the central ones in the book. Who is to blame, the one that believed that London is beautiful, just by living in it, and after leaving his house, realized all its ugliness, Crom – the Lord Mayor, who wanted to save London from danger, or Crom's right-hand Valentine, who killed for MEDUSA his girlfriend and the mother of his child, maimed his daughter, Crom's workers who restored MEDUSA, or ancient, ie, we who created the cult of machines and weapons?
Reeve's warning is clear, it remains only to listen to him so that in the future, we don't have to put our cities on wheels, as all "civilized" people.

"The world around us was changing...but now it was happening incredibly quickly, right before our eyes"[802], Reeve writes, reminding us with his book what can be forgotten in the pursuit of movement, a means that has become an end in itself. Despite the fantastic nature of Reeve's work, its main slogan has a very real basis. As early as 1970, Alvin Toffler, in his book "Future shock" said that "…the movement has become a positive value itself, an affirmation of freedom, and not just a reaction to or escape from the environment"[803]. Toffler also notes that modern man can feel freedom only by "overthrowing the tyranny of geography" and attachment to a particular place. "Freedom from a fixed social place is so closely related to freedom from a fixed geographical place that when a super industrial person feels that life's circumstances weigh on him, his first impulse is to change his

[802] Reeve Ph. Hungry city chronicles. Mortal Engines. – St. Petersburg, 2018. – Pp. 267.
[803] Toffler A. Future shock. – Moscow, 2004. – Pp. 99.

location"[804]. And, of course, the symbol of this freedom for European and American people is the car - personal means of dominating external circumstances. So, based on the logic of Toffler, Reeve's idea that cities will get on the wheels looks quite realistic, at least the motive for such changes is already available.

In the context of this research, we are only interested in the dystopian part of D. Mitchell's novel "Cloud Atlas", first published in 2004, called An Orison of Sonmi~451.

The people of the world of the future are divided into classes from birth. There are pureblooded people born for real and fabricants, created clones of different types, cheap workers, paying for the debt at the cost of living for some time by diligent service to Nea So Copros, which is "…based on fair commerce"[805]. In the corporate world order for a pureblooded is common consumer religion, they baptized the dollar sign invented cures for many diseases, all products modified in the genome by one hundred percent, to maintain the youth invented pills for freshness, to get rid of prescription drug freshness also invented the pills, any changes of the face and figure are possible for pureblooded. The task of purebloods is only to work, spend and work, and absorb goods and services from various kiosks for a full ten-day week, paying for it with dollars from their soul-a special egg-passport of purebloods, necessary for monitoring and tracking them, the task of clones is only to work. "The pureblooded is visible in the eyes of the everlasting dissatisfaction of consumers"[806]. For purebloods, certain enrichment statutes apply: "consumers must spend a fixed quota of dollars each month, which depends on which layer they belong to. Hoarding is a crime against the Corporation"[807]. Purebloods pay for all water, air, and earth corporations, even for the sex of their child. But if you don't have enough money, you will be sent to the place where everything is miserable, or they will give you a shot of euthanasia if there are enough dollars in the soul's account for it. The purebloods see the clones, but they rarely look at them. "Clones are slaves, perfect organisms that can't escape anywhere and die out without Corporation soap in 48 hours"[808], soap is their special food. They do not have a soul, they have a collar that imitates it, which is removed at the end of the clone’s work. They have

[804] Toffler A. Future shock. – Moscow, 2004. – Pp. 99.
[805] Mitchell D. Cloud atlas. – St. Petersburg, 2018. – Pp. 469.
[806] Ibid. Pp. 449.
[807] Ibid. Pp. 313.
[808] Ibid. Pp. 441.

neither the right nor the means to express their feelings. They are "...oriented so that they don't miss anything"[809]. Huxley's Unity has been replaced here by the forces of Unanimity, which represent not only the police but also Mitchell's irony, given that Sonmi's world is a world where the soul is a bank account.

For purebloods and clones, there is a catechism-a set of rules for how to behave and act in a certain situation. The seventh provision of the pureblood catechism states: "the value of the soul is determined by the dollars available in it"[810]. The catechism of clones depends on their place of work, from the novel, we know only something about the catechism of restaurant workers, where Sonmi~451 served. "For a factory worker rest is stealing time"[811]. Most of the provisions of the catechism of Papa Song's restaurant, where Sonmi-451 worked, for fabricants, contain instructions for greeting and interacting with purebloods, but the 3rd provision forbids the fabricant to possess anything, even thoughts, and the 2nd provision, through ornate logic, gives instructions on how to be happy: I am happy when Papa loves me, Papa loves me when I obey the Catechism. 6th position: for each year of service you get an asterisk, for twelve asterisks you are free to the exaltation-the process of implanting the soul and becoming a real consumer far away in Hawaii. "The sacred is a perfect shelter for the blasphemous"[812] - this is true of the catechism of both purebloods and fabricants. The only thing they are equal in is their lack of freedom to choose their life and at least something in it.

Sonmi-451 - the first stable ascended factory owner, "...a girl, a woman, in the sense of a person, a milestone in the history of science"[813]. It is an experiment of the Union, an organization opposed to Nea So Copros, to endow the clone fabricants with intelligence in the process of systematic and consistent training in what a pureblooded can do. Sonmi, who initially observed the experiment from the outside using the example of her sister Yuna~939, whose ascension was not so successful and ended in death, was able to avoid her mistakes and become the first stable ascendant. Dreams are the only thing that ever really belonged to Sonmi~451. Signs of its ascension – the voice of reason, the development of vocabulary,

[809] Mitchell D. Cloud atlas. – St. Petersburg, 2018. – Pp. 314.
[810] Ibid. Pp. 441.
[811] Ibid. Pp. 245.
[812] Ibid. Pp. 462.
[813] Ibid. Pp. 309.

curiosity, and alienation from others. Gradually she began to realize that if people do not notice differences in clones, it does not mean that they do not exist, just as it is a myth that clones don't have feelings there is no right and ability to show them. In the same way, she realized that fabricants are the most miserable of slaves, "...if happiness is understood as overcoming misfortune, meaningfulness, the will to power..."[814]. She is the only one who has seen exaltation and experienced it because, in fact, exaltation is the production of soap and food for restaurants from fabricants who have already worked themselves out, a kind of cycle of soap form in the Corporation. At a certain point, she is one of the few living people who know this terrible secret of the Corporation. But, "...monstrous doesn’t mean that is not necessarily impossible"[815].

Still, catechisms and consumption are not enough for a Corporation to function successfully, and enemies are also necessary. The Union provides Nea So Copros, in which "...there are no communities, only the state, and mutually suspicious layers…"[816] as enemies for the social cohesion of this hierarchical state, in which, according to Sonmi~451, the entire hierarchy can be shaky and based only on different access to knowledge. After all, historical discourse is banned in Nea So Copros, and the archiving of everything is regularly funded and maintained, but it is not disclosed, so as not to contradict or compete with the mass media, which have filled everything with their ads, even the moon, on which they are broadcast at night. Sonmi~451 concludes that "...the true illusion is...the present, not us..."[817], meaning by "we" the facts of the past, that is, us. Summarizing that "…both then and now, dystopia was generated by poverty, not by state policy"[818], and the deliberate concealment of history is not a dystopia, but politics. Sonmi~451 after reading Huxley and Orwell calls them optimists.

"We are only what we know..."[819]. But by knowledge, Sonmi~451 understood her guesses and assumptions, boldly placing her game in the game of Nea So Copros, whose only strategy is the negation of everything.

---

[814] Mitchell D. Cloud atlas. – St. Petersburg, 2018. – Pp. 252.
[815] Ibid. Pp. 469.
[816] Ibid. Pp. 449.
[817] Ibid. Pp. 322.
[818] Ibid. Pp. 323
[819] Ibid. Pp. 285.

The entire experiment with Sonmi~451 was necessary for the Corporation to ensure that the purebloods did not trust the fabricants or anyone else, except the Corporation, which cares about the pleasures of its citizens. Sonmi~451 managed to foresee this idea, and she went for it meaningfully, knowing that she was going to be executed in the house of light (which, of course, may be better than becoming a soap again), believing that as a martyr who collaborates with his judas, she will be able to achieve her game after the game of the Corporation.

"We see a game that will unfold at the end of the game"[820], and the game of Sonmi~451 is that the Corporation, without knowing it, distributes, even for security purposes, a blasphemous catechism invented by Sonmi~451. Even in her dreams, she could not have imagined such a spread of her catechism. "The truth is singular. All her "versions" are mistruths"[821], and Sonmi~451 hopes that her catechism will help people and fabricants understand this.

It was the truth about Nea So Copros, who put himself above nature, which causes much more inconvenience than it brings benefits, including nature and human, that Sonmi~451 tried to spread. The truth that the only thing that Nea So Copros achieves is to command everything, becoming the strongest, having the right to any terror, because "...ignorance breeds fear. Fear breeds hatred. Hatred breeds violence. Violence fuels further violence until the only law is whatever the strongest desires"[822]. And who can be stronger than the state, which alone has all the information and not the chatter of advertising?

4.4 Dystopian representation in filming

It is worth admitting that when you begin carefully analyze the individual elements of contemporary English dystopias, you will certainly notice a lot of references to early works and their mutual intersections. The first thing to note is the tradition to mention the important for dystopias people. Among them, of course, stands out William Shakespeare, whose quotes gave names to two of the dystopias considered, and the usual references, as was the case with

[820] Mitchell D. Cloud atlas. – St. Petersburg, 2018. – Pp. 475.
[821] Ibid. Pp. 243.
[822] Ibid. Pp. 469-470.

Burgess in "1985". The second such popular name is the name of William Morris, which occurs in Burgess's and James's novels, the third such name is Jonathan Swift, whose "A tale of a tub" as well as" Gulliver's travels " pass through many utopias and dystopias of England with an invisible thread. Huxley and Orwell have become household names and are mentioned in most modern dystopias.

There is also a succession of small details and names, such as the town of Townbridge, which appears in Burgess's novel and in Reeve's too. Also, for example, we find golf as a symbol of play and entertainment in Huxley's and James's texts. Sonmi~451, quite possibly receives her number in tribute to the ideas of "Fahrenheit 451 " by R. Bradbury, an American science fiction and dystopian writer, because she loved books in the process of her ascension. All these details allow us to say that there is a kind of "dialogue" between English utopian and dystopian texts. At the beginning of the work, we noted that dialogue is one of the properties of the genre poetics of utopia, but now the dialogue in dystopia has acquired a larger scale. All this indicates the possibility of recognizing the intertextual nature of the dystopian text, in the original understanding of the intertext according to Y. Kristeva, with the original idea of M. Bakhtin about "dialogue".

The texts of English dystopias abound in quotations, allusions, illustrations, or retellings of individual ideas or concepts of previous dystopias or utopias. This allows us to talk about a common space of discourse for all dystopias included (consciously or against their will) in it, which allows us to determine in difficult modern conditions whom the dystopian writes themselves recognize as "their own". Thus, we have a completely working hypothesis that requires verification and separate research. But all these details are only small touches to the three truly common themes of the works of the dystopian English tradition – time and history, play, and freedom.

In every piece of the rising theme of the game, the pretense, and outlaws. It is the interpretation of the game and the game concept of culture that is one of the main foundations of this work that allows us to get additional material for research. Our modern civilization, presented as a game, sometimes very cruel and meaningless for the layman, in its hyperbolized form. Dystopia becomes popular when you can still warn against something, and there is time to fix something, and not wait for outlaw, who will break the rules, shake,

question the fairness of the system or destroy it altogether.

The use of the concept of "games" and the Huizinga's game concept of culture allows us to confirm one of the important provisions of this thesis. As it was shown, dystopia is considered in this study as a logical continuation of utopia, as a metautopia. Let us note at once that this understanding refers to the philosophical interpretation of the utopian tradition, as for literary analysis, the idea of separating utopia and dystopia as literary genres is not disputed. Moreover, I would like to add to what has already been said that for this study, that dystopia in its form belongs to the novel, while utopia in its form is close to the genre of a philosophical essay, from the French "trial, attempt, test, check". Utopia is an attempt by means of a speculative experiment to allow others to evaluate the author's finished ideas about the best structure of society. However, from the point of view of philosophical discourse, utopia and dystopia belong to the same tradition of thinking about the best structure of society.

As we have seen, the approach to the possibility of building and believing in the ideal state of society, in reality, is completely different. Some utopianists believe this, with the caveat that one of the features of English utopia is the impossibility of accepting utopia as a direct guide to action. The dystopia writer denies the possibility of building an ideal society, that's why we named him the outlaw after Huizinga because he is building a utopia from scraps of reality, and proclaims its ideal, respectively, making the act of pretense, which is really serious about long-term consequences of utopian narratives. It is the game-seriousness relationship, which changes in the attitude of utopia as a key point of such works, that allows us to speak about the continuity of dystopian thinking about utopias. I would also like to draw attention to the fact that the game concept allows you to determine the attitude of utopianists themselves to their projects. Disputes and versions about whether the game was originally based on utopia are resolved with a positive response based on the analysis of the correspondence between the game's properties and utopia.

Thus, the game concept of culture allows us to talk about utopia as a form of play, dystopia as a continuation of utopia and pretend play and putting seriousness in the foreground, thus confirming the concept of J. Huizinga with another cultural phenomenon where his concept reflected real changes, at least in relation to freedom in utopia and

dystopia. This is confirmed by the figure of the outlaw, who appears in a dystopia as a lyrical hero (or their group, or those around him), as a violator of the rules of the game (the functioning of a pretend utopia in dystopia). In addition, we were able to establish that the author himself is an outlaw in essence and in relation to utopia when writing his dystopia, laying and hyperbolizing the flaws of modernity in relation to the future.

Time and attitude to it are also a key aspect of all dystopias. This manifests itself directly in the craft as in Reeve's novel, whose main character is from the Guild of historians, or in the form of an interest in history and museums, as James's Theodore Faron, or Burgess's Bev from "1985". History is a source that can teach, warn, point out repeated mistakes, unite, show the value of life and its brevity, illustrate with vivid examples the responsibility for actions, the consequences of decisions that once seemed right.

In dystopia, as in utopia, we work with three dimensions simultaneously-the present, the past, and the future. The past in the case of utopia and dystopia is utilitarian in nature, perceived as a valuable resource that can help and should be used. Don't forget that in dystopia, we are their past, and their present is our future.

Common to utopia and dystopia is a negative attitude to the present. In utopia, the present is criticized, sometimes in the form of satire, for the injustices of the real world; in dystopia, the present is censured because it lays down and develops trends that will put an end to values in exchange for minimal comfort (or even less, as in "1984") in the future. Here it is important to emphasize the deepest, fundamental difference: in utopia, the future is perceived as the hope that awareness of the past and the present will help in the future to establish a just order in which human happiness would be the main goal. Do not forget that almost always utopia – some parting words, basic principles that will help the future become better. The future in dystopia is perceived as a negative result of the development of negative trends of the present, it is always a bright, sharp, voluminous, imaginative, accurate picture, filled with cause-and-effect relationships of how something that a person puts up with today will turn against him tomorrow. The most valuable thing that a person has is freedom, which he may lose, along the way losing love, which basis for many dystopian writers is freedom.
Freedom is the third common and perhaps the most important motive of all dystopias. Bright images of a frightening future are created in order to draw attention to what can turn out to

be a rejection of it in favor of consumption, comfort, security, and pleasure. The problem is that if you lose your freedom, you will also lose the ability to determine your consumption, set a minimum of comfort, understand whether you are actually protected, and the pleasures will also be set.

"A dog is a wolf's utopia, and an electric light bulb is utopia of gas one" – writes F. Ainsa, but what about the fact that the wolf exchanged his freedom for food and became a household? And can we assume that the dog as a wolf utopia assumed modern controls and restrictions, such as muzzling and chipping? Wouldn't a person become someone else by exchanging the sufferings of choice associated with accepting everything, including the consequences, that Burgess writes about, and given that time can't be reversed and choices changed, the freedom to be miserable and suffer, as Huxley writes about?

The answer of the dystopianists is obvious: it will become, and this will turn into consequences that people do not think about at all. But the problem is that the delicate balance of our lives is always threatened by the consequences of our choices and actions. "We have learned to create and design powerful technologies. Now the sore point is to learn about their consequences. Today, these consequences threaten to destroy us"[823], but it is impossible, according to Toffler, to allow technology to continue rampaging in society, otherwise it will surely turn into a tragedy, possibly, dystopian.

When we talked about freedom in utopia, we noted its instrumental character as a value that preserves final values. Having considered a sufficient number of dystopian works and comments on the reasons for their appearance, summarizing them, we can add another reason: freedom was transformed from an instrumental value to a final value. This may be the conclusion based on the analysis.

Freedom, which at the time of utopia's popularity was thought of as a means to achieve happiness and, accordingly, depending on the time and the utopian concept was presented differently, became one of the main values in dystopia. Freedom became synonymous with happiness, a thought that could not be expressed in utopia, since everyone was free within the law and good intentions, i.e. they acted equally, became one of the main ones in dystopia. Modern man, who is passionate about the values of dystopia, craves the torment and

[823] Toffler A. Future shock. – Moscow, 2004. – Pp. 479.

suffering of choice as the basis of freedom in the world. At a time when the majority has exchanged freedom for comfort, or what they call it, the dystopian longs to regain his freedom. Freedom thus became the final value for the dystopian writers in the proposed typology.

It is necessary to justify another very serious point of this dissertation research. As follows from the table of contents, Huxley's and Orwell's dystopias were separated as classical (R. Baccolini and T. Moylon call them both classical and canonical[824]) from the postclassical ones by D. Lessing and F. D. James. However, the basis of this division was not only the historical border between them but first of all the conceptual one. We have discussed the outlaw figure in dystopia in detail above, but it should be noted that over time, the meaning that the dystopianist attaches to this figure has changed. In the collision of the system and the individual, their interests, as it is vividly illustrated by A. Huxley and G.Orwell, in their opinion, the system always wins. Harmonized and debugged, dystopia will forever reproduce itself and thus mark the end of history. If utopia marks the end of history as the highest point of development, then such dystopia marks the highest point of the eternal unfreedom of the individual. This is, as it seems, the main idea of the classic dystopia: in the fight against it, not one person is able to resist the system, all outlaws will be defeated, corrected, and dispersed.

If we turn to those dystopias that we have called postclassical, we can see that the idea of confrontation in them is reinterpreted. If D. Lessing writes about the need for confrontation, then F. D. James opens up opportunities for changing the system before the main characters at all: a child appears as a symbol of a new life, and the old dictator is defeated.

The dystopia of the XXI century is developing this theme even more acutely. If F. D. James only asks that it may be necessary to fight, the Ph. Reeve and D. Mitchell refer their dystopian texts to the theme of the fight and win.

This is the English dystopian tradition, the American dystopian tradition, which opened with the novel "Fahrenheit 451" by R. Bradbury immediately developed the idea of the

---

[824] Dark horizons: Science fiction and Dystopian imagination. Edited by Rafaella Baccolini and Tom Moylan. London., 2003. Pp.1.

possibility of the victory of the individual over the system and continues to do so in the works of D. Dashner's "The maze runner" and "The hunger games" by S. Collins. That is why I don't take English dystopia XXI to any of the species because it is not clear how to develop this, in part, the romantic idea that the victory of the individual over the dictates of the system and what type it must be attributed. In any case, this metamorphosis is obvious: the dystopia is transformed from a manifesto of the system's victory over the individual into a reflection on the hope of the individual's victory over the dictatorship. Outlaw, who was a common violator of the rules of the game, thus becomes the personality of the new world.

Dystopianists are most often reproached for the fact that their works do not contain any metaphysics of society after its destruction. This reproach stems from a lack of understanding of the main purpose of dystopia. The purpose of the dystopian writer is to influence the reader in such a way as to prevent the appearance of the described society. They do not care about the metaphysics of the future society after the destruction of the dystopia, because even raising such a question reduces their efforts to nothing. It turns out that people assume that the appearance of such societies is the norm.

Huxley wrote about this in great detail in his "Brave new world revisited", how terrified he is at the prospect of realizing the Brave new world, how terrified he is at the speed of its approach. ""Reality" always appears on the horizon of the future, where there are desirable and frightening, but in any case, not yet certain opportunities"[825] - Gadamer writes, it is the uncertainty of these potential future opportunities that dystopianists are trying to work on. That is why contemporary dystopianists are increasingly turning to teenagers who are free from industrial discipline, as Toffler writes, who are not yet included in the general system of modern society and can correct it, and also have an active potential, deprived of the inertia of simply stating that the system is really unfair. After all, the question of youth, as Burgess writes, "Why not?", the question of maturity and the past "Why?". That is why dystopias resort to even greater visibility, implemented in movies, so that the effect is more extensive, both in terms of audience and intensity of the effect.

There are a lot of dystopian films in the history of cinema, most of them were initially British, but gradually the USA became the leader of the production. The first film,

[825] Gadamer H.-G. Truth and method. – Moscow, 1988. – Pp. 159.

Metropolis, directed by F. Lang, appeared in 1927 and was still silent. Since then, Orwell's "1984" was adapted by director M. Anderson in 1956, followed by F. Truffaut's "Fahrenheit 451" in 1966, S. Kubrick's "Clockwork orange" in 1971, and G. Miller's first "Mad Max" in 1979, which was continued in 1981, 1985, and 2015. In 1980, Huxley's Brave new world was first filmed, and in 1982, an adaptation of Ph. Dick's novel "Do androids dream of electric sheep?", at the box office called "Blade runner", directed by R. Scott. Gradually, by the year 2000, the heyday of dystopian films begins.

In 1997, A. Niccol's "Gattaca" is released, later in 1998, his "The Truman show" is released, then in 2011, "In time" and in 2018, "Anon", thus, there are directors and writers specializing in the dystopian genre.

In 1999, the first part of the Matrix trilogy appeared, directed by Wachowski, which received two sequels in 2003, became truly iconic and was reviewed in many different, including scientific, articles.

In 2001, S. Spielberg's "A.I. artificial intelligence" was released, based on the story "Supertoys last all summer long" by B. Aldiss, and in 2002 his film "Minority report" was released, also dedicated to the dystopian theme of the future.

Since then, "Equilibrium" appeared in 2002, directed by K. Wimmer, based on Bradbury's"Fahrenheit 451". In 2004, based on the works of I. Asimov, "I, robot" was shot, directed by A. Proyas. In 2006, A. Moore's graphic novel "V" for Vendetta" was adapted by J. McTeigue and became a virtual phenomenon of modern culture with its symbol – Guy Fawkes, as a sign of resistance to the system. In 2006, A. Cuaron directed a film adaptation of The children of man based on the novel by F. D. James. In 2007, R. Matheson's novel "I am legend" was adapted into a film directed by F. Lawrence. In 2008, A. Stanton's full-length animated film WALL-E appeared, which can be called dystopian. In 2009, the film "Surrogates" based on the comics company Top Shelf Productions was directed by J. Mostow, also in 2009 appeared the film "Mr. Nobody", directed by J. van Dormael. In 2012, Wachowski and T.Tykwer directed the film "Cloud Atlas" based on the novel by D. Mitchell. In 2013, the unpublished graphic novel Oblivion was adapted into a film directed by J. Kosinski. In 2014, L. Lowry's novel "The giver", directed by Ph. Noyce, was adapted into a film. In 2015, the film adaptation of the novel by J.G. Ballard's "High-rise" directed by

B.Wheatley. In 2017 appeared in the film "Seven sisters", directed by T. Wirkola. Also in 2017, D. Eggers's novel "The circle" was adapted into a film directed by J. Ponsoldt. In 2018, R. Bahrami once again adapted the novel "Fahrenheit 451".

2012 opened a new kind of dystopian adaptations – adaptations of entire cycles of books. In 2012, G. Gross directed the first film of the S. Collins series of novels, "The Hunger games", and the second film, the "Hunger games: catching fire", was released in 2013 (dir. Fr. Lawrence), the third " the Hunger games: mockingjay - Part 1 " in 2014 (dir. Francis Lawrence), the fourth " the Hunger games: mockingjay - Part 2 " in 2015 (dir. Francis Lawrence). V. Roth's novels "Divergent", "Insurgent" and "Allegiant" received film adaptations in 2014 – dir. N. Burger, in 2015 and 2016 dir. R. Schwentke, the fourth part was never released. Since 2014, J. Dashner's novels have also been adapted by director W. Ball: 2014's "Maze runner", 2015's "Maze runner: the scorch trials", 2018's "Maze runner: the death cure".

In 2018, an adaptation of C. Rivers "Mortal engines" was released based on the novel by Ph. Reeve, the first part of his tetralogy.

Of course, this is an incomplete list of the most famous film adaptations, but it is also very impressive. This abundance of works was partly explained by Toffler when he said that the relationship between a person and the things around him is becoming more temporary and short-term. This is partly due to his call to create entire factories to produce alternative versions of the future. "Today we need powerful new utopian and dystopian concepts that look forward..."[826], perhaps, today we can say that the Toffler plan is being implemented, the question is whether the goal for which it is necessary to produce dystopias is being fulfilled: to understand the present through the future. It is worth admitting that this study tries in part to deal with the understanding of the present through the future, and specifically dystopia.

For this reason, we suggest paying attention to the fact that dystopian discourse has become even more widespread in another popular genre – in the TV series. We are primarily talking about such series as "Westworld" (2016-...) and "Black mirror"(2011-....).

"Westworld" is the story of how an amusement park with Autonomous androids inside, designed to entertain people, turned into something more and challenges the power of the

[826] Toffler A. Future shock. – Moscow, 2004. – Pp. 508.

world of people who subjected androids to humiliation and murder. "Black mirror" is anthology and tells one story per episode, the series are not directly related. This English series (before the Netflix buying) which is considered completely dystopian, deals in some detail with some of the issues directly addressed in this dissertation. Let's turn to the illustrations of some episodes in order to show the level of penetration of dystopian discourse in the modern film and television industry.

Season 1, Episode 2 "Fifteen million merits". Future world. Humanity strikes against obesity, the main character, like other people, pedals trainer to earn money and spend it on entertainment, food and getting rid of advertising in the virtual space. The main character Bing, who received a large amount of virtual currency from his dead brother, after hearing a talented girl Abi singing, buys her a ticket to a talent show, where Abi sings superbly. However, she agrees to participate in the porno show under pressure from the judges and a special cocktail. Bing, crushed by Abi's decision, and the fact that she betrayed her and his dream, decides to get on the show himself, saves on everything, watches countless ads and works to exhaustion. As a result, he has the ticket, and he decides to express his grievances to the whole world, tell about the injustice of the system and kill himself with a piece of glass in public. But judges will not allow it, they give him his show, where he throws off his negative about society and talks about the shortcomings of the system, despite the fact that he was enriched and he don't need to ride the trainer anymore.

It's like in Huxley's Brave new world, where the "savage" is laughed at, just like Bing is when he wants to kill himself. A person's suffering is only laughable, it is devalued, only dollars are valuable in the soul, like in Mitchell's novell. Did Bing betray his dream or sell it? Or is the system such that a person cannot resist it alone and even kill himself freely? And whose fault is it?

Season 1, Episode 3 "The entire history of you". Liam is having trouble with his work. The technological age does not ignore the person himself, many now have a chip implanted that records video and sound of a person's memories and allows them to be reproduced using a remote control. People now indulge in nostalgia in a new way, reliving events recorded and always available again and again. But good things can turn into evil. Liam suspects his wife of cheating and, thanks to technology, makes sure of this, despite the lie of his wife learns

that the father of his daughter may be another man. Technology now allows him to indulge in suffering on a new level, without the possibility of getting rid of this nightmare. Unless, of course, you delete the chip.

Technologies of the future will allow people to save their memories. Will it make his life easier or will it turn into a nightmare of another level? Will a person be freer if they stop being free of their obsessions and memories?

Special issue 2014, " White Christmas"

Part 1 gives us an idea of the"Eye-link", the device of the future, the device of augmented reality. Matt was convicted of being an accessory to murder in a situation where he consulted a guy remotely, and this led to his death; after learning about this, Matt's wife blocks him in the "Eye-link" and no longer sees or hears him, he is just a blurred figure. This is the story he shares with Joe, a colleague at a remote station where they are exiled to work.

Part 2: Matt talks about his real work, where he created digital copies of people's minds to help them. In an attempt to make digital copies work and accept that they are copies, he tortured them.

Part 3: Joe decides to tell Matt his story. He was arrested for murder. After the death of his ex-wife, who, as it turned out, gave birth to a child, not from Joe, who did not know this because of an argument and blocking the "Eye-link". He learned the truth only after death of his ex-wife and the fact that his father-in-law deliberately did not give him an opportunity to apologize to his ex-wife, he becomes enraged and accidentally kills his father-in-law.

Prologue: Copied, as in the second part, the digital consciousness of Joe, separated from himself, who, while in prison does not want to make a confession, tells Matt everything from the 3rd part and that the daughter of his ex-wife froze to death because he killed her grandfather. Matt is happy because the whole situation was set up to extract a confession from Joe. Matt is released, but he is marked as an anti-social element and blocked for everyone, and everyone is blocked for him, and now, no one sees him, and he doesn't see anyone and has no way to communicate.

Can we talk about freedom where a confession of a crime is extracted from an electronic copy of consciousness? And is there any point in freedom of movement if all your social contacts are impossible? A new stage in ensuring the security of citizens or a new

round of loss of personal freedom? As well as a new level of unfreedom and torture over the copied consciousness, the validity of which does not look so unambiguous.

Season 3, Episode 1 "Nosedive". Lacie, like other people in the new world, is obsessed with their rating. The rating is received for any action, similar to social networks. She wants to move to a more prestigious residential complex, but her rating is low for him. She decides to raise her rating by giving a speech at the wedding as a bridesmaid to Naomi – a very high-rated person and part-time childhood friend of Lacie. As a result of several setbacks, Lacie's ratings drop, and her rating drops so that Naomi is no longer waiting for her at the wedding. However, when she gets to the party, Lacie causes a scandal and goes to prison, where the rating no longer plays a role, and she can quarrel with others. During her journey, Lacie learns that people with low ratings have a place on Earth, and not everyone who has a low rating is a bad person, many of them are ready to help her selflessly, without requiring high ratings in return.

The story is about how in the pursuit of external attributes, which at first value for people, a person loses himself. He is no longer free to do what he wants and is forced to behave as his rating demands of him. But who needs and benefits from the rating, the person himself or the entire system of impersonal ratings and ratings?

Season 3, Episode 5 "Men against fire". The military organization is engaged in the destruction of mutated people, who are called "roaches". Each military is equipped with a MASS implant with augmented reality effects. The main character soldier Stripe, when faced with roaches, damages his implants with a virus. During the sweep, it turns out that the MASS implant affects the perception of the military and changes the perception of enemies who are actually the same people. The implant changes the minds of human enemies to monsters so that they are easier to kill. When they find out that Stripe's implant is damaged, they arrest him, tell him the truth about the new eugenics program for preserving the blood of humanity, which Stripe has voluntarily agreed to work for and blackmail him with the fact that if he does not agree to erase his memory, they will always show him videos with footage of him killing people. At the end, we are shown footage of Stripe leaving the service with honors and getting a luxurious house and waiting for him in it the girl from his dreams. But this is only in his eyes, in reality, he is standing at a graffiti-painted shack, the price he paid

for erasing the memory and the implant.

War is peace, but how can you make people kill if even during past wars, many of people refused to shoot their own kind. Orwell's" 1984 "experiences a new reinvention about the war in this episode of "Black mirror". In addition, how to unite disparate modern people even more effectively, except to give them a common enemy, which once again proves the visual application of the theory of C. Schmitt in practice. In addition, when agreeing to the implantation, Stripe, of course, did not know about all its effects. Is it possible to call him a free man with free will, if his implant transforms his vision of reality, when he doesn't know what is really happening? None of us know for sure how free he really is, Burgess wrote, and the series only gives us an additional plot for such reflection.

Season 4, Episode 3 "Crocodile". 15 years later, Mia, the main character of the episode, is overtaken by the ghosts of the past. Now she is happy, she has a successful career and a happy family, but 15 years ago she helped her friend Rob throw the corpse of a cyclist they hit into the lake, although she was against it and offered to call an ambulance. Rob finds Mia and suggests that she write an anonymous letter to the cyclist's widow, who is still looking for him. Mia doesn't agree, fearing that they can be calculated from the letter, they quarrel and Mia accidentally kills Rob. After securing an alibi, she takes Rob's body out of the hotel, accidentally witnessing the driverless truck hit the man.

This man applies to the insurance company for payment, believing that the truck is to blame for the incident. Insurance agent Shazia, using a special device scans the memory of witnesses, but can’t accurately identify the culprit. But sees in the memories of one of the witnesses Mia and goes to her. Fearing that the secret will be revealed, Mia decides to testify, but reveals her memories in too much detail and is forced to kill Shazia. After scanning her memories, Mia learns that Shazia's husband knew she was going to Mia's. Mia decides to go to him and kills him, but her face is seen by Shazia's son and afraid of being revealed, she kills him as well. In the end, the police solve the murder thanks to the memories of a guinea pig who saw Mia and Shazia's son turns out to be blind and became a completely useless victim.

This story of the future shows that people keep many secrets and will do much to protect their past. But here's the question: are tech tools responsible for Mia having to kill so

many people? Or her fear of losing what she has? Or the insurance companies that pushed Mia to murder in order to avoid paying insurance to the victim? Or was it her own fault? Man is not what he seems to others and is not what he seems to himself, so what is he? A victim of his environment, circumstances, or is he still responsible for his actions?

Problems of time and freedom of the future, in our opinion, received additional consideration in this series, which can be directly attributed to the dystopian. It rightly continues the English dystopian tradition, drawing new warnings and dangers for us where everything seems to indicate the benefits of technical innovations and the absence of moral dilemmas.

It is worth noting that the 5th season of this series, and in particular the 3rd episode "Rachel, Jack and Ashley Too" clearly show us the changes occurring with dystopia in the contemporary world. The point is that within the series, the attitude to the future changes quite strongly: from the negative in the first four seasons, it is transformed by the fifth season into one where there is not only hope, but even confidence in the possibility of the individual's victory over the system.

It is necessary to say that the series, representing the reasoning of mainly one author – Charlie Brooker, demonstrates an amazing solidarity with the literary dystopian tradition: a person is looking for ways out of the most difficult situations in which he puts himself with the help of culture, and is not ready to accept the axioms of Huxley, Orwell and Zamyatin, trying to find with the help of dystopian reasoning the resources of human nature to overcome such a future. Thus, the dystopian nature of such works decreases, they become more and more "romanticized", and an uncharacteristic utopian hope for a bright future appears in contemporary dystopia.

SUMMARY

The dissertation research presented in this paper was aimed at investigating the problem of freedom in English dystopia from the point of view of understanding dystopia as a philosophical continuation of the development of the English utopian tradition.

In the introduction to this work, the aim, objectives, object and subject of this study were identified, and the provisions for protection were presented. Also, this section marked the relevance of the research, considered the elaboration of the research topic, presented research methods, its theoretical and practical significance, indicated the approbation and information about the structure of this work.

The first chapter presented a large-scale study of utopia as a cultural phenomenon. The need to study the phenomenon of utopia when studying the phenomenon of dystopia is caused by their close relationship and one of the options for understanding dystopia as a negative understanding of utopia.

For a thorough study of the phenomenon of utopia, the first paragraph of the first chapter considered approaches to the definition of utopia, identified terminological features associated with the translation of the Greek term into Latin and the initial difficulties that arose in this regard in understanding utopia as a "nonexistent country" and "blessed land". Also highlighted are the main features of the utopian genre, among which were noted:

- image of the public ideal;
- isolation and island location of utopia;
- the timelessness of the utopian community;
- belief in the limitless possibilities of humanity;
- rationality and rationalization of problems as the key to building an ideal society.

This section also provides an interpretation of the concept of "classical utopia".

In the second paragraph of the first chapter, the typologies of utopias are given, which became one of the first studies of utopias as a cultural phenomenon. The typologies of L. Mumford, A. Sventokhovsky, V. P. Volgin, E. Shatsky, and E. Y. Batalov are considered, and

then the typologies are supplemented by the system of F. Ainsa. Also, there are reproduced five main functions of utopia presented by E. Y. Batalov.

The third section analyzes the ideals, values, features of the construction of five classic utopian English texts: "Utopia" by T. More, "The new Atlantis" by Fr.Bacon, "The law of the freedom," by G.Winstanley, "The Republic Of Oceana" by J.Harrington and "News from nowhere" by W. Morris.

The second chapter deals with the freedom of utopia from various angles. The first paragraph considered the approach to the understanding of freedom in different historical periods. Freedom is considered in the context of genre features of utopia. The historical and cultural context of the formation of ideas about the freedom of the English authors of the cited utopias is defined. The concepts of freedom of five classic utopian projects are considered.

The second paragraph of the second chapter explores the main approaches to defining liberty – positive and negative. The question of recognizing a free action is considered if there is both a motive and a resource for carrying out a free act of a person. The main oppositions of freedom are identified and analyzed from the point of view of utopia. The instrumental value of freedom as a value-a means to achieve the happiness of all citizens, characteristic of the presented utopian projects, is established.

The third chapter is entirely devoted to the direct study of dystopia. The first paragraph focuses on the reasons for the decline in the popularity of utopia in the XX century and the rise in popularity of the dystopian genre. External causes included the tragedies of the First World War, the Holocaust, the Second World War, the success of the Nazi and fascist movements, and the attempt to implement the largest utopian project in practice – the formation of the USSR. The internal reason is that utopia, having fallen into a crisis because it was viewed from all positions, has turned into its opposite – dystopia. To analyze this transformation, we use the material of the concepts of E. Y. Batalov, J. Baudrillard, R. Rorty, and J.Huizings, whose ideas about the game concept of culture applied to utopia and dystopia are one of the foundations of this work. Understood initially as a form of game utopia (which follows from the terminological analysis, analysis of the title of the book of objects by T. More) goes through its history, meeting with the concept of seriousness and

serious attitude instead of playing, utopia is transformed into a pretended utopia or pastiche of utopia, which in one word can be called dystopia. The figure of an outlaw, who violates the rules of the game, appears in a dystopia and transforms a philosophical work into a novel, shifting the focus of the classic utopia from the global-the state and society-to the personal-the problems of the individual and his life in a potential "utopia". The author of the dystopia, as well as the lyrical hero, being essentially an outlaw, spreads a new kind of attitude to utopia in dystopia-serious and feigned at the same time.

The second paragraph examines the value core of dystopia, which is based on the criticism of the anti-value of dystopia-non-freedom. The works of M. S. Kagan, G. Bernanos, P. Sloterdjik, E. Fromm, L. A. Ornatskaya, and V. Frankl are used as conceptual material for the analysis. They allow us to consider the values of a person who has experienced the indicated tragedies and faced an existential crisis, where freedom becomes one of the main values, while paradoxically being exchanged for minimal comfort.

In the third paragraph, three of the most famous English dystopian projects are considered – "Brave new world" by A. Huxley, "Animal farm" and "1984" by G.Orwell. We consider the values of these projects in the context of freedom and the popular theory of the opposite systems of utopian and dystopian societies. With the help of analysis, including on the basis of the concept of Huizinga's "Homo ludens" we conclude about the oppositeness of concepts only from the point of view of their form. The essence of the concepts is analyzed, and the outlaw figures in these texts are considered.

The fourth chapter is devoted to the analysis of dystopias of the modern period. The first paragraph is devoted to the first attempts to reflect on the features of the classic dystopian projects of A. Huxley in his work "Brave new world revisited" and reflection on the system of G.Orwell by Burgess's "1985".

The second paragraph examines the later concepts of D. Lessing in "Memoirs of a survivor" and F. D. James in "The children of man". A feature of these works is noted: the new meaning of outlaws in these works. In addition, a new form of reasoning about the dystopian future is revealed: the actual picture of this future is open, there is no clear answer from the author to the question about the fate of outlaw, the struggle against the system on the part of the individual becomes truly possible.

The third paragraph examines the contemporary English dystopias for the problem of freedom in them. The "Hungry city chronicles. Book 1: Mortal engines" by F. Reeve and "Cloud Atlas" by D. Mitchell, section "Orion Sonmi-451" are researched. In considering these concepts it becomes obvious that the dystopia in the twenty-first century transformed again, as the figure of an outlaw in it. Moreover the concept of the game in the game as the basis for the dystopia developed in "Cloud Atlas" by putting the question of the struggle of the individual in collision with the system in a new way, noting the possibility of victory in this match by playing with the game system, which does not perceive this activity of outlaw as a game.

The fourth section examines the dystopian representation in filming. Assessing the significant popularity of dystopia in cinema, we can draw some conclusions about the penetration of this genre into an even more relevant sphere of mass culture – TV series. Consideration of selected episodes of "Black mirror" demonstrates a direct tradition between English dystopia, which is based not only on pastiche but also on intertextuality, quoting classic utopian and dystopian works in allegorical form.

The research conducted in this way allowed us to look at the problem of the origin of dystopia in a different way, at its differences with utopia, and at the problem of freedom in the works of these genres.

CONCLUSION

1. Utopian works can be attributed to the genre of philosophical essays, dystopian works in their form and content belong to novels.

As has been shown, utopia and dystopia in the philosophical sense historically belong to the same philosophical tradition. In this sense, dystopia is the heir and successor of utopian philosophical thought from the point of view of reasoning about the best structure of society, dystopia can be called a metautopia, since historically and terminologically it follows utopia, but it has a number of conceptual differences that directly affect the form of reasoning and its conclusions.

2. As shown by the study of approaches to the definition and understanding of freedom, from the historical shift from the phenomenon of utopia to the phenomenon of dystopia, there is a change in the meaning of freedom for the authors of these works, along with other historical reasons. Utopia considers freedom as an instrumental value for achieving and preserving the final value of happiness, while dystopia considers freedom as one of the final values. thus, freedom plays the role of an instrument for achieving the ideal in utopia and in various forms acts as one of the ideals of dystopia.

3. Criticism of the reality and historical dynamics of the development of society in various forms occupies an extensive place in dystopian works, using the technique of hyperbolization, extrapolates the features of modern development and the popularity of ideas to the area of the future. Non-freedom, as one of the main anti-values of such a future society, is one of the main objects of criticism in dystopia. Freedom, on the contrary, in an allegorical form, is one of the main values for dystopian writers.

4. Contemporary dystopia is characterized by intertextuality and the use of various tools for understanding the English utopian tradition and the authors who influenced it.

5. The main ideas of the Huizinga's game concept of culture such as play, pretense, earnestness, outlaw and the main features of the development of these elements help to consider the historical turn from utopia to dystopia with the help of additional tools

comprehending and understanding this historical transition.

6. One of the proofs that the hypothesis of applying the game concept of culture to utopia and dystopia works is the material obtained by applying this method to the analysis of dystopian texts. The analysis shows that the method gives us practical conclusions about the transformation of the dystopia itself from the period of the first half of the XX century. Changing attitudes to the future in "romanticizing" of the text of dystopia reveals the absence of static position estimates of the future, as one of the features of dystopia. Numerous textual studies and consideration of the TV-series "Black mirror" clearly confirm this idea: dystopia is transformed and there is hope for an acceptable future, initially uncharacteristic for this genre.

7. Dystopia, being the most complete and systematic reflection of all the anti-values of modern society, allows us to assess the state of the axiosphere of modern society, to identify its final values, to identify limitations, as well as to establish historical conditions for the formation of these values and their meaning since the era of the European Enlightenment.

REFERENCES

1. Ainsa, F. Reconstruction utopia / F.Ainsa. – Moscow, 1999. – 207 p.
2. Andreev, G.S. Axiological aspect of contemporary dystopia / G.S. Andreev // Materials of international student's forum «LOMONOSOV-2019» [Source]. – Moscow, 2019. – Optical disc.
3. Andreev, G.S. Contemporary dystopia – utopia or reality? / G.S. Andreev // Studia Culturae. – 2018. - N 38. – Pp. 118 – 125.
4. Andreev, G.S. Historical and cultural context of forming representations about freedom in English classical utopia / G.S. Andreev // Contemporary science: actual problems of theory and practice. Series: «Cognition». – 2019. – N 2. – Pp. 10 – 13.
5. Andreev, G.S. The future of freedom / G.S. Andreev // Studia culturae. - 2019. – N 39. – Pp. 151 – 158.
6. Andreev, G.S. The role of labor and its ideal in the history of utopian ideas: the cultural and philosophical analysis / G.S. Andreev // Society: philosophy, history, culture. – 2019. – N 2. – Pp.63 – 66.
7. Andreev, G.S. Utopia as a resource of future learning / G.S. Andreev // Psychology of future learning: materials of 3rd international science conference of students, masters and postgraduate students. – Yaroslavl, 2019. – Pp. 14 – 16.
8. Andreev, G.S. Value conflict: the forming of dystopia / G.S. Andreev // Philosophical thought. – 2019. – N 2. – Pp. 66 - 71.
9. Atwood, M. Hag-seed / M. Atwood. – Moscow, 2018. – 352 p.
10. Bacon, Fr. The new Atlantis / Fr. Bacon. Classical utopia: T. More, Fr. Bacon, E. Bulwer-Lytton, C. de Bergerac. – Moscow, 2018. – Pp. 193 – 235.
11. Barthes, R. Mythologies / R. Barthes. – Moscow, 2008. – 351 p.
12. Batalov, E.Y. In the world of Utopia. Five dialogs about utopia, utopian consciousness and utopian experiments / E.Y. Batalov. – Moscow, 1989. – 319 p.
13. Batalov, E.Y. Social utopia and utopian consciousness in USA / E.Y. Batalov. – Moscow, 1982. – 336 p.

14. Baudrillard, J. Symbolic exchange and death / J. Baudrillard. – Moscow, 2000. – 387 p.
15. Bauman, Z. Freedom / Z. Bauman. – Moscow, 2006. – 132 p.
16. Benjamin, W. The work of art in the edge of mechanical reproduction / W. Benjamin. Url:http://forlit.philol.msu.ru/Pages/Biblioteka_Benjamin.htm (12.12.19)
17. Benoist, A.de Against liberalism / A.de Benoist. – Moscow, 2009. – 476 p.
18. Berdyaev, N.A. The philosophy of freedom / N.A. Berdyaev. – Moscow, 1989. – Pp. 12 – 28.
19. Berlin, I. Philosophy of freedom / I. Berlin. – Moscow, 2001. – 448 p.
20. Bernanos, G. Freedom…for what? / G. Bernanos. – St. Petersburg, 2014. – 288 p.
21. Blaim, A. Gazing in useless wonder. English utopian fictions 1516 – 1800 / A.Blaim. – Berlin.: Peter Lang AG, 2013. – 356 p.
22. Bloch, E. The principle of hope / E.Bloch. Utopia and utopian thought: anthology of foreign literature. Ed. V.A. Chalikova. – Moscow, 1991. – Pp. 49 – 78.
23. British and American Utopian Literature 1516-1975. An annotated bibliography. Edit. L.T. Sargent. – Boston.: G. K. Hall, 1979. – 324 p.
24. Bulwer-Lytton, E. The coming race / E. Bulwer-Lytton. The XIX century utopia. Projects of paradise. – Moscow, 2019. – Pp. 5 – 136.
25. Burgess, A. 1985 / A. Burgess. – Moscow, 2018. – 320 p.
26. Burgess, A. A clockwork orange / A. Burgess. – Moscow, 2014. – 252 p.
27. Campanella, T. The city of the sun / T. Campanella. – Moscow, 1954. – 226 p.
28. Chalikova, V.A. Utopia and freedom / V.A. Chalikova. – Moscow, 1994. – 184 p.
29. Chertkova, E.L. Science mind and humanistic values / E.L. Chertkova // Philosophy of science. – 1999. – N 5. – Pp. 184 – 201.
30. Chertkova, E.L. The specificity of utopian consciousness and the problem of the ideal / E.L. Chertkova. Ideal, utopia and critic reflection. – Moscow, 1996. – Pp. 156 – 187.
31. Chertkova, E.L. Utopia as a type of consciousness / E.L. Chertkova // Social sciences and modernity. – 1993. – N 3. – Pp. 71 – 81.
32. Cline, E. Ready player one. / E. Cline. – London.: Arrow Books, 2018. – 376 p.

33. Dark horizons: Science fiction and Dystopian imagination. Edited by Rafaella Baccolini and Tom Moylan. – London.: Routledge, 2003. – Pp. 1 – 28.
34. Dashner, J. The death cure / J. Dashner. – Moscow, 2018. – 352 p.
35. Dashner, J. The maze runner / J. Dashner. – Moscow, 2014. – 448 p.
36. Dashner, J. The scorch trials / J. Dashner. – Moscow, 2015. – 320 p.
37. Dean, J. Crowds and public / J. Dean // Stasis. – Vol 5. – 2017.– N 1. – Pp. 220 – 246.
38. Elias, N. The civilizing process / N. Elias. Vol. 1. The history of manners. – Moscow, St. Petersburg, 2001. – 332 p.
39. Elias, N. The civilizing process / N. Elias. Vol. 2. State formation and civilization. – Moscow, St. Petersburg, 2001. – Pp. 237 – 256.
40. Erasmus of Rotterdam. In praise of folly / Erasmus of Rotterdam. – Moscow, 2017. – 160 p.
41. Erlihson, I.M. Genesis of ideas of social utopia in english social thought of second half of XVII and the beginning of XVIII century: abstract of the doctoral dissertation. Historical sciences: 07.00.03 / Erlihson Irina Marikovna. – Moscow, 2009. – 51 p.
42. Firchow, P.E. Modern utopian fictions: from H.G. Wells to Iris Murdock / P.E. Firchow. - Washington, DC: Catholic University of America Press, 2007 – 203 p.
43. Frankl, V. The human search of meaning / V. Frankl. – Moscow, 1990. – 368 p.
44. Frolova, I.V. Utopia: essence and growth (experience of socio philosophical conceptualization): abstract of the doctoral dissertation. Philosophical sciences: 09.00.11 / Frolova Irina Vasilievna. – Ufa, 2005. – 40 p.
45. Fromm, E. Escape from freedom / E. Fromm. – Moscow, 2018. – 288 p.
46. Fromm, E. The art of loving / E. Fromm. – Moscow, 2018. – 221 p.
47. Gadamer, H.-G. Truth and method / H.-G. Gadamer. – Moscow, 1988. – 704 p.
48. Gorfunkel, A. H. Tommaso Campanella / A.H. Gorfunkel. – Moscow, 2010. – 248 p.
49. Groys, B. On the new. An attempt at cultural economy / B. Groys. – Moscow, 2015. – 240 p.
50. Groys, B. Utopia and exchange / B. Groys. – Moscow, 1993. – 375 p.

51. Gutorov, V.A. Antique social utopia. Questions about history and theory / V.A. Gutorov. – Leningrad, 1989. – 288 p.
52. Habermas, J. The future of human nature / J. Habermas. – Moscow, 2002. – 144 p.
53. Harrington, J. The commonwealth of Oceana / J.Harrington. – Cambridge.: Cambridge University Press, 1992. – 332 p.
54. Hobbes, Th. Leviathan or the matter, forme and power of a common-wealth ecclesiasticall and civil / Th. Hobbes. – Moscow, 2001. – 478 p.
55. Huizinga, J. Homo ludens / J. Huizinga. – St. Petersburg, 2015. – 416 p.
56. Huizinga, J. Human and culture; About historical life ideals / J. Huizinga. Autumn of the middle ages. Homo ludens. Essays – Moscow, 2019. – Pp. 1034 – 1055; 1147 – 1168.
57. Hume, D. Idea of perfect commonwealth / D. Hume. Writings. Vol. 2. – Moscow, 1996. – Pp. 685 – 689.
58. Huxley, A. Brave new world. / A. Huxley. – London.: Vintage books, 2014. – 336 p.
59. Huxley, A. Brave new world / A. Huxley. – Moscow, 2018. – 350 p.
60. Huxley, A. Brave new world revisited / A. Huxley. – Moscow, 2018. – 192 p.
61. Huxley, A. Island / A. Huxley. – Moscow, 2018. – 512 p.
62. James, P.D. The children of men / P.D. James. – Moscow, 2008. – 316 p.
63. Jameson, F. Archaeologies of the future. The desire called utopia and other science fictions / F. Jameson. – London, New York.: Verso, 2005. – Pp. 12 – 58.
64. Jameson, F. Postmodernism and consumer society / F. Jameson // Logos. – 2000. – N 4(25). – Pp. 63 – 77.
65. Jaspers, K. The origin and goal of history / K. Jaspers. – Moscow, 1990. – 527 p.
66. Kagan, M.S. Esthetics like philosophical science / M.S. Kagan. – St Petersburg, 1997. – 544 p.
67. Kagan, M.S. Philosophical theory of value / M.S. Kagan. – St Petersburg, 1997. – 205 p.
68. Kant, I. Critique of pure reason / I. Kant. – Moscow, 2011. – 736 p.
69. Kautsky, K. Thomas More and his utopia / K. Kautsky. – Moscow, 2011. – 304 p.

70. Koloskov, A.N. Back to the future: about conservative discourse / A.N. Koloskov // Studia culturae. – 2011. – N 13. – Pp. 94 – 98.
71. Kristeva, J. Selected works / J. Kristeva. – Moscow, 2004. – 656 p.
72. Lasky, M. Utopia and revolution / M. Lasky. Utopia and utopian thought: anthology of foreign literature. Ed. V.A. Chalikova. – Moscow, 1991. – Pp. 170 – 209.
73. Lavrova, A.G. Validity of utopia as a problem of cultural studies: candidate dissertation. Cultural studies sciences: 24.00.01 / Lavrova Anna Georgievna. Chelyabinsk, 2009. – 186 p.
74. Le Bon, G. The crowd: a study of popular mind / G. Le Bon. – Moscow, 2018. – 384 p.
75. Lessing, D. Memoirs of a survivor / D. Lessing. – St. Petersburg, 2013. – 223 p.
76. Levitas, R. Utopia as a method: the imaginary reconstitution of society. / R. Levitas. – London: PALGRAVE MACMILLAN, 2013. – 268 p.
77. Locke, J. Two treatises of government / J. Locke. Writings in three volumes. – Vol. 3. – Moscow, 1988. – Pp. 135 – 406.
78. Maj, K.M. Deconstructing Utopia / K.M. Maj // More after More. Essays commemorating the five-hundredth anniversary of Thomas More's Utopia. Edited by Ksenia Olkusz, Michal Klosinski, Krzysztof M.Maj. – Krakow.: Facta ficta research center, 2016. – Pp. 74 – 86.
79. Mannheim, K. Ideology and utopia / K. Mannheim. Selected works. – Moscow, 1994. – Pp. 7 – 276.
80. Manuel, F., Manuel Fr. Utopian thought in western world / F. Manuel, Fr. Manuel. Utopia and utopian thought: anthology of foreign literature. Ed. V.A. Chalikova. – Moscow, 1991. – Pp. 21 – 48.
81. Marcuse, H. One-dimensional man / H. Marcuse. – Moscow, 2003. – 138 p.
82. Marcuse, H. The end of utopia / H. Marcuse // Logos. – 2004. – N 6(45). – Pp. 18 – 23.
83. Mill, J.S. On liberty / J.S. Mill. Anthology of world foreign literature. – Moscow. 2000. – Pp. 288 – 392.
84. Mitchell, D. Cloud atlas / D. Mitchell. – St. Petersburg, 2018. – 704 p.

85. Moore, A. V for vendetta / A. Moore. – St. Petersburg, 2015. – 416 p.
86. More, T. Utopia. / T. More. – Cambridge.: Cambridge University Press, 2002. – 140 p.
87. More, T. Utopia / T. More. – Moscow, 1978. – 416 p.
88. Morina, L.P. The thing as a mirror of a person / L.P. Morina // Studia culturae. – 2018. – N 37. – Pp. 36 – 42.
89. Morris, W. How I became a socialist / W. Morris. The art and life. – Moscow, 1973. – Pp. 53 – 75.
90. Morris, W. News from nowhere / W. Morris. – Moscow, 1962. – 332 p.
91. Morschihina, L.A. Classic and non-classic utopias in the context of socio-philosophical research: abstract of the candidate dissertation. Philosophical sciences: 09.00.11 / Morschihina Larisa Alexandrovna. – Arkhangelsk, 2004. – 66 p.
92. Morton, A. The English utopia / A. Morton. – Moscow, 1956. – 280 p.
93. Morton, A. The origins of socialist thought in England / A. Morton. The history of socialist thoughts. The essays. - Moscow, 1962. – Pp. 34 – 57.
94. Moylan, T. Scraps of the untainted sky: science fiction, utopia, dystopia. / T. Moylan. – Colorado: Westview press, 2000. – Pp. 111 – 202.
95. Mumford, L. The myth of the machine / L. Mumford. – Moscow, 2001. – 408 p.
96. Mumford, L. The story of Utopias / L. Mumford. - New York.: Forgotten Books, 2008. – 206 p.
97. Neville, H. The Isle of Pines // Three modern utopias. – Oxford.: Oxford University press, 1999. – 250 p.
98. Nietzsche, F. The will to power / F. Nietzsche. – St. Petersburg, 2010. – 448 p.
99. Nietzsche, F. Thus spoke Zarathustra: a book for all and none / F. Nietzsche. – Moscow, 2008. – 314 p.
100. Novgorotsev, P.I. About public ideal / P.I. Novgorotsev. – Moscow, 1991. – 640 p.
101. Ornatskaya, L.A. Mass culture and «spirit of the age» / L.A. Ornatskaya // Materials of round table conference. Russian mass culture of the end of XX century. – St. Petersburg, 2001. – Pp. 129.

102. Ortega y Gasset, J. The revolt of the masses / J. Ortega y Gasset. – Moscow, 2016. – 256 p.
103. Orwell, G. 1984 / G. Orwell. – Moscow, 2018. – 318 p.
104. Orwell, G. Animal farm. / G. Orwell. – New York.: New American Library, 2017. – 148 p.
105. Orwell, G. Animal farm, essays / G. Orwell. – Moscow, 2018. – 256 p.
106. Orwell, G. England and Englishman / G. Orwell. – Moscow, 2018. – 320 p.
107. Orwell, G. Nineteen Eighty-four. The annotated edition. / G. Orwell. – London.: Penguin press, 2013. – 403 p.
108. Osinovsky, I.N. Thomas More / I.N. Osinovsky. – Moscow, 1985. – 174 p.
109. Panionova, T.S. Genesis of utopian discourse: cultural and civilizational context: abstract of the doctoral dissertation. Philosophical sciences: 24.00.01; 09.00.11 / Panionova Taisia Sergeevna. – Rostov On Done, 2005. – 54 p.
110. Panionova, T.S. The archetype of the island as a mythological component of utopia / T.S. Panionova. Abstracts of the conference «The way of cognition: common and different». – Rostov On Done, 2004. – Pp. 79 – 93.
111. Pavlova, T.A. Folk utopia in England in XVII century / T.A. Pavlova. – Moscow, 1998. – 216 p.
112. Petrucciani, A. Fantasy and teaching / A. Petrucciani. Utopia and utopian thought: anthology of foreign literature. Ed. V.A. Chalikova. – Moscow, 1991. – Pp. 98 – 112.
113. Plato. The rebublic / Plato. – Moscow, 2016. – 448 p.
114. Reeve, Ph. Hungry city chronicles. A darkling plain / Ph. Reeve. – St. Petersburg, 2018. – 640 p.
115. Reeve, Ph. Hungry city chronicles. Infernal devices / Ph. Reeve. – St. Petersburg, 2018. – 480 p.
116. Reeve, Ph. Hungry city chronicles. Mortal Engines / Ph. Reeve. – St. Petersburg, 2018. – 384 p.
117. Reeve, Ph. Hungry city chronicles. Predator’s gold / Ph. Reeve. – St. Petersburg, 2018. – 416 p.
118. Rorty, R. Contingency, irony and solidarity / R. Rorty. – Moscow, 1996. – 282 p.

119. Russel, B. A history of western philosophy / B. Russel. – Moscow, 2018. – 1024 p.
120. Safranski, R. Free variations about freedom / R. Safranski // Positions of contemporary philosophy. – 2004. – N 3. – Pp. 57 – 66.
121. Sakharov A.D. Progress, coexistence and intellectual freedom / A.D. Sakharov Url:https://royallib.com/read/saharov_andrey/razmishleniya_o_progresse_mirnom_sosushchestvovanii_i_intellektualnoy_svobode.html#0 (12.12.19)
122. Sargent, L.T. Scholarship as ideology: a study of Eduard Batalov's The American Utopia / L.T. Sargent // Utopian studies. – 1991. – N 4. – Pp. 85 – 89.
123. Sargent, L.T. The three faces of utopianism revisited / L.T.Sargent // Utopian studies. – Vol. 5. – 1994. – N 1. – Pp. 1 – 37.
124. Sargent, L.T. Utopianism: a very short introduction / L.T. Sargent. – Oxford.: Oxford University Press, 2010. – 160 p.
125. Shadyrsky, M. I. Literary utopia from More to Huxley. Attainment of island / M.I. Shadyrsky. – Moscow, 2007. – 160 p.
126. Shakespeare, W. Futile efforts of love / W. Shakespeare. Complete works. Vol. 2. – Moscow, 1958. – Pp. 393 – 512.
127. Shakespeare, W. The tempest / W. Shakespeare. Complete works. Vol. 8. – Moscow, 1960. – Pp. 119 – 212.
128. Shatsky, E. Utopia and tradition / E. Shatsky. – Moscow, 1990. – 456 p.
129. Sheckley, R. The native problem / R.Sheckley. The collected short fiction of Robert Sheckley. Book 2. – Eugene.: Pulphouse Publishing, 1991. – Pp. 279 – 299.
130. Shelling, F. Philosophical inquiries into the essence of human freedom / F. Shelling. Works. Vol. 2. – Moscow, 1989. – Pp. 86 – 158.
131. Shestakov, V.P. Anatomy of English humor / V.P. Shestakov. – Moscow, 2017. – 152 p.
132. Shestakov, V.P. Eschatology and utopia / V.P. Shestakov. – Moscow, 1995. – 208 p.
133. Simmel, G. Individual freedom / G. Simmel. Selected works. Vol 2. Contemplation of life. – Moscow, 1996. – Pp. 193 – 200.

134. Simmel, G. On the concept and tragedy of culture; On culture; The changes in the forms of culture; The crisis of culture; The conflict in modern culture / G. Simmel. Selected works. Vol 1. Philosophy of culture. – Moscow, 1996. – Pp. 445 – 516.
135. Simmel, G. The metropolis and mental life / G. Simmel. – Moscow, 2018. – 112 p.
136. Sloterdjik, P. Rules for the human zoo / P. Sloterdjik. Url:http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/ (12.12.19)
137. Spengler, O. The decline of the west / O. Spengler. Vol. 1. Form and actuality. – Minsk, 2009. – 656 p.
138. Stillman, P.G. Twenty-first century critical dystopias / P.G. Stillman // More after More. Essays commemorating the five-hundredth anniversary of Thomas More's Utopia. Edited by Ksenia Olkusz, Michal Klosinski, Krzysztof M.Maj. – Krakow.: Facta ficta research center, 2016. – Pp. 56 – 70.
139. Sventohovsky, A. The history of utopias. From ancient till the end of XIX century / A. Sventohovsky. – Moscow, 2012. – 448 p.
140. Svyatlovsky, V.V. Catalog of utopias / V.V. Svyatlovsky. – Moscow, Petrograd, 1923. – 102 p.
141. Swift, J. Gulliver's travels, A tale of a tub / J. Swift. – Moscow, 2009. – 592 p.
142. The problem of value in philosophy. Ed.: A.G. Harchev, T.N. Gorstein, M.A. Kissel and V.P. Tugarinov. – Moscow, Leningrad, 1966. – 256 p.
143. The utopia reader. Edited by G. Claeys and L.T. Sargent. – New York and London: NEW YORK UNIVERSITY PRESS, 1999. – 422 p.
144. Toffler, A. Future shock / A. Toffler. – Moscow, 2004. – 557 p.
145. Tolstoy, L.N. War and peace / L.N. Tolstoy. 4 vol. – Moscow, 2006. – Pp. 360 – 366.
146. Tsverianishvily, A.G. Cultural views of Lan Shu-min / A.G. Tsverianishvily. Social and political thought of China. – Moscow, 1988. – Pp. 170 – 188.
147. Tuzovsky, I.D. A bright tomorrow? Dystopia of futurology and futurology of dystopia / I.D. Tuzovsky. – Chelyabinsk, 2009. – 312 p.
148. Vairasse, D. History of Sevarambes / D. Vairasse. – Moscow, 1956. – 317 p.
149. Voigt, A. Social utopias / A. Voigt. – Moscow, 2011. – 110 p.

150. Volgin, V.P. History of socialistic ideas / V.P. Volgin. – Moscow-Leningrad, 1928. – 299 p.
151. Vyzhletsov, G.P. Axiology of culture / G.P. Vyzhletsov // Paradigm: philosophical – cultural almanac. – 2008. – N 11. – Pp. 47 – 61.
152. Warwick, T. In the place of utopia: affect and transformative ideas / T.Warwick. – Bern.: Peter Lang AG, 2014. – 289 p.
153. Wilson, David A. The history of the future / David A. Wilson. – Moscow, 2007. – 286 p.
154. Winstanley, G. The law of the freedom / G. Winstanley. Utopian socialism. A compilation of works. Ed. A.I. Volodin. – Moscow, 1982. – Pp. 103 – 126.
155. Yakusheva, N.B. The transformation of utopia into dystopia: candidate dissertation. Philosophical sciences: 24.00.01 / Yakusheva Natalia Borisovna. – St. Petersburg, 2001. – 199 p.
156. Yoran, H. Between utopia and dystopia: Erasmus, Thomas More, and the Humanist Republic of Letters / H. Yoran. – Plymouth: Lexington Books, 2010. – 265 p.
157. Zamyatin, Y.I. We / Y.I. Zamyatin. Selected. – Moscow, 1989. – Pp. 307 – 462.
158. Zizek, S. End of capitalism, end of humanity? / S. Zizek // Stasis. – Vol 5. – 2017.– N 1. – Pp. 20 -35.